

ВЕСТНИК
ТОМСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА
ПРАВО

Tomsk State University Journal of Law

Научный журнал

2025

№ 55

Свидетельство о регистрации средства массовой информации выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзором)

ПИ № ФС77-45814 от 8 июля 2011 г.

Журнал входит в «Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук» Высшей аттестационной комиссии

Подписной индекс в объединенном каталоге «Пресса России» 46014

Учредитель – Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Национальный исследовательский Томский государственный университет»

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Уткин В.А. (главный редактор, председатель редколлегии) – доктор юридических наук, профессор, зав. кафедрой уголовно-исполнительного права и криминологии Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета, заслуженный юрист Российской Федерации; **Азаров В.А.** – профессор, доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного процесса, прокурорского надзора и правоохранительной деятельности Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета, зав. кафедрой уголовного процесса и криминалистики Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского, заслуженный юрист Российской Федерации; **Гайстлингер Михаэль** – доктор юридических наук, профессор Зальцбургского университета (Австрия); **Мазуркевич Яцек** – доктор юридических наук, профессор Зеленогурского университета (Польша); **Мешко Горазд** – доктор юридических наук, профессор, зав. кафедрой криминологии Мариборского университета (Словения); **Працко Г.С.** – доктор юридических наук, доктор философских наук, зам. начальника по науке Ростовского юридического института МВД России; **Рабец А.М.** – доктор юридических наук, профессор, старший научный сотрудник лаборатории социально-правовых исследований Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета, профессор кафедры гражданско-правовых дисциплин Юридического факультета Российского государственного социального университета, заслуженный деятель науки Российской Федерации; **Свиридов М.К.** – доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного процесса, прокурорского надзора и правоохранительной деятельности Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета, член-корреспондент СО Академии наук высшей школы, действительный член Международной академии наук высшей школы, действительный член Академии социальных наук; **Селиверстов В.И.** – доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного права и криминологии юридического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, заслуженный деятель науки Российской Федерации; **Старостин С.А.** – профессор, доктор юридических наук, профессор кафедры теории и истории государства и права, административного права Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета, профессор кафедры административного права и процесса Московского государственного юридического университета им. О.Е. Кутафина, председатель Комитета экспертов-советников Постоянно действующего Третейского суда JSM в г. Цюрих (Швейцария) Института международного коммерческого арбитража; **Халиулин А.Г.** – доктор юридических наук, профессор, государственный советник юстиции 3-го класса, зав. кафедрой прокурорского надзора за исполнением законов в оперативно-розыскной деятельности и участия прокурора в уголовном судопроизводстве Университета прокуратуры Российской Федерации; **Чанхай Лун** – доктор юридических наук, профессор, проректор Маньчжурского института Университета Внутренней Монголии (Китай); **Шафиров В.М.** – доктор юридических наук, профессор, зав. кафедрой теории государства и права Юридического института Сибирского федерального университета, заслуженный работник высшей школы Российской Федерации

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Уткин В.А. (председатель редколлегии) – доктор юридических наук, профессор, зав. кафедрой уголовно-исполнительного права и криминологии Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета, заслуженный юрист Российской Федерации; **Ольховик Н.В.** (зам. председателя редколлегии) – кандидат юридических наук, доцент, зав. кафедрой уголовного права Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета, зам. директора по научной работе Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета; **Геймбух Н.Г.** (ответственный секретарь редколлегии) – кандидат юридических наук, доцент, зав. кафедрой конституционного и международного права Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета; **Андреева О.И.** – доктор юридических наук, профессор, директор Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета, зав. кафедрой уголовного процесса, прокурорского надзора и правоохранительной деятельности Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета; **Болтанова Е.С.** – доктор юридических наук, доцент, зав. кафедрой гражданского права Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета, профессор кафедры природоресурсного, земельного и экологического права Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета; **Ведяшкин С.В.** – кандидат юридических наук, доцент, зав. кафедрой теории и истории государства и права, административного права Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета; **Князьков А.С.** – доктор юридических наук, доцент, зав. кафедрой криминалистики Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета; **Мананкова Р.П.** – доктор юридических наук, профессор, старший научный сотрудник лаборатории социально-правовых исследований Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета; **Савицкая И.С.** – старший преподаватель кафедры английской филологии факультета иностранных языков Национального исследовательского Томского государственного университета

СОДЕРЖАНИЕ

ПРОБЛЕМЫ ПУБЛИЧНОГО ПРАВА

Агабекян А.Л. Защита интересов потерпевшего: нарративный контекст	5
Васеловская А.В., Ольховик Н.В., Шеслер А.В. Организационно-правовая модель применения принудительных мер медицинского характера в советский период	17
Геймбух Н.Г. Вопросы реализации принципа верности федерации в Федеративной Республике Германия	35
Киселев А.С. Теоретико-правовой анализ рисков внедрения технологий, основанных на искусственном интеллекте, в социально-экономической сфере	43
Кровельщикова В.В. Опосредованное федеральное управление в Австрийской Республике	60
Липчанская М.А., Шиндина А.В. Особенности цифровой трансформации сельских муниципалитетов: конституционно-правовое исследование	66
Мигущенко О.Н. Реализация права на жизнь как основа обеспечения главного стратегического национального приоритета Российской Федерации	78

ПРОБЛЕМЫ ЧАСТНОГО ПРАВА

Кванина В.В. Оценка эффективности законодательства в сфере предпринимательской деятельности	89
Клементьев А.П. Внебиржевой договор своп: от правовой квалификации к судебной практике по производственным финансовым инструментам	108
Краснова Т.В. Институционализация вспомогательной репродукции человека в российском законодательстве: от проблем к возможностям	122
Семенов Н.С., Семенов С.Р. Правовые и экономические проблемы информационных отношений в структуре сельского хозяйства Кыргызской Республики	138
Щенникова Л.В. Добросовестность в гражданском праве: законодательство, доктрина, судебная практика	154

CONTENTS

PROBLEMS OF THE PUBLIC LAW

Agabekyan A.L. Victim advocacy: the narrative context	5
Vaslovskaya A.V., Olkhovik N.V., Shesler A.V. The organizational and legal model of the use of compulsory medical measures in the soviet period	17
Geymbukh N.G. Issues of implementation of the principle of loyalty to the Federation in the Federal Republic of Germany	35
Kiselev A.S. Theoretical and legal analysis of the risks of introducing technologies based on artificial intelligence in the socio-economic sphere	43
Krovelshchikova V.V. Indirect federal government in the Republic of Austria	60
Lipchanskaya M.A., Shindina A.V. Features of digital transformation of rural municipalities: a constitutional and legal study	66
Migushchenko O.N. Realization of the right to life as the basis for the Russian Federation main national strategic priority	78

PROBLEMS OF THE PRIVATE LAW

Kvanina V.V. Assessment of the effectiveness of legislation in the field of entrepreneurial activity	89
Klementyev A.P. Over-the-counter swap contract: from legal qualification to case law on derivative financial instruments	108
Krasnova T.V. Institutionalization of assisted human reproduction in Russian legislation: from problems to opportunities	122
Semenov N.S., Semenov S.R. Legal and economic problems in the information structure of agriculture in the Kyrgyz Republic	138
Shchennikova L.V. Good faith in civil law: legislation, doctrine, case law	154

Проблемы публичного права / Problems of the public law

Научная статья

УДК 343.122

doi: 10.17223/22253513/55/1

Защита интересов потерпевшего: нарративный контекст

Алла Липаритовна Агабекян¹

¹ *Национальный исследовательский Томский государственный университет,
Томск, Россия, AllaAgabekyan@yandex.ru*

Аннотация. Анализируются положения уголовного, уголовно-процессуального и уголовно-исполнительного законодательства и правоприменительной деятельности по вопросам защиты интересов потерпевшего. Приводятся выводы по результатам изучения приговоров судов первой и апелляционной инстанций, а также решений, принятых в ходе производств по искам о возмещении вреда, причиненного преступлением. Анализируются нарративные истории (интервью) следователей, в которых отражены нарушения частных интересов потерпевших от преступлений. Предлагаются пути совершенствования теории и практики применения законов.

Ключевые слова: потерпевший, гражданский иск, нарративные истории, нарративное интервью

Источник финансирования: исследование выполнено за счет средств гранта Российского научного фонда № 22-18-00496, <https://rscf.ru/project/22-18-00496/>.

Для цитирования: Агабекян А.Л. Защита интересов потерпевшего: нарративный контекст // Вестник Томского государственного университета. Право. 2025. № 55. С. 5–16. doi: 10.17223/22253513/55/1

Original article

doi: 10.17223/22253513/55/1

Victim advocacy: the narrative context

Alla L. Agabekyan¹

¹ *National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation*

Abstract. The author provides statistical information on the crime rate in 2023 and in the first half of 2024. Attention is drawn to the number of victims of crime: the number of deaths and those who suffered serious harm to health. It is noted that in some regions of the North Caucasus Federal District there is a positive trend towards a decrease in the number of such victims.

The article analyses the provisions of criminal, criminal-procedural and criminal-executive legislation, in which the figure of the victim is mentioned. On the example of

article 107 of the Criminal Code of the Russian Federation the influence of the figure of the victim and his behaviour on the qualification is studied. Special attention is paid to the analysis of such aggravating circumstance as unlawfulness or immorality of the victim's behaviour, which was the reason for the crime (paragraph 'h' of part 1 of article 61 of the Criminal Code of the Russian Federation). It is concluded that the courts, when making a decision in a criminal case, pay attention to the need to substantiate the absence or presence of an aggravating circumstance, which was pointed out by the participants in the process during the trial, which reduces the likelihood of revision of the sentence.

The peculiarities of taking into account such mitigating circumstances as 'the guilty party's apology to the victim and/or the victim's close relatives', as well as 'the young age of the guilty party' are separately studied. The judgement is considered, in which the court, despite a motion to terminate the criminal case against the defendant due to reconciliation with the victim, decided that the criminal case could not be terminated on the basis of article 76 of the Criminal Code of the Russian Federation. It is noted that in this case the court acted in the interests of the victims themselves.

The main regularities are highlighted, which were revealed through the study of materials of criminal cases, verdicts, claims for compensation for damage caused by the crime, as well as complaints filed with the Constitutional Court of the Russian Federation. The problem related to the participation of a lawyer in criminal proceedings on the side of the victim, whose interests he represents, is investigated separately.

Narrative stories (interviews) of investigators that reflect violations of the private interests of victims of crime are analysed. It is stated that violations of victims' rights are observed not only at the stage of preliminary investigation or consideration of cases by the courts, but also at the stage of execution of the sentence imposed on the convicted person.

Keywords: victim, civil action, narrative stories, narrative interview

Financing: the research was funded by the Russian Science Foundation grant No. 22-18-00496, <https://rscf.ru/project/22-18-00496/>.

For citation: Agabekyan, A.L. (2025) Victim advocacy: the narrative context. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Pravo – Tomsk State University Journal of Law*. 55. pp. 5–16. (In Russian). doi: 10.17223/22253513/55/1

В России за январь–декабрь 2023 г. всего было зарегистрировано 1947,2 тыс. преступлений [1]. Это на 1% меньше, чем за аналогичный период 2022 г. При этом число потерпевших от преступных посягательств составило 53 463, из которых 21 046 человек – погибшие, а 32 417 – потерпевшие, которым в результате преступления был причинен тяжкий вред здоровью. В таких регионах Северо-Кавказского федерального округа, как Кабардино-Балкарская Республика, Республика Северная Осетия – Алания, было отмечено снижение числа погибших от преступлений, в то же время в этих республиках был зарегистрирован рост числа лиц, которым причинен тяжкий вред здоровью. Представляется интересным обращение к показателям преступности за первые полгода 2024 г. [2] в сравнении с аналогичным периодом 2023 г. [3]. В январе – июне 2024 г. зарегистрировано 957,3 тыс. преступлений, что на 2,7% меньше, чем за аналогичный период прошлого года. При этом число потерпевших от преступных посягательств в 2024 г. составило 26 149, а в 2023 г. – 27 040, из которых в 2024 г. было 10 426 погибших,

а 2023 г. – 10 730, а число потерпевших, которым в результате преступления был причинен тяжкий вред здоровью, в 2024 г. составило 15 723, тогда как в 2023 г. – 16 310. Сравнивая данные показали, можно прийти к выводу о незначительном, но снижении числа потерпевших от преступлений, что соотносится с уменьшением числа зарегистрированных преступлений, а не с нивелированием каких-либо детерминант преступности.

Примечательно, что Республика Северная Осетия – Алания в обоих отчетах отнесена к региону, в котором из года в год регистрируется лучший показатель по снижению числа погибших от преступлений в стране. Приведенная статистика состояния преступности в России позволяет в очередной раз обратить внимание на значимость фигуры потерпевшего, чьи права, свободы, интересы должны быть защищены как на законодательном уровне, так и в правоприменительной деятельности.

Обращаясь к положениям уголовного, уголовно-процессуального и уголовно-исполнительного законодательства, стоит обратить внимание на количество упоминаний о потерпевшем. Так, в Уголовном кодексе Российской Федерации этот термин встречается 80 раз, в основном в нормах Особенной части УК РФ: ст. 105, 107, 110, 111–113, 117, 123, 126, 127, 127.1, 127.2, 128, 131–134, 137, 158, 162, 163, 172.4, 179, 230, 240, 286, 302, 307–309, 311, 335, 365.1 УК РФ. На примере ст. 107 рассмотрим влияние фигуры потерпевшего и его поведения на квалификацию.

Как справедливо отмечает Е.С. Белых, существует правовая неопределенность относительно характера и содержания действий потерпевшего, являющегося причиной возникновения у виновного аффекта [4. С. 98]. Без устранения указанной проблемы не представляется возможным обеспечить единообразное применение норм материального права. Решение выявленных недостатков, в том числе исключение оценочных категорий, Е.С. Белых видит в издании Пленумом Верховного Суда РФ отдельного постановления, в котором был бы приведен примерный перечень ситуаций, относимых к каждому из аффектированных случаев, позволяющих разграничить их между собой [4. С. 101]. Критикуя позицию исследователя, считаем это излишним, ввиду наличия в п. 15 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27.09.2012 № 19 «О применении судами законодательства о необходимой обороне и причинении вреда при задержании лица, совершившего преступление» [5] достаточных для применения разъяснений, обеспечивающих возможность унифицированной реализации норм. Кроме того, М.А. Грабчев категорию аффекта предлагает считать как объективной, так и субъективной, приводя пример из практики, подтверждающий позицию о том, что в зависимости от обстановки преступник может по-разному оценить действия, совершаемые в отношении него, например, воспринять их как аморальные, тогда как в действительности они таковыми не являются [6. С. 312–312].

Особое внимание стоит уделить положениям Общей части УК РФ, а именно ст. 61, 63, 76 УК РФ. Например, среди обстоятельств, отягчающих

наказание, законодатель выделяет отдельно противоправность или аморальность поведения потерпевшего, явившегося поводом для преступления (п. «з» ч. 1 ст. 61 УК РФ), а также оказание медицинской и иной помощи потерпевшему непосредственно после совершения преступления, добровольное возмещение имущественного ущерба и морального вреда, причиненных в результате преступления, иные действия, направленные на заглаживание вреда, причиненного потерпевшему (п. «к» ч. 1 ст. 61 УК РФ). Среди изученных материалов уголовных дел в судах по преступлениям против жизни и здоровья, против собственности наиболее часто встречающимися смягчающими наказания обстоятельствами были пп. «з», «и» ч. 1 ст. 61 УК РФ, а вот п. «к» ч. 1 ст. 61 УК РФ встречался крайне редко (было изучено и проанализировано более 50 материалов уголовных дел за период с 2021 по 2024 г. в архивах судов).

Заслуживает отдельного внимания учет судами противоправности или аморальности поведения потерпевшего, явившегося поводом для преступления. Так, по одному из дел в 2022 г. суд первой инстанции не учел это обстоятельство, но после апелляционной жалобы адвоката в суде апелляционной инстанции было вынесено определение, в котором суд указал на необходимость дополнения в описательно-мотивировочной части приговора на повод к совершению преступления, а именно противоправное поведение потерпевшего, так как умерший заматывал подсудимую в одеяло и скидывал с дивана. Примечательно, что на окончательный срок наказания это обстоятельство не повлияло. В другом деле суд первой инстанции в приговоре 2023 г. обратил особое внимание на такое обстоятельство, как аморальное поведение потерпевшего, отметив, что такого смягчающего обстоятельства в деле не усматривается. Таким образом, суды при принятии решения по уголовному делу обращают внимание не на необходимость обоснования отсутствия или наличия отягчающего обстоятельства, на которое указывали участники процесса в ходе судебного разбирательства, что позволяет снизить вероятность пересмотра приговора.

С учетом того, что перечень смягчающих обстоятельств в законе указан не исчерпывающим образом, суды могут учесть в качестве смягчающих и другие обстоятельства, не указанные прямо в законе. На основании ч. 2 ст. 61 УК РФ к числу смягчающих суд также относил принесение извинений перед потерпевшими и своими родственниками, частичное признание вины, преклонный возраст подсудимого, раскаяние в содеянном, положительная характеристика; наличие хронических заболеваний; прохождение лечения от наркомании. Отметим, что принесение извинений потерпевшему судами рассматривается как способ заглаживания вреда, который в последующем может быть учтен при принятии решения об освобождении от уголовной ответственности в соответствии с ч. 1 ст. 75 или ст. 76.2 УК РФ (абз. 2 п. 2.1 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27.06.2013 № 19 «О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности») [7]. Вместе с тем в это обстоятельство, как правило, не включается в содержание п. «к» ч. 1 ст. 61

УК РФ, а именно в «иные действия, направленные на заглаживание вреда, причиненного потерпевшему», ведь суды предпочитают указывать в приговоре на «принесение извинений» со ссылкой на ч. 2 ст. 61 УК РФ. Учитывая значимость фигуры потерпевшего, предлагаем дополнить ч. 1 ст. 61 УК РФ пунктом «л»: «принесение виновным извинений потерпевшему и/или близким родственникам потерпевшего».

В одном случае суд даже учел наличие малолетних детей, но не на основании п. «г» ч. 1 ст. 61 УК РФ, а на основании ч. 2 ст. 61 УК РФ, так как подсудимая была лишена родительских прав в отношении двух малолетних детей, но при этом помогала в их воспитании. Однако остается неясным, насколько правомерно указание судом в качестве смягчающих наказание обстоятельств одновременно несовершеннолетие виновного (п. «б» ч. 1 ст. 61 УК РФ) и молодой возраст подсудимого (ч. 2 ст. 61 УК РФ). Полагаем, что суды напрасно учитывают фактически одно и то же обстоятельство дважды. В этой связи предлагаем судам избегать повторного учета одного и того же обстоятельства в качестве смягчающего.

К числу отягчающих обстоятельств, в которых упоминается потерпевший, законодатель относит совершение преступления с особой жестокостью, садизмом, издевательствами, а также мучениями для потерпевшего (п. «и» ч. 1 ст. 63 УК РФ), однако среди всего объема изученных материалов дел такое обстоятельство не встретилось ни в одном уголовном деле. В то же время чаще встречались указания на следующие отягчающие обстоятельства: совершение преступления в группе (п. «в» ч. 1 ст. 63 УК РФ), а также совершение преступления в состоянии алкогольного или наркотического опьянения (ч. 1.1 ст. 63 УК РФ).

В одном из дел лицо в течение того же года (месяцами ранее) совершило преступление, предусмотренное п. «в» ч. 2 ст. 158 УК РФ, но уголовное дело было прекращено в связи с примирением с потерпевшим, т.е. лицо освобождено от уголовной ответственности постановлением суда, поэтому ему удалось избежать указания в приговоре на такое отягчающее наказание обстоятельство, как рецидив, ведь такое лицо юридически не судимо.

Это еще одно положение УК РФ, в котором упоминается потерпевший, – ст. 76 (освобождение от уголовной ответственности в связи с примирением с потерпевшим). Рассмотрим приговор Черкесского городского суда Карачаево-Черкесской Республики от 24 ноября 2022 г. по уголовному делу № 1-643/2022 [8]. Потерпевшим по данному делу был признан гражданин Д.; в суде также принимал участие представитель потерпевшего муниципального предприятия, действующего на основании доверенности. Согласно обстоятельствам дела, гражданин Б. во дворе дома подошел к автомобилю потерпевшего Д., совершив хищение четырех колес, после чего подошел к другой машине, принадлежащей муниципальному предприятию, и похитил еще два колеса. Действия виновного были квалифицированы судом по п. «в» ч. 2 ст. 158 УК РФ, т.е. тайное хищение чужого имущества, совершенное с причинением значительного ущерба гражданину.

Несмотря на то, что в ходе судебного разбирательства представитель потерпевшего муниципального предприятия и потерпевший Д. обратились с ходатайством о прекращении уголовного дела в отношении подсудимого в связи с примирением, так как ущерб возмещен и претензий к подсудимому они не имеют, все же суд принял решение о невозможности прекращения уголовного дела на основании ст. 76 УК РФ, так как «это не будет соответствовать целям и задачам защиты прав и законных интересов личности, общества и государства». Таким образом, лицо было признано виновным в совершении инкриминируемого деяния, ему было назначено наказание в виде обязательных работ. В указанном деле можно увидеть, что суд, несмотря на мнение потерпевших, не согласился с их позицией, однако при этом действовал в пользу самих потерпевших, защищая их права и частные интересы, а также интересы общества и государства.

Стоит отметить, что по данному делу был заявлен гражданский иск, но суд оставил его без рассмотрения, поскольку представитель потерпевшего позже отказался от исковых требований. Отметим, что лишь в 16% всех изученных приговоров гражданский иск был заявлен (было изучено и проанализировано более 5 000 приговоров за период с 2018 по 2023 г., размещенных на платформе ГАС «Правосудие» и в архивах судов (Исследование выполнено за счет средств гранта Российского научного фонда № 22-18-00496, <https://rscf.ru/project/22-18-00496/>)). При этом 49% из них с требованием о возмещении вреда имуществу, 39% с требованием о возмещении морального вреда, менее 16% возмещения вреда здоровью. В 70% уголовных дел гражданский иск заявлял потерпевший, в 18% прокурор.

Вместе с тем среди изученных в судах материалов уголовных дел по преступлениям против жизни и здоровья, а также по преступлениям против собственности, гражданские иски не заявлялись, так как ущерб был добровольно возмещен еще на стадии предварительного расследования. При этом размер ущерба от преступлений против собственности варьировался от 5 550 до 68 718 руб., а среднее значение причиненного ущерба по изученным делам данной категории составило 23 424 руб.

По результатам изучения 200 решений судов Томской области, Новосибирской области, Республики Хакасия за период с 2018 по 2024 г., принятых в ходе производств по искам о возмещении вреда, причиненного преступлением, были выявлены следующие особенности и закономерности. Так, в Хакасии в качестве потерпевших чаще всего признавалось несколько физических лиц, реже – физические и юридические лица. Подсудимый нередко полностью или частично возмещал ущерб лишь одному из потерпевших. В случае, когда потерпевшим было признано физическое лицо, представитель чаще всего отсутствовал. Лишь в трех делах представитель потерпевшего физического лица участвовал только в судебных разбирательствах. В указанных делах гражданский иск был заявлен потерпевшим, но размер вреда им в основном не оспаривался. Гражданский иск в части возмещения вреда имуществу и здоровью был удовлетворен судом полностью в 80% приговорах, в которых он был заявлен. В 5% приговорах, где был заявлен

гражданский иск в части компенсации морального вреда и вреда деловой репутации, был удовлетворен судом «частично» в 3% приговорах и «в полном объеме» в 2% приговорах. Экспертиза для определения размера ущерба назначалась судами 14 раз, и во всех 14 случаях суды положили в основу приговора судебное экспертное заключение. Суды дважды признали за гражданскими истцами право на удовлетворение гражданских исков и передавали на рассмотрение вопросы о размерах возмещений гражданских исков в порядке гражданского судопроизводства. Между тем ни разу не была заявлена просьба возместить расходы потерпевшего на представителя.

В решениях судов Новосибирской области были выявлены случаи, когда потерпевшим было признано физическое лицо, представитель чаще всего отсутствовал, однако, по сравнению с данными Республики Хакасия, представитель участвовал чаще. В изученных решениях чаще заявлялся гражданский иск в части компенсации морального вреда и вреда деловой репутации, который в большинстве случаев удовлетворялся частично. Лишь в одном деле был применен арест имущества для обеспечения гражданского иска. А экспертиза для определения размера ущерба назначалась только 1 раз.

В Томской области в подавляющем большинстве случаев гражданский иск в части возмещения ущерба был удовлетворен в полном объеме, кроме 8 случаев частичного удовлетворения, а в части возмещения морального вреда иск 13 раз удовлетворен частично и лишь 3 – в полном объеме. Чаще всего виновный признавал гражданский иск, как и вину в преступлении.

Возвращаясь к фигуре потерпевшего, обратимся к содержанию Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации. В этом нормативном правовом акте потерпевший упоминается 285 раз. Например, в ч. 1 ст. 6 УПК РФ отмечается, что уголовное судопроизводство своим назначением видит защиту прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений; в ст. 22 УПК РФ подчеркивается право потерпевшего участвовать в уголовном преследовании. Однако нередко возникают нравственные проблемы, связанные с участием адвоката в уголовном процессе на стороне потерпевшего, чьи интересы он представляет. Как отмечают А.С. Таран, М.Ю. Жирова, С.В. Юношев, адвокат, который выступает в уголовном процессе представителем потерпевшего, должен иметь возможность полностью использовать свой арсенал законных полномочий, чтобы отстаивать интересы доверителя [9. С. 227, 230]. Соглашаясь с позицией ученых, отметим, что несправедливо ограничивать полномочия адвоката – представителя потерпевшего запретом обсуждать вопрос о виде и размере/сроке наказания для подсудимого, обосновывая это нравственными основами, ведь интересы доверителя должны быть защищены в полном объеме, в том числе и при указании на предпочитаемый потерпевшим вид и размер/срок наказания для подсудимого.

Коллективом ученых были изучены жалобы, поданные в Конституционный Суд РФ (в архиве Конституционного Суда РФ изучены материалы производств по 25 жалобам. Так, в соответствии с Постановлением Конституционного Суда Российской Федерации от 17 октября 2011 г. № 22-П «По

делу о проверке конституционности частей первой и второй ст. 133 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан В.А. Тихомировой, И.И. Тихомировой и И.Н. Сардыко» предметом рассмотрения стал вопрос о наличии права на реабилитацию у подсудимого по делам частного обвинения при прекращении уголовного дела на основании п. 5 ч. 1 ст. 24 УПК РФ – в связи с отсутствием заявления потерпевшей (которая не выполнила указание мирового судьи о приведении заявления в соответствие с требованиями закона), а также вопрос о том, имеет ли право на реабилитацию лицо, оправданное судом апелляционной инстанции по уголовному делу частного обвинения [10]. В решении суд указал на то, что уголовное преследование как процессуальная деятельность стороны обвинения, имеющая целью изобличение подозреваемого, обвиняемого в совершении преступления (п. 55 ст. 5 УПК РФ), осуществляется не только уполномоченными на то государством правоохранительными органами и должностными лицами, но и в предусмотренных законом случаях – также потерпевшими, действующими от своего имени при возбуждении уголовного дела, формулировании обвинения и его поддержании в суде. Право потерпевшего поддерживать обвинение предусмотрено также п. 16 ч. 2 ст. 42 УПК РФ.

Обратимся к указанной статье. В ней дается легальное определение понятию «потерпевший», перечисляется совокупность прав и ограничений. Между тем конституционно-правовой смысл ряда положений ст. 42 УПК РФ также был уточнен в решениях Конституционного Суда РФ и Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 29 июня 2010 г. № 17 «О практике применения судами норм, регламентирующих участие потерпевшего в уголовном судопроизводстве».

Стоит отметить, что в большинстве изученных материалов уголовных дел потерпевшими признавались родители погибших. Одно из дел вызвало особый интерес, поскольку потерпевшим по делу об убийстве должен был признан отец погибшего в силу того, что убийство сына осуществила родная мать убитого, но постановление о признании потерпевшим так и не было вынесено, ведь отец, ранее не проживающий с сыном, письменно отказался от такого статуса, указав в заявлении, что ему не причинен моральный вред. Объясняется это тем, что отец с сыном не проживал, в его воспитании не участвовал. В другом деле по обоим эпизодам преступлений наличие малолетних детей было признано смягчающим обстоятельством, при том что эти же малолетние дети были признаны потерпевшими. По третьему делу судом наличие малолетних детей было также признано смягчающим обстоятельством, причем как по заключению, так и по приговору, несмотря на то, что подсудимая обвинялась в убийстве собственной дочери по п. «в» ч. 2 ст. 105 УК РФ. По четвертому уголовному делу потерпевшей была признана жена убитого, которая одновременно была возлюбленной подсудимого. Между тем если потерпевшими по преступлениям против жизни и здоровья признавались физические лица, то по преступлениям против собственности признавались как физические лица, которые характеризовались положительно, так и индивидуальные предприниматели.

Нередко на практике допускаются нарушения прав и законных интересов потерпевших. В результате проведенных нарративных интервью с сотрудниками правоохранительных органов было выявлено нарушение, связанное с подачей заявления о преступлении, а точнее с принятием данного заявления (ст. 141 УПК РФ). По рассказу сотрудника, в отдел обратилась потерпевшая, которая считала, что в отношении нее сожитель совершил преступление, избивая ее, чем причинил заявительнице вред здоровью. Сотрудник стал расспрашивать у нее детально об обстоятельствах произошедшего, но ввиду усталости, накопившейся в конце рабочего дня, сотрудник принял решение не принимать заявление потерпевшей, убедив ее в том, что лучше отказаться от заявления, что в итоге и сделала потерпевшая. Более того, через определенное время, встретив сотрудника, поблагодарила его, что уберег от поспешного действия, так как после семейных неурядиц потерпевшей и ее сожителю удалось помириться. Таким образом, вопреки положением ч. 1 ст. 144 УПК РФ уполномоченное лицо, обязанное принять, проверить сообщение о совершенном преступлении, этого не сделал.

В результате проведения другого нарративного интервью со следователем было выявлено нарушение права потерпевшего (заявителя) на получение уведомления о возбуждении уголовного дела, предусмотренного ч. 4 ст. 146 УПК РФ, п. 13 ч. 2 ст. 42 УК РФ, а также о приостановлении производства по уголовному делу. По заверению следователя такое становится возможным не только в силу субъективных особенностей уполномоченных сотрудников, а ввиду того, что правоохранительные органы часто не располагают достаточным объемом канцелярских принадлежностей, в том числе конвертов с марками.

К числу процессуальных нарушений, которые допускаются следователями в отношении потерпевшего, относится неисполнение обязанности по разъяснению прав и обязанностей потерпевшего. Как сообщает следователь в ходе нарративного интервью, практически всегда права не разъясняются ни подозреваемому, ни потерпевшему, потому что права подозреваемому разъяснит потом адвокат, а потерпевшему, по мнению правоохранителей, это не к чему. С такой позицией сотрудника сложно согласится, ведь в силу указания закона следователь обязан рассказать потерпевшему о его правах и обязанностях, предусмотренных ч. 2 ст. 42, ст. 18 УПК РФ, ст. 51 Конституции РФ, а также обязан предупредить об уголовной ответственности в случае отказа от дачи показаний по ст. 308 УК РФ и в случае дачи заведомо ложных показаний по ст. 307 УК РФ.

Нарушения прав потерпевших наблюдаются не только на стадии предварительного расследования или рассмотрения дел судами, но и на стадии исполнения назначенного осужденному наказания. Обратимся к Уголовно-исполнительному кодексу Российской Федерации (далее – УИК РФ). По одному из дел потерпевшая в ходе судебного заседания заявила о желании получать информацию о прибытии осужденного к месту отбывания наказания, о выездах за пределы учреждения, а также о времени освобождения осужденного из мест лишения свободы. Указанные права предусмотрены ст. 17,

97, 172.1 УИК РФ. Однако, как потом сообщила потерпевшая, подобные уведомления она не получала, вероятно, в связи с тем, что сменила место жительства, но о новом адресе она дополнительно сообщила. Отметим, что всего в УИК, слово «потерпевший» встречается 30 раз, а в УК РФ – в ст. 47.1, 77.1, 78, 81, 97, 140, 172.1, 175, 177, 190. Это существенно меньше, чем в УК РФ и УПК РФ, однако нормы этих актов друг с другом тесно связаны. Так, в ст. 175 УИК РФ предусмотрено право обратиться в суд с ходатайством об условно-досрочном освобождении от отбывания наказания на основании ст. 79 УК РФ, при этом необходимо предоставить сведения, подтверждающие возмещение вреда, причиненного преступлением. Вместе с тем при рассмотрении проблемы возмещения осужденным вреда потерпевшему Е.О. Бодрова выделяет два аспекта: критерий исправления осужденных и средство их исправления [11. С. 94]. Исследователь, выдвигая предложения о порядке возмещения вреда потерпевшему, обращает внимание на отсутствие правовой основы для эффективной работы уголовно-исполнительных инспекций с осужденными, отбывающими альтернативы лишению свободы. Кроме того, Н.В. Осодоева выявила еще одну проблему, которая находится на стыке указанных выше статей УК РФ и УИК РФ, а также ст. 397 УПК РФ относительно принятия решения об условно-досрочном освобождении: вышестоящие суды отменяют судебные решения, если в материалах отсутствуют извещения потерпевших либо они извещены несвоевременно [12. С. 15]. Таким образом, фигуре потерпевшего на всех этапах применения законодательства уделяется особое внимание с учетом не только императивных, но и диспозитивных начал.

Список источников

1. Состояние преступности в Российской Федерации за январь – декабрь 2023 года. URL: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports/item/47055751/> (дата обращения: 10.08.2024).
2. Состояние преступности в Российской Федерации за январь – июнь 2024 года. URL: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports/item/53218362/> (дата обращения: 10.08.2024).
3. Состояние преступности в Российской Федерации за январь – июнь 2023 года. URL: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports/item/40116049/> (дата обращения: 10.08.2024).
4. Белых Е.С. К вопросу о понятии и признаках аффекта в статье 107 УК РФ // Международный научный вестник. 2024. № 10. С. 96–101.
5. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 сентября 2012 г. № 19 (ред. от 31.05.2022). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_135861/ (дата обращения: 28.05.2024).
6. Грабчев М.А. Аморальность действий потерпевшего в статьях 107, 113 Уголовного кодекса Российской Федерации // Сибирские юридические студенческие чтения : материалы XXI междунар. науч. конф. студ., посвященной 25-летию Сибирского юридического университета, Омск, 19 мая 2023 года. Омск : Сибирский юридический университет, 2024. С. 310–314.
7. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 июня 2013 г. № 19 (ред. от 29.11.2016). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_148355/ (дата обращения: 28.05.2024).
8. Приговор Черкесского городского суда Карачаево-Черкесской Республики от 24 ноября 2022 года по уголовному делу № 1-643/2022. URL:

<https://bsr.sudrf.ru/big5/showDocument.html?id=7d272fda50e4709828a42c0258e27300&shard> (дата обращения: 28.05.2024).

9. Таран А.С., Жирова М.Ю., Юношев С.В. О праве адвоката – представителя потерпевшего на обоснование меры наказания // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2023. № 4 (55). С. 226–234.

10. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 17 октября 2011 года № 22-П. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_120644/ (дата обращения: 28.05.2024).

11. Бодрова Е. О. Обеспечение прав потерпевших от преступлений при исполнении наказаний без изоляции от общества // Реализация прав, свобод и законных интересов граждан в местах принудительного содержания : сб. науч. ст. по материалам Междунар. науч.-практ. конф., Рязань, 04 февраля 2021 г. / под общ. ред. Л.Ю. Лариной, под науч. ред. А.Я. Гришко. Рязань : Концепция, 2021. С. 93–95.

12. Осодоева Н.В. Некоторые вопросы, возникающие в связи с рассмотрением материалов об условно-досрочном освобождении от отбывания наказания // Российский судья. 2023. № 5. С. 15–18.

References

1. Russian Federation. (n.d.) *Sostoyanie prestupnosti v Rossiyskoy Federatsii za yanvar' – dekabry' 2023 goda* [The state of crime in the Russian Federation for January – December 2023]. [Online] Available from: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports/item/47055751/> (Accessed: 10th August 2024).

2. Russian Federation. (n.d.) *Sostoyanie prestupnosti v Rossiyskoy Federatsii za yanvar' – iyun' 2024 goda* [The state of crime in the Russian Federation for January – June 2024]. [Online] Available from: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports/item/53218362/> (Accessed: 10th August 2024).

3. Russian Federation. (n.d.) *Sostoyanie prestupnosti v Rossiyskoy Federatsii za yanvar' – iyun' 2023 goda* [The state of crime in the Russian Federation for January – June 2023]. [Online] Available from: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports/item/40116049/> (Accessed: 10th August 2024).

4. Belykh, E.S. (2024) K voprosu o ponyatii i priznakakh affekta v stat'e 107 UK RF [On the concept and features of affect in Article 107 of the Criminal Code of the Russian Federation]. *Mezhdunarodnyy nauchnyy vestnik*. 10. pp. 96–101.

5. Russian Federation. (n.d.) *Postanovlenie Plenuma Verkhovnogo Suda Rossiyskoy Federatsii ot 27 sentyabrya 2012 g. № 19 (red. ot 31.05.2022)* [Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of September 27, 2012 No. 19 (as amended on May 31, 2022)]. [Online] Available from: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_135861/ (Accessed: 28th May 2024).

6. Grabchev, M.A. (2024) Amoral'nost' deystviy poterpevshego v stat'yakh 107, 113 Ugolovnogo kodeksa Rossiyskoy Federatsii [Immorality of the victim's actions in Articles 107, 113 of the Criminal Code of the Russian Federation]. *Sibirskie yuridicheskie studencheskie chteniya* [Siberian Legal Student Readings]. Proc. of the 21st International Youth Conference. Omsk, May 19, 2023. Omsk: Siberian Law University. pp. 310–314.

7. Russian Federation. (n.d.) *Postanovlenie Plenuma Verkhovnogo Suda RF ot 27 iyunya 2013 g. № 19 (red. ot 29.11.2016)* [Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of June 27, 2013 No. 19 (as amended on November 29, 2016)]. [Online] Available from: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_148355/ (Accessed: 28th May 2024).

8. Russian Federation. (n.d.) *Prigovor Cherkesskogo gorodskogo suda Karachaevo-Cherkesskoy Respubliki ot 24 noyabrya 2022 goda po ugolovnomu delu № 1-643/2022* [Sentence of the Cherkessk City Court of the Karachay-Cherkess Republic dated November 24, 2022 in criminal case No. 1-643/2022]. [Online] Available from:

<https://bsr.sudrf.ru/big5/showDocument.html?id=7d272fda50e4709828a42c0258e27300&shareId> (Accessed: 28th May 2024).

9. Taran, A.S., Zhirova, M.Yu. & Yunoshev, S.V. (2023) О праве адвоката – представителя потерпевшего на обоснование меры наказания [On the right of a lawyer – representative of the victim to justify the measure of punishment]. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pravo*. 4(55). pp. 226–234.

10. Russian Federation. (2011) *Postanovlenie Konstitutsionnogo Suda Rossiyskoy Federatsii ot 17 oktyabrya 2011 goda № 22-P* [Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of October 17, 2011 No. 22-P]. [Online] Available from: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_120644/ (Accessed: 28th May 2024).

11. Bodrova, E.O. (2021) Обеспечение прав потерпевших от преступлений при исполнении наказаний без изоляции от общества [Ensuring the rights of victims of crimes during the execution of sentences without isolation from society]. In: Larina, L.Yu. & Grishko, A.Ya. (eds) *Realizatsiya prav, svobod i zakonnykh interesov grazhdan v mestakh prinuditel'nogo soderzhaniya* [Implementation of the rights, freedoms, and legitimate interests of citizens in places of forced detention]. Ryazan: Kontseptsiya. pp. 93–95.

12. Osodoeva, N.V. (2023) Nekotorye voprosy, vznikayushchie v svyazi s rassmotreniem materialov ob uslovno-dosrochnom osvobozhdenii ot otbyvaniya nakazaniya [Some issues related to the consideration of parole from serving a sentence]. *Rossiyskiy sud'ya*. 5. pp. 15–18.

Информация об авторе:

Агабекян А.Л. – кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права, старший научный сотрудник лаборатории социально-правовых исследований Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: AllaAgabekyan@yandex.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

A.L. Agabekyan, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: AllaAgabekyan@yandex.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 11.08.2024,
одобрена после рецензирования 07.12.2024; принята к публикации 19.03.2025.*

*The article was submitted 11.08.2024;
approved after reviewing 07.12.2024; accepted for publication 19.03.2025.*

Научная статья
УДК 343.85
doi: 10.17223/22253513/55/2

Организационно-правовая модель применения принудительных мер медицинского характера в советский период

Александра Викторовна Васеловская¹,
Николай Владимирович Ольховик², Александр Викторович Шеслер³

^{1, 2, 3} *Национальный исследовательский Томский государственный университет,
Томск, Россия*

¹ *vaselovskaya.a@mail.ru*

² *lawtsu@rambler.ru*

³ *sofish@inbox.ru*

Аннотация. Рассматривается советская модель принудительных мер медицинского характера. Выделяются такие ее черты, как использование стигматизирующей терминологии («умственно и морально дефективные» и т.п.); закрытый для общества характер психиатрических лечебных заведений (изоляция больных от общества, отсутствие общественного контроля за методами их лечения); доминирование ведомственного правового регулирования деятельности психиатрических учреждений; применение радикальной терапии; широкое использование методов трудовой терапии.

Ключевые слова: принудительные меры медицинского характера, психические расстройства и расстройства поведения, общественная опасность психически больного лица, стигматизация, трудовая терапия, организационно-правовая модель

Источник финансирования: исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 25-28-00386, <https://rscf.ru/project/25-28-00386/>.

Для цитирования: Васеловская А.В., Ольховик Н.В., Шеслер А.В. Организационно-правовая модель применения принудительных мер медицинского характера в советский период // Вестник Томского государственного университета. Право. 2025. № 55. С. 17–34. doi: 10.17223/22253513/55/2

Original article

doi: 10.17223/22253513/55/2

The organizational and legal model of the use of compulsory medical measures in the soviet period

Alexandra V. Vaselovskaya¹, Nikolay V. Olkhovik², Alexander V. Shesler³

^{1, 2, 3} National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation

¹ vaselovskaya.a@mail.ru

² lawtsu@rambler.ru

³ sofish@inbox.ru

Abstract. The article considers the stages of formation and development of the Soviet organisational and legal model of coercive measures of medical nature. It is noted that the first stage covers the 20s-40s of the twentieth century and is characterised by the emergence and formation of the legal foundations and system of compulsory provision of psychiatric care to the population, and the second stage covers the 40s-80s of the twentieth century and is characterised by the formation of the Soviet model of application of coercive measures of medical nature.

It is indicated that the features of the first stage of compulsory treatment are the following: compulsory measures against mentally ill persons were considered as measures of social protection of society from new violations on their part; such measures were separated from punishment, since they were applied to persons with mental illnesses and other mental disorders who committed crimes or other acts dangerous to society; there was a practice referrals to psychiatric institutions for people without mental disorders, but with obvious antisocial or criminal behavior; the terminology of mental disorders has acquired a stigmatizing character (persons with "mentally and morally defective", etc.); a system of specialized psychiatric hospitals has been formed for the treatment of mentally ill persons who have committed socially dangerous acts; the activities of psychiatric medical institutions have become closed to society, since a system of subordination and control of specialized psychiatric hospitals to internal affairs bodies has developed, and There were no elements of public control; the use of radical methods of treatment in the treatment of mental disorders; the acquisition by psychiatric medical institutions of the appearance of penitentiary institutions due to their departmental affiliation to internal affairs bodies and the detention of persons who have committed crimes in them.

It is proved that the features of the second stage of compulsory treatment are: a gradual transition from stigmatizing terminology to the use of more neutral terminology; clearer legal regulation of the procedure for the application of compulsory medical measures; legislative consolidation of an exclusively judicial procedure for the application, extension, modification and termination of compulsory medical measures.

It is stated that the Soviet model of the use of compulsory medical measures is characterized by such features as the use of stigmatizing terminology ("mentally and morally defective", etc.); the closed nature of psychiatric medical institutions for society (isolation of patients from society, lack of public control over their treatment methods); the dominance of departmental legal regulation of psychiatric institutions; the use of radical therapy; widespread use of occupational therapy methods.

Keywords: compulsory medical measures, mental disorders and behavioral disorders, social danger of a mentally ill person, stigmatization, occupational therapy, organizational and legal model

Financing: the study was funded by the Russian Science Foundation grant No. 25-28-00386, <https://rscf.ru/project/25-28-00386/>.

For citation: Vaselovskaya, A.V., Olkhovik, N.V. & Shesler, A.V. (2025) The organizational and legal model of the use of compulsory medical measures in the soviet period. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Pravo – Tomsk State University Journal of Law*. 55. pp. 17–34. (In Russian). doi: 10.17223/22253513/55/2

Изучение нормативных правовых актов, на которых основывается применение принудительных мер медицинского характера, а также организации деятельности психиатрических лечебных учреждений по такому применению позволяет выделить два этапа в становлении и развитии советской модели оказания принудительной психиатрической помощи населению.

Первый этап характеризуется возникновением и становлением правовых основ и системы принудительного оказания психиатрической помощи населению. Вторым этапом характеризуется сформированностью советской модели применения принудительных мер медицинского характера. На наш взгляд, первый этап охватывает 1920–1940-е гг., а второй этап – конец 1940-х гг. – конец 1980-х гг.

Начало возникновения советской системы принудительного оказания психиатрической помощи населению в постреволюционной России связано с утвержденной Народным комиссариатом юстиции РСФСР Временной инструкции «О лишении свободы как о мере наказания и о порядке отбывания такого» от 23.07.1918. В ней впервые Советское государство указало на специальные меры, применяемые к психически больным лицам, совершившим общественно опасные деяния [1. С. 51–53]. Согласно указанной инструкции, к местам лишения свободы были отнесены «карательно-лечебные заведения для помещения арестантов с заметно выраженными психическими дефектами». Исходя из такого их названия, данные учреждения представляли собой не просто лечебные учреждения, а учреждения пенитенциарного типа.

В конце 1919 г. были приняты заменившие собой Уголовное уложение 1903 г. Руководящие начала по уголовному праву РСФСР, утвержденные постановлением Народного комиссариата юстиции от 12.12.1919. Статья 14 указанного документа содержала в себе норму, предусматривающую освобождение от уголовной ответственности лиц, «совершивших деяния в состоянии душевной болезни или вообще в таком состоянии, когда совершившие его не отдавали себе отчета в своих действиях, а равно и тех, кто хотя и действовал в состоянии душевного равновесия, но к моменту приведения приговора в исполнение страдает душевной болезнью». К таким лицам предусматривалось применение лечебных мер и мер предосторожности [1. С. 63–68], содержание которых в Руководящих началах не раскрывалось.

Более подробно меры, которые могли быть применены к лицам, страдающим психическими расстройствами и совершившим общественно опасные деяния, раскрывались в Уголовном кодексе РСФСР 1922 г. В частности, ст. 17 УК РСФСР 1922 г. содержала в себе положение о том, что «лица, совершившие

преступление в состоянии хронической душевной болезни или временного расстройства душевной деятельности, или вообще, в таком состоянии, когда совершившие его не могли отдавать отчета в своих действиях» не подлежат наказанию. К ним в соответствии со ст. 46 этого кодекса предполагалось применение таких мер социальной защиты, как помещение в учреждения для умственно или морально дефективных и принудительное лечение [2].

Таким образом, Уголовный кодекс РСФСР 1922 г. выделил категории лиц, которые не подлежали уголовному наказанию в силу их особого психического состояния, в котором они совершили опасные для общества деяния, а также указал возможность применения в отношении них основанных на уголовном законе мер, которые не являются наказанием. Перечень этих лиц был сформулирован законодателем достаточно абстрактно, так как помимо лиц с хронической душевной болезнью и временным расстройством душевной деятельности, к ним были отнесены и иные лица, совершившие преступления «в таком состоянии, при котором они не могли отдавать отчета в своих действиях». Какое именно состояние в последнем случае имелось в виду, законодатель не раскрывал. Буквальное толкование уголовного закона позволяло применять помещение в учреждения для умственно или морально дефективных и принудительное лечение в отношении не только тех лиц, чье деяние, опасное для общества, было обусловлено болезненным состоянием психики в момент его совершения, но и лиц, которые в момент совершения ими преступления утратили волевой контроль над своим поведением, однако не находились в болезненном психическом состоянии. Кроме того, отметим, что в уголовном законе не было указано, что должны были представлять собой учреждения для умственно или морально дефективных, а также то, где должно было осуществляться принудительное лечение. В результате помещение в учреждения для умственно и морально дефективных не применялось, а сами учреждения подобного типа не были созданы [3. С. 25]. Принудительное лечение осуществлялось в обычных психиатрических больницах, куда также направлялись лица, совершившие преступления, в целом ведущие асоциальный и криминальный образ жизни, однако не проявляющие признаки психического расстройства. Это приводило к переполненности психиатрических больниц, принудительному содержанию в них лиц, не имеющих показания для оказания психиатрической помощи, криминализации психически больных лиц, находившихся в непосредственном контакте с преступниками, а также к замене мер наказания в отношении преступников принудительной психиатрической терапией.

В 1924 г. были приняты Основные начала уголовного законодательства СССР. Статья 5 указанного нормативного правового акта, перечисляя виды мер социальной защиты, отнесла к ним наряду с мерами судебно-исправительного характера меры медицинского характера, а также меры медико-педагогического характера. Согласно ст. 7 Основных начал уголовного законодательства СССР, меры медицинского характера подлежали применению в отношении лиц, совершивших преступления в состоянии хронической душевной болезни или временного расстройства душевной деятельности или

в таком болезненном состоянии, когда не могли давать себе отчета в своих действиях или руководить ими, а равно в отношении тех, которые хотя и действовали в состоянии душевного равновесия, но к моменту вынесения приговора заболели душевной болезнью. При этом в ст. 15 этого закона предусматривалось два вида социальных мер медицинского характера: принудительное лечение и помещение в медико-изоляционное учреждение [4]. Содержание этих мер и места их применения в законе не раскрывались. В статье 16 Основ к мерам медико-педагогического характера относились: отдача на попечение родителям, родственникам или другим лицам, учреждениям и организациям; помещение в специальные заведения. Почему меры, применяемые к несовершеннолетним, были названы медицинскими мерами, а не просто педагогическими, определить в настоящий период достаточно сложно. Исследования свидетельствуют о том, что все учреждения, создаваемые для несовершеннолетних с правонарушающим или социально отклоняющимся поведением в первые годы Советской власти, изначально носили социально-педагогическую направленность. Так, Наркоматами просвещения союзных республик создавались дома для трудновоспитуемых подростков, Наркоматом внутренних дел СССР создавались изоляторы, трудовые колонии и приемники-распределители [5. С. 81–82].

Уголовный кодекс РСФСР в редакции 1926 г. в ст. 24 к мерам медицинского характера относил два вида мер: принудительное лечение и помещение в лечебное заведение в соединении с изоляцией [6]. В статье 25 этого закона специальные заведения, куда помещались несовершеннолетние в порядке применения мер социальной защиты медико-педагогического характера, названы специальными лечебно-воспитательными заведениями. Указанные меры законодателем отличались от мер социальной защиты судебно-исправительного характера, применяемых в отношении лиц, действовавших умышленно или неосторожно (ст. 10). В статье 11 закона особо подчеркивалось, что меры медицинского характера применяются в отношении лиц, совершивших преступления в состоянии хронической душевной болезни, или временного расстройства душевной деятельности, или в ином болезненном состоянии, если эти лица не могли отдавать себе отчета в своих действиях или руководить ими, а равно в отношении тех, которые хотя и действовали в состоянии душевного равновесия, но к моменту вынесения приговора заболели душевной болезнью. Применение данных мер предусматривалось не только судом, но и «соответствующими органами до судебного разбирательства» (ст. 26). Данные законодательные положения в силу своей неопределенности, как и аналогичные положения УК РСФСР 1922 г., не привели к изменению сложившейся практики помещения лиц с криминальным поведением в обычные психиатрические больницы, поскольку фактически указанные медико-изоляционные учреждения так и не были созданы [7. С. 7].

Одновременно с развитием нормативной правовой основы, регламентирующей принудительное лечение в первые годы образования Советского

государства, в стране создается система специализированных психиатрических больниц, в которые должны были помещаться социально опасные психически больные лица. Одним из первых таких учреждений становится Казанская психиатрическая больница (изначально – Казанский окружной дом для умалишенных), открытая в 1869 г. [8. С. 126; 9. С. 11–18]. В 1939 г. в Казанской больнице было создано отделение, переданное под охрану казанской тюрьмы НКВД. В этом же году из-за значительно возросшего количества лиц, страдающих психическими расстройствами, совершивших общественно опасные деяния, вся Казанская психиатрическая больница была передана в введение НКВД [10. С. 168–169].

Еще одним психиатрическим лечебным учреждением, которое изначально создавалось в качестве специализированного, т.е. предназначенного для лиц, совершивших общественно опасные деяния, была Московская окружная лечебница для душевнобольных, открытая в 1907 г. Положение о больнице 1907 г. определяло следующие категории лиц, подлежащих помещению в данную лечебницу: особо опасные преступники, как осужденные, так и находящиеся под следствием; лица, помещенные судом для испытания их умственных способностей; а также неизлечимые и опасные для общества душевнобольные [8. С. 130]. В 1920–1940-е гг. Московская окружная лечебница для душевнобольных сохранила своё предназначение и по-прежнему оставалась одним из крупнейших специализированных психиатрических учреждений, в которые помещались психически больные преступники.

Другим специализированным психиатрическим учреждением для призревания и изоляции общественно опасных психически больных лиц, в том числе совершивших преступление, становится Томская окружная психиатрическая лечебница. Открытая в 1908 г. более чем на 1 000 коек, лечебница должна была решить вопрос изоляции психически больных лиц, представляющих общественную опасность, а также преступников с психическими отклонениями на территории Сибири. В то время Сибирь была местом ссылки преступников, среди которых был немалый процент людей с нарушениями психики. Томская окружная лечебница выполняла функции изоляции и содержания душевнобольных, совершивших преступления, заключения душевнобольных арестантов, изоляции неизлечимых и опасных для общества пациентов [8. С. 129–130].

Немаловажную роль в создании и развитии системы специализированных психиатрических лечебниц для социально опасных психически больных лиц и преступников с психопатологией сыграло и открытие в 1921 г. Института судебной экспертизы В.П. Сербского. Институт был основан по инициативе Народного комиссариата здравоохранения и органов судопроизводства путем преобразования из Пречистенской психиатрической больницы [11]. Образованное учреждение взяло на себя функцию проведения судебно-психиатрических экспертиз по уголовным делам. На 1 августа 1921 г. в Пречистенской психиатрической больнице для заключенных находилось 59 человек, однако уже к концу 1921 г. число штатных коек в лечебнице было увеличено практически в два раза – до 110 [12. С. 63]. Согласно

докладу Е.К. Краснушкина на II Всероссийском совещании по вопросам психиатрии и неврологии, проходившем в 1924 г., в Институте судебной экспертизы В.П. Сербского, в тот период времени процент патологических преступников (в основном психопатов) составлял порядка 59,6% всех больных [13. С. 40–42]. Указанные данные свидетельствуют о складывавшейся в те годы тенденции к усилению мер по изоляции лиц, имеющих какие-либо патологии психики и совершивших преступления, в психиатрических лечебницах общего и специализированного видов.

Следует отметить, что первый этап становления системы принудительного оказания психиатрической помощи населению советского периода характеризовался появлением и применением специфических методов лечения и призерения за душевнобольными лицами, представляющими социальную опасность. Так, если в первых крупных психиатрических лечебницах, открытых еще в конце XIX в., изначально применялась практика *norestraint* (система нестеснения психически больных) [14. С. 98; 15. С. 109–112], то в период становления советской модели принудительного лечения начинают всё чаще применяться меры физического воздействия и биологической терапии в отношении душевнобольных.

Из-за дефицита психотропных средств медикаментозное воздействие применялось не так часто. Медикаментозная терапия, как правило, сочеталась с различными мерами физического воздействия. Среди методов физического воздействия применялись физическая фиксация (привязывание и фиксирование пациента к кровати), влажная укрутка (плотное пеленание пациента в мокрые простыни), смирительные рубашки, изоляторы с минимумом мебели [16. С. 86], «сонотерапия» (длительное воздействие снотворных) и другие. Широко применявшаяся в первые годы существования психиатрических лечебниц в конце XIX в. система нестеснения психически больных, впервые введенная в психиатрическую практику в результате реформ французского врача-психиатра Ф. Пинеля [17. С. 162–163], была надолго забыта. Например, в 1926 г. в Томской психиатрической больнице было проведено 2 266 влажных обертываний – наибольшее число из всех психиатрических больниц РСФСР [14. С. 97].

К 1940-м гг. акцент в лечении психических расстройств стал делаться на активных методах лечения (инсулинотерапия, электросудорожная терапия, сульфозинотерапия). Например, последний из указанных методов лечения заключался в внутримышечном введении стерильной 1%-й или 2%-й мелкодисперсной взвеси серы в масле, что вызывало повышение температуры тела до 39–40° и лихорадку. Сульфозин применялся при лечении истерических расстройств, истерической псевдодеменции и истерических сумеречных состояний [18. С. 227]. Одним из основных оснований для негативного отношения в более поздние периоды, в том числе на современном этапе, к данному методу лечения, как и ко многим другим «шоковым» методам в психиатрии, стало отсутствие доказательных научных и клинических разработок и рандомизированных контролируемых исследований, подтверждаю-

щих эффективность этого метода. Инъекции сульфозина многими больными расценивались как крайне мучительные, поскольку причиняли сильную боль в месте введения, не дающую возможности ни двигаться, ни сидеть, ни лежать. Кроме того, введение сульфозина сопровождалось выраженной температурной реакцией до 40°C, ознобом и сильной слабостью [18. С. 227–229].

Лечебно-охранительный режим специализированных психиатрических лечебниц первой половины XX в. был основан на полной изоляции лица от внешнего мира. Количество свиданий было строго ограничено, а в большинстве случаев и вовсе запрещены. Развитые сети телефонной связи на тот период времени отсутствовали, в связи с чем общение с родственниками при помещении лица в психиатрическую больницу сводилось практически к нулю. В лечебно-охранительном режиме того времени отсутствовали элементы психосоциальной реабилитации.

Среди немногих мероприятий, имевших, безусловно, положительный реабилитационный эффект, можно отметить практику применения трудовой терапии, которая начинает зарождаться в первые годы существования Советского государства и достигает своего максимального размаха во второй половине XX в. на этапе окончательного формирования советской модели применения принудительного лечения. Так, например, в первые годы советского периода на базе Томской психиатрической лечебницы были открыты сапожная, портняжная, переплетная, корзиночная, ткацкая, гончарная, веревочная мастерские. На площади более 400 га выращивали сельскохозяйственные культуры, содержали домашних животных [8. С. 129–130]. Применялась (хотя и очень редко) практика премирования душевнобольных (в 1934 г. в Томской психиатрической больнице в честь праздника 1 Мая за лучшие показатели работы некоторые из находившихся на лечении больных были премированы суммами от 5 до 15 руб. или подарками (платье, брюки, рубашка, платок) [16. С. 89].

Правом проверки специализированных психиатрических лечебниц обладали только министр внутренних дел СССР, начальник тюремного отдела МВД СССР, их заместители, а также лица, ими уполномоченные [10. С. 168–169], т.е. контроль за деятельностью этих учреждений был ведомственным. Система иного государственного контроля и элементы общественного контроля отсутствовали.

Итак, анализ нормативных правовых актов и организационных основ деятельности психиатрических лечебных учреждений по осуществлению принудительного психиатрического лечения в 1920–1940-е гг. позволяет выделить следующие особенности становления и развития советской модели применения принудительного лечения:

- 1) принудительные меры в отношении психически больных лиц рассматривались как меры социальной защиты общества от новых нарушений со стороны лиц, опасность которых обнаружилась в совершении действий, вредных для общества, гуманные цели излечения и улучшения психического состояния лица в законодательстве;

2) принудительные медицинские меры рассматривались вместе с наказанием как меры социальной защиты, однако стали отделяться от наказания на основании того, что применяться начали к имеющим психические заболевания и иные психические расстройства лицам, совершившим преступления или иные опасные для общества деяния;

3) сложилась практика направления в психиатрические лечебницы лиц без психических расстройств, но с явным асоциальным и/или криминальным поведением и наличием определенных акцентуаций характера, не типичных для психически здорового человека, либо лиц с психическими расстройствами, не требующими стационарного лечения; в результате в отношении этой категории лиц произошла замена мер наказания, педагогических мер и иных мер социального воздействия принудительной психиатрической терапией;

3) терминология психических расстройств приобрела стигматизирующий характер, так как психические недуги именовались «дефектами», а лица с психическими отклонениями – «умственно и морально дефективными»;

4) формировалась система специализированных психиатрических лечебниц для лечения психически больных лиц, совершивших общественно опасные деяния, а также «дефективных» преступников и лиц с социально отклоняющимся поведением;

5) деятельность психиатрических лечебных заведений приобрела закрытый для общества характер, так как сложилась система подчиненности и подконтрольности специализированных психиатрических больниц органам внутренних дел, а элементы общественного контроля отсутствовали;

7) применение в лечении психических расстройств активных (радикальных) методов лечения и физического воздействия (влажные обертывания, меры физического стеснения, инсулинотерапия, электросудорожная терапия, сульфозинотерапия);

8) приобретение психиатрическими лечебными заведениями облика пенитенциарных учреждений в силу их ведомственной принадлежности органам внутренних дел и содержания в них лиц, совершивших преступления; об этом свидетельствует установление в специализированных психиатрических лечебницах лечебно-охранительного режима, направленного на полную изоляцию содержащихся в них лиц от общества.

Второй этап в формировании советской модели применения принудительных мер медицинского характера, как уже отмечалось, начинается с конца 1940-х гг. Особое значение в этот период имеет принятая в 1948 г. первая общесоюзная Инструкция по вопросам назначения принудительного лечения. Она представляла собой ведомственный нормативный правовой акт, разработанный совместно Министерством здравоохранения СССР и Министерством юстиции СССР [19. С. 392–396]. В ней предусматривалось два вида лечебных учреждений, в которых должно было исполняться принудительное лечение, а именно общие психиатрические лечебные учрежде-

ния и психиатрические учреждения в соединении с изоляцией. Также данным нормативно-правовым актом устанавливался исключительно судебный порядок назначения, изменения и прекращения принудительного лечения, что свидетельствовало об установлении определенных правовых гарантий в практике назначения и применения принудительного лечения.

31 июля 1954 г. приказом Минздрава СССР была утверждена еще одна Инструкция о порядке применения принудительного лечения и других мер медицинского характера в отношении психически больных, совершивших преступление [20. С. 429]. Названной Инструкцией был предусмотрен особый вид принудительных медицинских мер, не указанный в УК РСФСР 1926 г., а именно принудительное лечение в специальных психиатрических учреждениях. Согласно Инструкции, данный вид принудительного лечения мог применяться в отношении лиц, совершивших особо опасные преступления, а также в исключительных случаях в отношении лиц, совершивших и иные преступления, но по своему психическому состоянию представляющих повышенную опасность.

Таким образом, правовое регулирование применения принудительного лечения в начале второго этапа характеризовалось более детальной его регламентацией подзаконными (ведомственными) нормативными правовыми актами, а также установлением на уровне подзаконного нормотворчества дополнительных видов принудительного лечения, которые на законодательном уровне не были предусмотрены.

В 1960 г. был принят Уголовный кодекс РСФСР. Глава 6 УК РСФСР была посвящена принудительным мерам медицинского и воспитательного характера. В статье 58 УК РСФСР указывалось, что применение принудительных мер медицинского характера осуществляется в отношении душевнобольных, т.е. лиц, совершивших общественно опасные деяния в состоянии невменяемости или совершившим такие деяния в состоянии вменяемости, но заболевшим до вынесения приговора или во время отбывания наказания душевной болезнью, лишаящей их возможности отдавать себе отчет своих действиях или руководить ими. Полагаем, что использование термина «душевнобольной» имело стигматизирующее значение для социальной реабилитации лица, в значительной мере исключающей его из системы социальных связей, несмотря на благоприятный исход лечения. Вместе с тем положительным моментом является то обстоятельство, что были указаны критерии различной опасности лиц, исходя из психического состояния и характера совершенного общественно опасного деяния, которые позволяли дифференцировать применение принудительных мер медицинского характера, назначить их вид.

В этой же статье предусматривалось применение двух видов принудительных мер медицинского характера, а именно помещение в психиатрическую больницу общего типа и помещение в психиатрическую больницу специального типа. Оба вида принудительного лечения предполагали изоляцию лица от общества, исходя из того, что в ст. 59 УК РСФСР указывалось на больничное содержание лиц и их лечение в принудительном порядке. Принудительное лечение в амбулаторных условиях уголовным законом не

предусматривалось. Вопросы назначения, изменения и прекращения применения принудительных мер медицинского характера были отнесены к исключительной компетенции суда (ст. 60 УК РСФСР).

После принятия УК РСФСР 1960 года была введена в действие новая Инструкция о порядке применения принудительного лечения и других мер медицинского характера в отношении психически больных, совершивших общественно опасные деяния, утвержденная 14 февраля 1967 г. Минздравом СССР, согласованная с Прокуратурой СССР, Верховным Судом СССР и Министерством охраны общественного порядка СССР [21]. Она содержала подробную регламентацию порядка назначения и исполнения принудительного лечения, связанного с изоляцией психически больного лица от общества. Названным нормативным правовым актом определялся четкий перечень документов, с которыми лицо должно было поступать на принудительное лечение; устанавливался порядок переосвидетельствования лиц с целью решения вопроса о продлении принудительного лечения; решались вопросы доставки психически больных лиц на принудительное лечение.

В 1988 г. указом Президиума Верховного Совета РСФСР от 05.01.1988 [22] были внесены изменения в гл. 6 Уголовного кодекса РСФСР 1960 г. в части правовой регламентации принудительных мер медицинского характера. Данные изменение расширяли перечень видов принудительных мер медицинского характера посредством добавления еще одного вида, а также изменили название психиатрических больниц, в которых осуществлялось применение данных мер. В результате изменений в уголовном законе к концу 1980-х гг. была сформирована трехзвенная система видов принудительных мер медицинского характера – помещение в психиатрическую больницу с обычным, усиленным и строгим наблюдением. Каждый из указанных видов принудительного лечения предполагал изоляцию лица от общества без возможности амбулаторного принудительного лечения и наблюдения у врача-психиатра. Стигматизирующий характер такого лечения сохранялся, так как лица, к которым оно применялось, по-прежнему назывались душевнобольными. Вместе с тем положительным моментом изменений, внесенных в УК РСФСР 1960 г., является то обстоятельство, что была усилена дифференциация применения принудительных мер медицинского характера, так как были уточнены критерии различной опасности лиц, исходя из психического состояния и характера совершенного общественно опасного деяния, которые позволяли назначить один из трех видов указанных мер.

Данная система принудительных мер медицинского характера, закрепленная в УК РСФСР 1960 г. (в ред. указа Президиума Верховного Совета РСФСР от 05.01.1988), действовала вплоть до вступления в силу Уголовного кодекса РФ 1996 г.

Следует отметить, что параллельно развитию уголовного законодательства о принудительных мерах на втором этапе формирования советской модели применения принудительных мер медицинского характера также был принят ряд нормативных правовых актов, регламентирующих отдельные аспекты применения трудовой терапии к психически больным лицам, которая

во второй половине XX в. становится неотъемлемым элементом лечения психических расстройств. Так, в 1959 г. Минздрав СССР издал приказ от 30.04.1959 № 225 «О мероприятиях по дальнейшему развитию трудовой терапии в психоневрологических и психиатрических лечебных учреждениях» [23]. В названном приказе были выделены следующие возможные формы организации труда психически больных: надомная трудовая терапия, трудовая терапия в условиях отделения, трудовая терапия в лечебно-производственных мастерских, трудовая терапия в сельском хозяйстве (на базе подсобных сельских хозяйств). В 1964 г. утверждено Положение о лечебно-производственных (трудовых) мастерских при психоневрологических и психиатрических учреждениях [24], которое определило порядок создания, организации и деятельности лечебно-производственных мастерских в качестве подсобных предприятий при психиатрических (психоневрологических) учреждениях. Причем, судя по содержанию этих нормативно-правовых актов, трудовая занятость лиц, находящихся на принудительном лечении, рассматривалась не как реализация ими своего конституционного права на труд, закрепленного в ст. 40 Конституции СССР, а как элемент трудовой терапии.

В практическом аспекте организации деятельности психиатрических лечебных учреждений на втором этапе формирования советской модели применения принудительных мер медицинского характера можно отметить, что они сохранили облик учреждений закрытого типа с существованием в них лечебно-охранительного режима, доминированием биологической и медикаментозной терапии и отсутствием контроля со стороны общества.

К началу пятидесятых годов в СССР функционировала уже целая сеть специализированных психиатрических больниц, осуществлявших принудительное лечение душевнобольных заключенных (Московская, Казанская, Киевская, Томская и др.). В 1951 г. была открыта еще одна специализированная психиатрическая больница в Ленинграде. К 1953 г. в ней проходило лечение примерно 800–1 000 человек. Томская психиатрическая больница в послевоенные годы, как и на первом этапе формирования советской модели применения принудительного лечения, по-прежнему выполняла функции не только общегражданской психиатрической больницы, но и больницы для осуществления принудительного лечения, а также больницы для лечения срочно заключенных тюремного и лагерного контингента. Кроме того, при отсутствии специальных психиатрических учреждений для сети сибирских концентрационных лагерей системы ГУЛАГа больница также выполняла функцию лечебной базы пенитенциарных учреждений [16. С. 136].

Одним из существенных изменений в практике ведения (курации) психически больных лиц стал постепенный уход от стереотипов «дефектного состояния» психически больных лиц. В течение длительного времени эти клинически необоснованные «состояния» диагностировались в 40–50% случаев. Последующие исследования позволили установить, что у 70–75% больных стационара с «дефектными» состояниями имелось процессуальное течение психозов, которое при адекватно подобранной лечебной и реабилитационной программе могло быть изменено и улучшено [16. С. 169].

В 1960-е гг. в практике применения принудительного лечения начинают всё активнее применяться элементы трудовой терапии. При распространении поэтапного метода трудовой реабилитации психически больные с первых дней поступления в стационар привлекались к элементарным трудовым процессам внутри отделения (внутриотделенческая трудовая терапия), затем направлялись в лечебно-трудовые мастерские. Так, например, в Томской психиатрической больнице в конце 1960-х гг. ежедневно работали в трудовых мастерских, на объектах в городе, в больнице внутри отделений 800–900 больных, т.е. 40–45% от общего числа, из них в лечебно-трудовых мастерских – 300 человек [16. С. 175]. Однако следует отметить, что нередко трудовая терапия подменялась использованием остаточной трудоспособности больных, что в конечном итоге не приводило к эффекту социальной реабилитации больных, а, напротив, к ухудшению их соматического состояния.

Психофармотерапия (лечение нейролептиками) становится основным методом медикаментозного лечения. В отдельных психиатрических учреждениях отмечалось некоторое уменьшение инсулинотерапии в связи с нехваткой инсулина, но активизировалось применение сульфозинотерапии и электросудорожной терапии. Сами по себе методы лечения, применявшиеся в первой половине XX в., практически не изменились, за исключением некоторого уменьшения применения методов радикального физического воздействия. Улучшалась диагностическая работа, расширился спектр применения диагностического оборудования и электрофизиологических методов исследования.

Вместе с тем лечебно-охранительный режим психиатрических учреждений по-прежнему оставался ориентированным на изоляцию психически больных лиц от общества, а сама система психиатрических учреждений была окружена ореолом таинственности и безнаказанности бесконтрольного применения к психически больным лицам методов физического воздействия. Не было правовых оснований осуществления контроля со стороны общества за применением методов терапии в отношении больных и их трудоустройством. Социальная реабилитация содержащихся в учреждениях принудительного лечения практически не проводилась. Это привело к значительному скоплению в психиатрических стационарах больных с прогрессирующими формами психических заболеваний и длительным сроком пребывания в больнице. Внебольничная система реабилитации также не была налажена, и выписывающиеся больные попадали в социум, в котором отсутствовали какие-либо минимальные специфические условия их жизнедеятельности. Это приводило к частым рецидивам общественно опасного поведения лиц, прошедших принудительное лечение, и их регоспитализации [14. С. 97].

В целом, говоря о нормативном правовом регулировании принудительного лечения и организации деятельности психиатрических больниц в период конца 1940-х и до конца 1980-х гг., можно отметить, что на данном этапе система принудительного лечения претерпевает определенные изменения по сравнению с периодом 1920-х – начала 1940-х гг., а именно:

1) постепенно происходит переход от использования ярко выраженной стигматизирующей терминологии («умственно и морально дефективные» лица, «карательно-лечебные заведения») к использованию более нейтральной терминологии («душевнобольные», «помещение в психиатрическую больницу с обычным, усиленным и строгим наблюдением»);

2) создается более четкая правовая регламентация порядка применения (назначения и исполнения) принудительных мер медицинского характера посредством принятия ведомственных инструкций;

3) законодательно закрепляется исключительно судебная процедура применения, продления, изменения и прекращения принудительных мер медицинского характера.

Однако нормативно-правовой и организационный механизм применения принудительных мер медицинского характера и на втором этапе сохраняет в себе основные свойства той модели, основа которой была заложена в 1920–1940-е гг. К ним можно отнести следующие:

1) использование стигматизирующей терминологии психических расстройств («умственно и морально дефективные», «душевнобольные» и т.п.);

2) закрытый для общества характер деятельности психиатрических лечебных заведений, так как применение принудительных мер медицинского характера в них предусматривало только стационарное лечение с изоляцией от общества, а амбулаторное принудительное лечение и элементы общественного контроля за применением методов лечения помещенных в них лиц и их трудоустройством отсутствовали;

4) доминирование ведомственного правового регулирования деятельности психиатрических учреждений, осуществляющих принудительное лечение помещенных в них лиц, а также в определении лечебно-охранительного режима этих учреждений, существенно ограничивающего права и свободы содержащихся в них лиц;

5) доминирование методов физического воздействия на больных, а также применения к ним радикальной («шоковой») терапии;

6) широкое использование методов трудовой терапии в разных её вариациях (внутриотделенческая, на базе лечебно-трудовых мастерских и др.), при которой труд рассматривался именно в качестве метода лечения, а не использования больным конституционного права на труд.

В целом можно отметить, что в советский период в нашем государстве сложилась специфическая организационно-правовая модель применения принудительных мер медицинского характера, на которую оказали влияние историческая эпоха советского периода и действующий в то время государственный политический строй.

Список источников

1. Хрестоматия по истории отечественного государства и права 1917–1991 годов / под ред. О. И. Чистякова. М. : Зерцало, 1997. 592 с.

2. О введении в действие Уголовного кодекса РСФСР (вместе с Уголовным кодексом РСФСР) : постановление Всесоюзного Центрального исполнительного комитета от 1

июня 1922 г. // СПС «КонсультантПлюс». М., 1997–2025. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=3006#033773689637222715> (дата обращения: 01.02.2025).

3. Аменицкий Д.А. К вопросу о принудительном лечении и о социально опасных душевно больных и психопатах // Душевно-больные правонарушители и принудительное лечение / И.Н. Введенский, Л.А. Аменицкий, Е.А. Лисянская [и др.] ; под ред. П.Б. Ганнушкина. М., 1929. С. 23–40.

4. Основные начала уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик (утверждены постановлением ЦИК СССР от 31 окт. 1924 г.) // Музей истории российских реформ имени П.А. Столыпина. URL: <http://xn—e1aaejmenosqx.xn—plai/node/13946> (дата обращения: 23.01.2025).

5. Попова Д.Г. Детские социальные учреждения (историко-правовой опыт). Томск : Изд-во Том. гос. пед. ун-та, 2009. 123 с.

6. Уголовный кодекс РСФСР в редакции 1926 года (введен в действие постановлением ВЦИК от 22 нояб. 1926 г.) // Музей истории российских реформ им. П.А. Столыпина. [Б. м., 6. г.]. URL: <http://xn—e1aaejmenosqx.xn—plai/node/13973> (дата обращения: 23.01.2025).

7. Лощинкин В.В. Становление и развитие российского уголовного законодательства о принудительных мерах медицинского характера, применяемых к психически больным лицам, совершившим общественно опасные деяния, после Октябрьской революции 1917 года // Вестник Томского государственного университета. Право. 2013. № 1 (7). С. 5–11.

8. Tselishev D.V., Chernyaev M.I. The History of Territorial Psychiatric Hospitals in Russia // Consortium Psychiatricum. 2023. Vol. 4, № 2. P. 125–136. doi: 10.17816/CP6137

9. Созинов А.С., Зиганшин Ф.Г., Митрофанов И.А. Роль Казанской окружной лечебницы в развитии психиатрической службы России во второй половине XIX века // Практическая медицина. 2019. Т. 17, № 3. С. 11–18.

10. Виденева А.В., Иголевиц В.А., Назарова Н.Л., Фомичев М.Н. Психиатрические лечебницы как элемент карательной системы советского тоталитарного государства // Юридическая наука: история и современность. 2015. № 8. С. 168–169.

11. История Центра // ФГБУ «Национальный медицинский исследовательский центр психиатрии и наркологии имени В.П. Сербского» Минздрава России : офиц. сайт. URL: <http://serbsky.ru/o-centre/istorija-centra/> (дата обращения: 12.01.2025).

12. Щукина Е.Я., Рукавская О.А. К истокам судебно-психиатрической экспертизы // Российский психиатрический журнал. 2017. № 1. С. 61–68.

13. Краснушкин Е.К. Криминальные душевнобольные психопаты и их признание // II Всероссийское совещание по вопросам психиатрии и неврологии. Москва, 12–17 ноября 1923 г. М., 1924. С. 40–42.

14. Становление психиатрической помощи в Томской области: старейшей за Уралом психиатрической больнице 115 лет // Сибирский вестник психиатрии и наркологии. 2023. № 3 (120). С. 95–100. doi: 10.26617/1810-3111-2023-3(120)-95-100

15. Зиганшин Ф.Г., Созинов А.С., Менделевич Д.М., Митрофанов И.А. Профессор А.У. Фрезе в Казани (к 190-летию со дня рождения) // Неврологический вестник. 2016. Т. 48, № 1. С. 109–112.

16. Потапов А.И., Агарков А.П. Очерки по развитию психиатрической помощи в городе Томске. Томск : Милон, 2008. 302 с.

17. Каннабих Ю.В. История психиатрии. Москва : АСТ, Минск : Харвест, 2002. 560 с.

18. Беккер Р.А., Быков Ю.В. Сульфозин – продукт психиатрической школы СССР: терапевтический агент или средство карательной психиатрии? // Siberian Journal of Life Sciences and Agriculture. 2017. Т. 9, № 2. С. 215–242.

19. О порядке применения принудительного лечения и других мер медицинского характера в отношении психических больных, совершивших преступление : инструкция Минздрава СССР от 25 марта 1948 г. № 01-5/5 // Судебная психиатрия : учебник /

А.Н. Бунеев, И.Н. Введенский [и др.] ; под ред. А.Н. Бунеева, Д.Р. Лунца, А.М. Халецкого. М., 1951. С. 392–396.

20. Уголовно-процессуальное законодательство СССР и союзных республик / сост. Е.М. Ворожейкин [и др.] ; под ред. Д.С. Карева. М. : Госюриздат, 1957. 531 с.

21. Инструкция о порядке применения принудительного лечения и других мер медицинского характера в отношении психически больных, совершивших общественно опасные деяния, утв. Министерством здравоохранения СССР от 14 февраля 1967 года и согласована с Прокуратурой СССР, Верховным Судом СССР и Министерством охраны общественного порядка СССР // Гарант: информационно-правовое обеспечение. URL: <https://base.garant.ru/70563296/> (дата обращения: 02.02.2025).

22. О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты РСФСР : указ Президиума Верховного Совета РСФСР от 5 янв. 1988 г. // Ведомости Верховного Совета РСФСР. 1988. № 2. Ст. 35.

23. О мероприятиях по дальнейшему развитию трудовой терапии в психоневрологических и психиатрических лечебных учреждениях : приказ Министерства здравоохранения СССР от 30 апр. 1959 г. № 225 // СПС «КонсультантПлюс». М., 1997–2025. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=8421#R169BdU4AURY9uET2> (дата обращения: 01.02.2025).

24. Об утверждении Положения о лечебно-производственных (трудовых) мастерских при психоневрологических и психиатрических учреждениях : приказ Министерства здравоохранения СССР от 16 янв. 1964 г. № 20 // СПС «КонсультантПлюс». М., 1997–2025. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=5383#2mX9BdU6lsdNmOq31> (дата обращения: 01.02.2025).

References

1. Chistyakov, O.I. (ed.) (1997) *Khrestomatiya po istorii otechestvennogo gosudarstva i prava 1917–1991 godov* [Reader on the History of the Domestic State and Law from 1917 to 1991]. Moscow: Zertsalo.

2. All-Russian Central Executive Committee. (n.d.) *O vvedenii v deystvie Ugolovnogo kodeksa RSFSR (vmeste s Ugolovnym kodeksom RSFSR): postanovlenie Vseros. Tsentral'nogo ispolnitel'nogo komiteta ot 1 iyunya 1922 g.* [On the introduction of the Criminal Code of the RSFSR (together with the Criminal Code of the RSFSR): Resolution of the All-Russian Central Executive Committee of June 1, 1922]. [Online] Available from: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=3006#033773689637222715> (Accessed: 1st February 2025).

3. Amenitskiy, D.A. (1929) *K voprosu o prinuditel'nom lechenii i o sotsial'no opasnykh dushevno bol'nykh i psikhopatakh* [On compulsory treatment and socially dangerous mentally ill people and psychopaths]. In: Gannushkin, P.B. (ed.) *Dushevnobol'nye pravonarushiteli i prinuditel'noe lechenie* [Mentally Ill Offenders and Compulsory Treatment]. Moscow: [s.n.], pp. 23–40.

4. The P.A. Stolypin Museum of the History of Russian Reforms. (n.d.) *Osnovnye nachala ugolovnogo zakonodatel'stva Soyuza SSR i Soyuznykh respublik (utverzhdeny postanovleniem TsIK SSSR ot 31 okt. 1924 g.)* [Basic principles of criminal legislation of the USSR and the Union republics (approved by the resolution of the Central Executive Committee of the USSR of October 31, 1924)]. [Online] Available from: <http://xn—e1aejmenocxq.xn—p1ai/node/13946> (Accessed: 23rd January 2025).

5. Popova, D.G. (2009) *Detskie sotsial'nye uchrezhdeniya (istoriko-pravovoy opyt)* [Children's Social Institutions (historical and legal aspects)]. Tomsk: TSPU.

6. The P.A. Stolypin Museum of the History of Russian Reforms. (n.d.) *Ugolovnyy kodeks RSFSR v redaktsii 1926 goda (vveden v deystvie postanovleniem VTsIK ot 22 noyab. 1926 g.)* [The Criminal Code of the RSFSR as amended in 1926 (put into effect by the Resolution of the All-Russian Central Executive Committee of November 22, 1926)]. [s.l., s.n.]. [Online] Available from: <http://xn—e1aejmenocxq.xn—p1ai/node/13973> (Accessed: 23rd January 2025).

7. Loshchinkin, V.V. (2013) Formation and development of the Russian criminal legislation on medical enforcement measures applied to mental patients who committed socially dangerous acts after the October Revolution 1917. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Pravo – Tomsk State University Journal of Law*. 1(7). pp. 5–11. (In Russian).
8. Tselishev, D.V. & Chernyaev, M.I. (2023) The History of Territorial Psychiatric Hospitals in Russia. *Consortium Psychiatricum*. 4(2). pp. 125–136. DOI: 10.17816/CP6137
9. Sozinov, A.S., Ziganshin, F.G. & Mitrofanov, I.A. (2019) Rol' Kazanskoy okruzhnoy lechebnitsy v razvitiy psikiatricheskoy sluzhby Rossii vo vtoroy polovine XIX veka [The Role of the Kazan District Hospital in the Development of Psychiatric Services in Russia in the Second Half of the 19th Century]. *Prakticheskaya meditsina*. 17(3). pp. 11–18.
10. Videneva, A.V., Iogolevich, V.A., Nazarova, N.L. & Fomichev, M.N. (2015) Psikiatricheskie lechebnitsy kak element karatel'noy sistemy sovetskogo totalitarnogo gosudarstva [Psychiatric hospitals as an element of the punitive system of the Soviet totalitarian state]. *Yuridicheskaya nauka: istoriya i sovremennost'*. 8. pp. 168–169.
11. Federal State Budgetary Institution “V.P. Serbsky National Medical Research Center of Psychiatry and Narcology” of the Ministry of Health of the Russian Federation. [Online] Available from: <http://serbsky.ru/o-centre/istoriya-centra/> (Accessed: 12th January 2025).
12. Shchukina, E.Ya. & Rusakovskaya, O.A. (2017) K istokam sudebno-psikiatricheskoy ekspertizy [To the origins of forensic psychiatric examination]. *Rossiyskiy psikiatricheskyy zhurnal*. 1. pp. 61–68.
13. Krasnushkin, E.K. (1924) Kriminal'nye dushevnobol'nye psikhopatyy i ikh prizrenie [Criminal mentally ill psychopaths and their care]. *II Vserossiyskoe soveshchanie po voprosam psikiatrii i nevrologii* [The Second All-Russian Conference on Psychiatry and Neurology]. Moscow, November 12–17, 1923. Moscow. pp. 40–42.
14. Anon. (2023) Stanovlenie psikiatricheskoy pomoshchi v Tomskoy oblasti: stareyshey za Uralom psikiatricheskoy bol'nitse 115 let [Formation of psychiatric care in the Tomsk region: The oldest psychiatric hospital beyond the Urals is 115 years old]. *Sibirskiy vestnik psikiatrii i narkologii*. 3(120). pp. 95–100. DOI: 10.26617/1810-3111-2023-3(120)-95-100
15. Ziganshin, F.G., Sozinov, A.S., Mendelevich, D.M. & Mitrofanov, I.A. (2016) Professor A.U. Freze v Kazani (k 190-letiyu so dnya rozhdeniya) [Professor A.U. Frese in Kazan (on the 190th anniversary of his birth)]. *Nevrologicheskyy vestnik*. 48(1). pp. 109–112.
16. Potapov, A.I. & Agarkov, A.P. (2008) *Ocherki po razvitiyu psikiatricheskoy pomoshchi v gorode Tomske* [Essays on the Development of Psychiatric Care in the City of Tomsk]. Tomsk: Milon.
17. Kannabikh, Yu.V. (2002) *Istoriya psikiatrii* [History of Psychiatry]. Moscow: AST; Minsk: Kharvest.
18. Bekker, R.A. & Bykov, Yu.V. (2017) Sul'fozin – produkt psikiatricheskoy shkoly SSSR: terapevticheskiy agent ili sredstvo karatel'noy psikiatrii? [Sulfosine – a Product of the USSR Psychiatric School: A Therapeutic Agent or a Means of Punitive Psychiatry?]. *Siberian Journal of Life Sciences and Agriculture*. 9(2). pp. 215–242.
19. The USSR Ministry of Health. (1951) O poryadke primeneniya prinuditel'nogo lecheniya i drugikh mer meditsinskogo kharaktera v otnoshenii psikhicheskikh bol'nykh, sovershivshikh prestuplenie: instruktsiya Minzdrava SSSR ot 25 marta 1948 g. № 01-5/5 [On the procedure for applying compulsory treatment and other medical measures in relation to mentally ill persons who have committed a crime: Instruction No. 01-5/5 of the USSR Ministry of Health dated March 25, 1948.]. In: Buneev, A.N., Lunts, D.R. & Khaletsky, A.M. (eds) *Sudebnaya psikiatriya* [Forensic Psychiatry]. Moscow: [s.n.]. pp. 392–396.
20. Karev, D.S. (ed.) (1957) *Ugolovno-protsessual'noe zakonodatel'stvo SSSR i soyuznykh respublik* [Criminal Procedure Legislation of the USSR and the Union Republics]. Moscow: Gosyurizdat.
21. USSR. (n.d.) *Instruktsiya o poryadke primeneniya prinuditel'nogo lecheniya i drugikh mer meditsinskogo kharaktera v otnoshenii psikhicheskikh bol'nykh, sovershivshikh obshchestvenno opasnye deyaniya, utv. Ministerstvom zdравookhraneniya SSSR ot 14 fevralya*

1967 goda i soglasovana s Prokuraturoy SSSR, Verkhovnym Sudom SSSR i Ministerstvom okhrany obshchestvennogo poryadka SSSR [Instruction on the procedure for applying compulsory treatment and other medical measures in relation to mentally ill persons who have committed socially dangerous acts, approved. By the USSR Ministry of Health on February 14, 1967 and agreed upon with the USSR Prosecutor's Office, the USSR Supreme Court and the USSR Ministry of Public Order]. [Online] Available from: <https://base.garant.ru/70563296/> (Accessed: 2nd February 2025).

22. The Supreme Soviet of the RSFSR. (1988) O vnesenii izmeneniy i dopolneniy v nekotorye zakonodatel'nye akty RSFSR: ukaz Prezidiuma Verkhovnogo Soveta RSFSR ot 5 yanv. 1988 g. [On Amendments and Additions to Certain Legislative Acts of the RSFSR: Decree of the Presidium of the Supreme Soviet of the RSFSR of January 5, 1988]. *Vedomosti Verkhovnogo Soveta RSFSR*. 2. Art. 35.

23. USSR Ministry of Health. (n.d.) *O meropriyatiyakh po dal'neyshemu razvitiyu trudovoy terapii v psikhonevrologicheskikh i psikhiatricheskikh lechebnykh uchrezhdeniyakh: prikaz Ministerstva zdravookhraneniya SSSR ot 30 apr. 1959 g. № 225* [On measures for the further development of occupational therapy in psychoneurological and psychiatric medical institutions: Order No. 225 of the USSR Ministry of Health of April 30, 1959]. [Online] Available from: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=8421#Rl69BdU4AURY9uET2> (Accessed: 1st February 2025).

24. USSR Ministry of Health. (n.d.) *Ob utverzhdenii Polozheniya o lechebno-proizvodstvennykh (trudovykh) ma-sterskikh pri psikhonevrologicheskikh i psikhiatricheskikh uchrezhdeniyakh: prikaz Ministerstva zdravookhraneniya SSSR ot 16 yanv. 1964 g. № 20* [On approval of the Regulation on medical and industrial (labor) workshops at psychoneurological and psychiatric institutions: Order No. 20 of the USSR Ministry of Health of January 16, 1964]. [Online] Available from: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=5383#2mX9BdU6lsdNmOq31> (Accessed: 1st February 2025).

Информация об авторах:

Васеловская А.В. – кандидат юридических наук, старший научный сотрудник лаборатории социально-правовых исследований Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: vaselovskaya.a@mail.ru

Ольховик Н.В. – кандидат юридических наук, доцент, старший научный сотрудник лаборатории социально-правовых исследований, заведующий кафедрой уголовного права Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: lawtsu@rambler.ru

Шеслер А.В. – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: sofish@inbox.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

A.V. Vaselovskaya, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: vaselovskaya.a@mail.ru

N.V. Olkhovik, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: lawtsu@rambler.ru

A.V. Shesler, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: sofish@inbox.ru

The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 02.02.2025;

одобрена после рецензирования 27.02.2025; принята к публикации 19.03.2025.

The article was submitted 02.02.2025;

approved after reviewing 27.02.2025; accepted for publication 19.03.2025.

Научная статья
УДК 342.24 (430)
doi: 10.17223/22253513/55/3

Вопросы реализации принципа верности федерации в Федеративной Республике Германия

Надежда Генриховна Геймбух¹

¹ *Национальный исследовательский Томский государственный университет,
Томск, Россия, nadgeym@mail.ru*

Аннотация. Исследуется принцип верности федерации как основополагающий принцип государственного (конституционного) права Федеративной Республики Германия. Рассматривая вопросы реализации принципа верности федерации, автор анализирует практику Федерального конституционного суда Германии. Соответствующие конституционные изменения раскрываются с точки зрения конституционной реформы, осуществляемой в настоящее время в Федеративной Республике Германия.

Ключевые слова: принцип верности федерации, конституционный принцип, кооперативный федерализм, принцип разграничения предметов ведения, Федеральный конституционный суд Германии

Для цитирования: Геймбух Н.Г. Вопросы реализации принципа верности федерации в Федеративной Республике Германия // Вестник Томского государственного университета. Право. 2025. № 55. С. 35–42. doi: 10.17223/22253513/54/3

Original article
doi: 10.17223/22253513/55/3

Issues of implementation of the principle of loyalty to the Federation in the Federal Republic of Germany

Nadezhda G. Geymbukh¹

¹ *National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation, nadgeym@mail.ru*

Abstract. The constitutional principle of loyalty to the federation has a long tradition in German state law, which dates back to the formation of the German Empire in 1871. This principle establishes a constitutional and legal obligation, according to which the lands must remain faithful to each other and to the Federation in the same way as the Federation in relation to the lands.

The decisions of the German Federal Constitutional Court are of great importance in the implementation of the principle of loyalty to the federation. In 1953, the State of North Rhine-Westphalia established wage rates for its state civil servants. The latter proved to be so profitable that they exceeded the salary levels of federal government civil servants. In this regard, the Government of the Federal Republic of Germany, represented by the Ministry of Finance, appealed to the Federal Constitutional Court, point-

ing out that with the adoption of such a law, the State of North Rhine-Westphalia violated the obligations arising from the framework prescriptions of paragraph 1 of Article 75 of the Basic Law of the Federal Republic of Germany.

As a result, the Law of the Federal Republic of Germany on Amendments and additions to the rules of remuneration of December 6, 1951 was declared unconstitutional due to the "unacceptable restriction of the legislative freedom of the lands." Then the question arises whether the state of North Rhine-Westphalia abused this freedom.

Commenting on this issue, the German Federal Constitutional Court clarified that the individual solution of issues related to the organization and conduct of public service at the regional level is of particular interest to the lands. In order to preserve the "individuality of regional civil servants," the system of remuneration for civil servants in a particular land is also important. The complete unification of the procedure for paying salaries to civil servants, which the Federal Government is obviously striving for, contradicts both the nature of the federal state and the constitutional order of the Federal Republic of Germany.

Ultimately, the Federal Constitutional Court found no reason to believe that the State of North Rhine-Westphalia had abused its legislative competence. First, lands cannot in principle be limited by federal framework provisions when it comes to establishing a system of remuneration for their civil servants. Secondly, the average increase in salaries of regional civil servants after the adoption of the relevant law by the federal land will not have a significant impact on the financial policy of the remaining lands and the Federation as a whole, which the Federal Government was so afraid of.

Thus, the principle of federal loyalty is designed to ensure the stability of federal relations and strengthen the legal link between the Federation and its subjects: it assumes the obligation of participants in federal relations to mutual respect, support and partnership.

Keywords: the principle of loyalty to the federation; constitutional principle; cooperative federalism; principle of differentiation of subjects of jurisdiction; Federal Constitutional Court of Germany

For citation: Geymbukh, N.G. (2025) Issues of implementation of the principle of loyalty to the Federation in the Federal Republic of Germany. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Pravo – Tomsk State University Journal of Law*. 55. pp. 35–42. (In Russian). doi: 10.17223/22253513/55/3

Конституционный принцип верности федерации имеет в германском государственном праве длительную традицию, которая восходит своими истоками к образованию Германской империи в 1871 г. Данный принцип закрепляет конституционно-правовую обязанность, в соответствии с которой земли должны сохранять верность по отношению друг к другу и по отношению к Федерации так же, как и Федерация по отношению к землям.

Федеральный конституционный суд ФРГ придает центральное значение конституционному долгу верности со стороны Федерации и земель. В ходе своей деятельности он неоднократно указывал на то, что в германском федеративном государстве «все конституционно-правовые отношения между государством и его составными частями, а также конституционно-правовые отношения между субъектами определяются главенством *неписаного* конституционного принципа “взаимного долга” Федерации и земель: действовать в интересах Федерации» [1. S. 291].

Задачей принципа верности федерации является укрепление связи Федерации и земель в рамках общего конституционного права, способствуя тем самым укреплению федеративного порядка. Главная функция данного принципа, по мнению Федерального конституционного суда Германии, заключается в том, чтобы «ограничить эгоизм Федерации и земель» [1. S. 293]. Этот принцип возлагает на участников обязательства не предпринимать ничего, «что могло бы повредить государству в целом или его частям». В то же время принцип соблюдения интересов федерации направлен и на сохранение самостоятельности Федерации и земель, ограничивая тенденции, грозящие нарушить баланс федеративного распределения прав и обязанностей.

Важное значение в вопросах реализации принципа верности федерации имеют решения Федерального конституционного суда Германии. Земля Северный Рейн-Вестфалия в 1953 г. установила тарифные ставки оплаты труда своим государственным гражданским служащим. Последние оказались настолько выгодными, что превышали показатели уровня жалования федеральных государственных гражданских служащих. В связи с этим Правительство ФРГ в лице Министерства финансов обратилось в Федеральный конституционный суд, указывая на то, что с принятием такого закона земля Северный Рейн-Вестфалия нарушила обязанности, вытекающие из рамочных предписаний абз. 1 ст. 75 Основного закона ФРГ.

Сущность рамочной компетенции заключается в том, что Федерация дает общее направление, а детали регулируются землями¹. Федеральный конституционный суд постановил, что рамочная компетенция в принципе означает, что Федерация должна оставлять землям пространство для собственного регулирования, т.е. она не вправе в подобном федеральном законе регулировать все детально. В отдельных же случаях, по мнению Суда, у Федерации есть право регулировать и детали, опять же без каких бы то ни было предпосылок, затрагивающих условия допустимости и степень подобного детального регулирования [2. S. 57].

Необходимо уточнить, что Закон ФРГ о внесении изменений и дополнений в правила оплаты труда от 6 декабря 1951 г. закрепил норму о том, что содержание государственных гражданских служащих и судей земель не должно превышать содержания федеральных государственных гражданских служащих на аналогичных должностях. Целью принятия данного Закона явилось положение о том, что на территории всего государства должно быть «обеспечено единообразие в области правил оплаты труда и права социального обеспечения» [3].

Позднее эти положения были смягчены по запросу правительств некоторых земель Германии. Так, Закон об установлении типовых правил оплаты труда для судей и прокуроров от 25 июля 1953 г. предоставил законодателям

¹ В процессе реформирования федеративных отношений Германии 2006 г. упразднено рамочное законодательство Федерации (ранее закрепленное в ст. 75 Основного закона ФРГ).

земель возможность определять размер окладов соответствующих государственных служащих в отступление от общих требований Закона ФРГ о внесении изменений и дополнений в правила оплаты труда от 6 декабря 1951 г. При этом подчеркивалось, что не должны превышать конкретные годовые базовые оклады, включая возможные должностные надбавки [4].

Федеральный конституционный суд Германии разъяснил конституционно-правовую сущность рамочной компетенции в вопросах разграничения законодательной компетенции между Федерацией и землями [5]. В том случае, когда Федерация использует свои законодательные полномочия в рамках ст. 74 Основного закона ФРГ (конкурирующая компетенция), тогда земли не могут принимать свои законы по вопросам, которые регулируются федеральным правом. Напротив, наличие рамочного законодательства не исключает законодательной компетенции земель, так как ст. 75 Основного закона ФРГ предполагает соответствующую законодательную деятельность земель для развития рамочных положений. Рамочный федеральный закон нуждается в конкретизации посредством принятия в дальнейшем законов земель.

Таким образом, используя рамочную компетенцию, Федерация устанавливает определенные границы, в которых должны действовать законодательные органы земель. Установленные федеральным законом границы должны предоставлять землям пространство для принятия собственных решений и не ограничивать их выбором между определенными правовыми возможностями. Кроме принятия федерального закона, рамочная компетенция Федерации может быть реализована путем издания соответствующих директив для законодательных органов земель. Такие директивы должны предоставлять больше свободных возможностей для законодательного оформления того или иного вопроса в землях.

Федеральный конституционный суд указал, что нормативно-правовые акты ФРГ, устанавливающие максимальные размеры оплаты труда государственных служащих земель, принятые со ссылкой на единую и обязательную федеральную систему содержания государственных служащих, противоречат сущности рамочной компетенции по ст. 75 Основного закона ФРГ и нарушают гарантии реализации землями собственных государственно-правовых компетенций [5].

Рассматривая правовое положение государственных гражданских служащих земель, необходимо учитывать следующий фактор: в федеративном государстве субъекты федерации имеют «исключительный и законный интерес» самостоятельно регулировать вопросы прохождения государственной службы на своей территории. Институт государственной гражданской службы является важным элементом государственно-правовой организации земель. Поэтому при толковании норм Основного закона ФРГ следует исходить из положения о том, что земли имеют право по собственному усмотрению регулировать отношения, связанные с гражданской службой, в том числе вопросы содержания государственных гражданских служащих земель.

В том случае, когда у федерального законодателя все же возникает необходимость в принятии рамочных предписаний относительно правил оплаты труда государственных служащих земель по ст. 75 Основного закона ФРГ, такие предписания должны оставлять землям достаточно возможностей, чтобы они могли скорректировать уровень жалования государственных служащих в соответствии со своим бюджетным потенциалом. Федеральный конституционный суд подчеркнул, что земли и в дальнейшем должны иметь возможность устанавливать содержание своим гражданским служащим, соответствующее общему уровню жизни в регионе [5]. Также земельный законодатель должен сам определять объем должностных обязанностей государственных служащих и распределять, основываясь на этом, различные категории государственных служащих по соответствующим тарифным разрядам. При этом критерии такого распределения у каждой федеральной земли могут быть свои, отличающиеся как от критериев соседних земель, так и от критериев федерального законодателя.

По мнению Федерального конституционного суда, Закон ФРГ о внесении изменений и дополнений в правила оплаты труда от 6 декабря 1951 г. таких возможностей землям не предоставлял. Единственное, в чем земельный законодатель был свободен при регулировании отношений, связанных с гражданской службой, так это принять следующее решение: установить своим гражданским служащим жалование, аналогичное жалованию федеральных гражданских служащих, либо ухудшить их положение, прибегнув к более низким тарифам. Если земли поставлены перед подобным выбором, то это автоматически отсекает часть земельных полномочий, которые должны у них сохраняться, когда речь идет о рамочном федеральном законодательстве. Эти полномочия вытекают из так называемой необходимости в заполнении пробелов, которая означает, что земли должны иметь возможность предметно дополнять установленные рамочные законодательные нормы, и при этом только с таким дополнением вся законодательная работа обретает целостность и может быть приведена в исполнение, поскольку учитывает особые условия в каждой отдельной земле.

Таким образом, за Северным Рейном-Вестфалией сохранялась законодательная компетенция по ст. 30, 70 Основного закона ФРГ. Однако это не означает, что земля может пользоваться этой компетенцией произвольно, идя на поводу у желаний своих государственных служащих. Федеральный конституционный суд подчеркнул, что земля несет самостоятельную ответственность за свою финансовую стабильность и должна устанавливать тарифное регулирование в соответствии с возможностями бюджета [5].

Чтобы уравновесить отношения в сфере реализации землями и Федерацией своих законодательных компетенций, необходимы определенные ограничения для каждой из сторон. Такие ограничения вытекают из неписанного конституционного принципа верности федерации. Федеральный конституционный суд указал, что применительно к рассматриваемому делу принцип верности федерации означает следующее: ландтаги земель обязаны принимать законы с учетом интересов как Федерации в целом, так и

остальных земель, если сфера их влияния выходит далеко за пределы территории той земли, где они должны быть приняты [5].

При определении порядка оплаты труда своих государственных служащих земли должны помнить, что несмотря на закрепленную в ст. 109 Основного закона ФРГ норму о том, что Федерация и земли самостоятельны и независимы друг от друга в отношении своего бюджетного хозяйства, тем не менее, финансовая система в федеративном государстве представляет собой единое целое. Поскольку государственная гражданская служба в федеративном государстве является двухуровневой, земли обязаны, следуя принципу верности федерации, при регулировании вопроса о содержании своих государственных служащих обратить серьезное внимание на условия оплаты труда как в других землях, так и на федеральном уровне для того, чтобы избежать «потрясений во всей финансовой системе государства».

В результате Закон ФРГ о внесении изменений и дополнений в правила оплаты труда от 6 декабря 1951 г. был признан неконституционным в связи с «недопустимым ограничением законодательной свободы земель». Тогда возникает вопрос, не злоупотребляла ли земля Северный Рейн-Вестфалия данной свободой.

Комментируя этот вопрос, Федеральный конституционный суд Германии уточнил, что индивидуальное решение вопросов, касающихся организации и прохождения государственной службы на региональном уровне, — это особый интерес земель. Для сохранения «индивидуальности региональных государственных служащих» важное значение имеет и система оплаты труда государственных служащих в той или иной земле. Полная унификация порядка выплаты жалований государственным служащим, к которой, очевидно стремится Федеральное правительство, противоречит как природе федеративного государства, так и конституционному строю ФРГ.

В конечном счете Федеральный конституционный суд не нашел оснований полагать, что земля Северный Рейн-Вестфалия злоупотребила своей законодательной компетенцией. Во-первых, земли в принципе не могут быть ограничены федеральными рамочными положениями, если речь идет об установлении системы оплаты труда своим государственным служащим. Во-вторых, среднее увеличение окладов региональных государственных служащих после принятия федеральной землей соответствующего закона не окажет существенного влияния на финансовую политику остальных земель и Федерации в целом, чего так опасалось Федеральное правительство [5].

Итак, в ходе конституционного развития принцип верности федерации играет важную роль, поскольку он повышает способность конституционного права к изменениям и, будучи «неписаным конституционным принципом», особенно пригоден для быстрого реагирования на изменения в поведении активных политических сил, на трансформацию рамочных условий обычного, конституционного и международного права, а также на изменения последствий конституционной практики.

В 2006 г., в процессе реформирования федеративного устройства Германии, было упразднено рамочное законодательство Федерации (ранее закрепленное в ст. 75 Основного закона ФРГ). Теперь его место принадлежит исключительно или конкурирующему законодательству Федерации либо регулируется законодательством земель. В силу этого, Законом от 28 августа 2006 г. в ст. 73 Основного закона ФРГ, которая определяет вопросы исключительной законодательной компетенции Федерации, внесены изменения.

Согласно ст. 73, в новой редакции Федерации предоставлена исключительная законодательная компетенция в области борьбы с международным терроризмом (через Федеральное ведомство уголовной полиции). К компетенции Федерации также отнесены такие вопросы, как служба связи, регистрация граждан и выдача удостоверений личности, атомная энергетика, право на ношение оружия и хранение взрывчатых веществ, ликвидация последствий войны, нотариат, охрана немецкого культурного наследия от вывоза за границу (ранее это входило в область рамочной компетенции) [6. S. 55–57].

В сферу исключительного земельного законодательства включены такие вопросы, как регулирование государственной службы на земельном уровне, включая оплату труда земельных и муниципальных служащих, отбывание наказания заключенными, определение времени работы магазинов, нормирование гостиничного и ресторанного сервиса. В компетенцию земель перешли также жилищное право, право собраний и объединений, законодательство о печати.

Политика в области образования стала исключительной компетенцией земель. У Федерации остается компетенция лишь в определении общих правил организации высшей школы и оформления документов по окончании высшей школы. Федерация вышла из финансирования организации высшей школы и из прямой финансовой помощи в школьном образовании. Высшая школа почти полностью перешла в компетенцию земель. Федерация может участвовать только в финансировании научных исследований и только при согласии всех земель [6. S. 58].

По мнению профессора Клауса Штерна, принцип верности федерации пронизывает все государственное право Германии, являясь «определяющим элементом федеративного порядка. Для Федерации и для земель он является амбивалентным, обеспечивая “единство и вместе с тем плюрализм”, обязывая к сотрудничеству и вместе с тем к уважению самостоятельности участников, препятствуя как явной унитаризации, так и явной партикуляризации» [7. S. 435].

Таким образом, принцип федеративной верности призван обеспечить стабильность федеративных отношений и усилить правовую связь между Федерацией и ее субъектами: он предполагает обязанность участников федеративных отношений к взаимному уважению, поддержке и партнерству. Принцип федеративной верности также означает, что ни один из участников федеративных отношений не может отстраниться от исполнения возложенной на него обязанности под предлогом того, что кто-то из других участников федеративных отношений не выполняет своих обязанностей.

Список источников

1. BVerfGE 43. 290. 348 S.
2. Stettner R. Grundfragen einer Kompetenzlehre. Berlin, 1983. 287 S.
3. Gesetz zur Änderung und Ergänzung des Besoldungsrechts vom 6. Dezember 1951 // Bundesgesetzblatt. 1951. Nr. 57. S. 940. URL: http://www.bgbl.de/xaver/bgbl/start.xav?startbk=Bundesanzeiger_BGBI&jumpTo=bgbl151057.pdf (дата обращения: 20.01.2025).
4. Gesetzes über besoldungsrechtliche Rahmenvorschriften für Richter und Staatsanwälte vom 25. Juli 1953 // Bundesgesetzblatt. 1953. Nr. 41. S. 691. URL: http://www.bgbl.de/xaver/bgbl/start.xav?startbk=Bundesanzeiger_BGBI&jumpTo=bgbl153041.pdf (дата обращения: 20.01.2025).
5. BVerfGE 4, 115: Beamtenbesoldung (Urteil des Zweiten Senates vom 1. Dezember 1954). URL: <https://www.servat.unibe.ch/dfr/bv004115.html> (дата обращения: 20.01.2025).
6. Dreier H., Wittreck F. Grundgesetz. Textausgabe mit sämtlichen Änderungen und andere Texte zum deutschen und europäischen Verfassungsrecht. 2. Auflage. Tübingen : Mohr Siebeck, 2007. 727 S.
7. Stern K. Staatsrecht der Bundesrepublik Deutschland. München, 1984. 748 S.

References

1. BVerfGE. 43. 290.
2. Stettner, R. (1983) *Grundfragen einer Kompetenzlehre*. Berlin: [s.n.].
3. *Bundesgesetzblatt*. (1951) Gesetz zur Änderung und Ergänzung des Besoldungsrechts vom 6. Dezember 1951. 57. pp. 940. [Online] Available from: http://www.bgbl.de/xaver/bgbl/start.xav?startbk=Bundesanzeiger_BGBI&jumpTo=bgbl151057.pdf (Accessed: 20th January 2025).
4. *Bundesgesetzblatt*. (1953) Gesetzes über besoldungsrechtliche Rahmenvorschriften für Richter und Staatsanwälte vom 25. Juli 1953. 41. pp. 691. [Online] Available from: http://www.bgbl.de/xaver/bgbl/start.xav?startbk=Bundesanzeiger_BGBI&jumpTo=bgbl153041.pdf (Accessed: 20th January 2025).
5. BVerfGE. 4, 115: Beamtenbesoldung (Urteil des Zweiten Senates vom 1. Dezember 1954). [Online] Available from: <https://www.servat.unibe.ch/dfr/bv004115.html> (Accessed: 20th January 2025).
6. Dreier, H. & Wittreck, F. (2007) *Grundgesetz. Textausgabe mit sämtlichen Änderungen und andere Texte zum deutschen und europäischen Verfassungsrecht*. 2. Auflage. Tübingen: Mohr Siebeck.
7. Stern, K. (1984) *Staatsrecht der Bundesrepublik Deutschland*. München: [s.n.].

Информация об авторе:

Геймбук Н.Г. – кандидат юридических наук, доцент, заведующая кафедрой конституционного и международного права Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: nadgeym@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

N.G. Geymbukh, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: nadgeym@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 21.01.2025;
одобрена после рецензирования 20.02.2025; принята к публикации 19.03.2025.

The article was submitted 21.01.2025;
approved after reviewing 20.02.2025; accepted for publication 19.03.2025.

Научная статья
УДК 340.1+342.7
doi: 10.17223/22253513/55/4

Теоретико-правовой анализ рисков внедрения технологий, основанных на искусственном интеллекте, в социально-экономической сфере

Александр Сергеевич Киселев¹

¹ *Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации,
Москва, Россия, alskiselev@fa.ru*

Аннотация. Рассмотрены основные риски использования искусственного интеллекта (ИИ) в социально-экономической сфере и меры, которые можно применить для их минимизации. Выявлены следующие риски: исчезновение многих профессий, потеря рабочих мест, уязвимость систем, основанных на ИИ, к хакерским атакам, формирование монополий, дискриминации отдельных граждан и социальных групп и т.д. Рекомендованы правовые методы минимизации рисков внедрения ИИ, определены перспективы дальнейших исследований в данной сфере.

Ключевые слова: государство, искусственный интеллект, право, риски, теоретико-правовой анализ

Для цитирования: Киселев А.С. Теоретико-правовой анализ рисков внедрения технологий, основанных на искусственном интеллекте, в социально-экономической сфере // Вестник Томского государственного университета. Право. 2025. № 55. С. 43–59. doi: 10.17223/22253513/55/4

Original article
doi: 10.17223/22253513/55/4

Theoretical and legal analysis of the risks of introducing technologies based on artificial intelligence in the socio-economic sphere

Aleksandr S. Kiselev¹

¹ *Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow,
Russian Federation, alskiselev@fa.ru*

Abstract. In this paper the main risks of application of artificial intelligence in the socio-economic sphere and measures that can be utilized to minimize them have been considered. The following risks have been identified: disappearance of many professions, loss of jobs, vulnerability of AI-based systems to hacker attacks, formation of monopolies, discrimination of individual citizens and social groups, etc.

Methodology: the work applied general scientific methods of research - analysis, synthesis, induction, deduction, systematic method and method of abstraction, as well as private-scientific methods: comparative-legal and formal-legal.

Legal methods to minimize the risks of AI implementation were recommended, and prospects for further research in this area were identified.

1. Standards (GOSTs) should be created to which AI systems will be obligatorily compliant. These standards should regulate the transparency of operation and contain security protocols for AI-based systems, as well as protect human and civil rights and freedoms. The key principles, in our view, should be security, transparency and respect for human rights and freedoms. Defining ethical standards also involves making decisions about the collection and use of personal data.

2. Any AI-based systems must be understandable not only to operators and programmers, but also to the majority of citizens. Accordingly, it is necessary to develop a scale for assessing the degree of explainability of the functioning of individual AI-based technologies. This can help both the developers themselves and educators in developing appropriate educational programs, advanced training courses and professional retraining.

3. AI operation in experimental mode. It is important that before its direct implementation in any sphere of human activity, developers receive and take into account feedback from users. This approach allows identifying and correcting possible errors, errors in operation that may occur during the operation of the AI.

4. Systematic and continuous monitoring of AI-based systems by the authorities. That is why we should think about creating special interdepartmental expert commissions consisting of specialists in legal, technical, ethical and other issues of AI application.

5. When developing AI systems, the socio-cultural characteristics and needs of each particular community must be taken into account.

We believe that the following laws are needed: on transparency of algorithms to ensure that they work in various sectors of the economy from commerce to social services; on the verification of the proper functioning, whereby AI should be available for systematic auditing and monitoring to ensure that it works properly and complies with government standards; on non-discrimination; and on fair distribution of AI-based high-tech to all members of society.

Keywords: state, artificial intelligence, law, risks, theoretical and legal analysis

For citation: Kiselev, A.S. (2025) Theoretical and legal analysis of the risks of introducing technologies based on artificial intelligence in the socio-economic sphere. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Pravo – Tomsk State University Journal of Law*. 55. pp. 43–59. (In Russian). doi: 10.17223/22253513/55/4

Введение

Искусственный интеллект (ИИ) в последние десятилетия стал неотъемлемой частью нашей повседневной жизни. Его применение простирается от автоматизации промышленного производства до медицины, финансов и создания произведений искусства. Технологии, основанные на элементах ИИ, могут принести многочисленные блага в развитии многих отраслей производства и положительно повлиять на сферу оказания социальных услуг. Вне всякого сомнения, технологии, основанные на элементах ИИ, могут дать нам новые решения ключевых проблем общества, таких как преступность, безработица, загрязнение природы, неэффективное использование ресурсов, и т.д. Но они также сопряжены с определенными рисками, вызывая серьезное беспокойство по поводу возможных негативных последствий. Применение искусственного интеллекта, особенно в социально-экономических отношениях, рискованно. Но этот риск поддаётся расчёту и сокращению.

А отказываться или отставать от конкурентов в применении столь перспективных инструментов, как ИИ, тоже рискованно. В данной статье мы рассмотрим некоторые из этих рисков, оценим возможные неблагоприятные последствия и предложим правовые методики их минимизации.

О рисках и угрозах внедрения ИИ в социально-экономическую сферу

Развитие технологий искусственного интеллекта и внедрение их в жизнь несут не только положительные эффекты, но также и определённые риски. Одним из часто упоминаемых социально-экономических рисков является угроза безработицы [1. С. 330]. Так как ИИ автоматизирует многие задачи, ранее выполнявшиеся людьми, это может привести к резкому сокращению потребности в рабочей силе во многих отраслях экономики [2]. Многие профессии, особенно те, которые требуют низкой квалификации и предполагают несложные механические действия (погрузчик, фасовщик, продавец, кассир), могут быть заменены автоматизированными системами, основанными на ИИ. К примеру, кассиры в супермаркетах уже заменяются системами самообслуживания, а курьеры – беспилотными доставочными роботами. Уже существуют роботы-повара и роботы-парикмахеры, дизайн и многие прикладные творческие функции ИИ выполняет быстрее и порой качественнее человека. Генерация текстов и изображений, уборка улиц, перевозка в такси и многие другие сферы уже подвергаются автоматизации с использованием новых технологий, основанных на программах ИИ. Такие профессии, как художник, писатель, переводчик, дизайнер, обычно относятся к творческим. Однако, как показывает практика, современный ИИ способен обучиться на накопленном материале и выполнять такие функции вполне успешно. Ведь, на самом деле, и люди «творят» по тому же принципу: по-новому организуя уже имеющиеся образцы.

Приведем статистическую информацию. С начала «кассовой реформы» в нашей стране количество онлайн-касс выросло в 2,5 раза – до 3,6 млн штук. Через них проводится более 200 млн операций в сутки. Сумма ежедневной выручки по онлайн-кассам составляет около 130 млрд руб. [3]. Подобная тенденция будет продолжаться и дальше. Электронные кассы не допускают ошибок, они во многом удобнее для потребителя и экономически оправданы для супермаркетов, если стоимость их обслуживания ниже зарплата людей, выполняющих те же функции в том же объёме. Со временем, когда стоимость установки электронной кассы снизится настолько, что любой индивидуальный предприниматель сможет позволить себе её приобрести, вопрос о целесообразности существования профессии кассира будет разрешён в пользу машины. По прогнозам, прежде всего, начнут «исчезать» кассиры в продуктовых супермаркетах, затем в других учреждениях сферы услуг. Некоторые исследователи говорят о высоком вреде этой профессии для здоровья, отмечая, что «величина двигательной активности сотрудников, занимающих должности “заместитель директора” и “продавец-кассир”, может быть охарактеризована как очень высокая (чрезмерная)» [4. С. 46].

Во время пандемии новой коронавирусной инфекции в 2019–2021 гг. нагрузка на продавцов-кассиров, мерчандайзеров, работников торгово-выставочного зала постоянно росла. При этом росла доля онлайн-заказов – как следствие необходимости соблюдать ограничительные меры. Ввод касс самообслуживания был очевидным, и, как показала практика, рентабельным решением. Данная практика наблюдалась как в сетевых супермаркетах России, так и в алогичных магазинах большинства развитых стран, испытавших серьёзное воздействие пандемии COVID-19. Иными словами, руководство компаний сознательно проводило такие меры во избежание падения уровня доходов сети. Похожим образом коронавирус изменил и некоторые другие вещи в нашей жизни, поспособствовав более интенсивному вводу различных элементов самообслуживания, оказав влияние на весь рынок услуг. Кроме того, во время пандемии выросло число работающих удалённо. Многие из этих сотрудников и после отмены ограничений остались в удалённом режиме работы, что также меняет рынок труда, ещё более увеличивая роль цифровых технологий в экономике.

Сегодня существует реальная угроза исчезновения профессии курьера-доставщика – профессии, ставшей популярной и даже необходимой во время пандемии. Для России в этом плане актуален опыт компании «Яндекс», которая уже с 2015 г. занимается реализацией проекта по внедрению так называемых роверов – роботов-доставщиков. Роверы – это компактные и автономные роботы, созданные специально для доставки предметов в условиях городской среды. Их оснащение включает современные датчики, такие как лидары, камеры и радары, которые обеспечивают точную навигацию и обнаружение препятствий. Информация с датчиков обрабатывается искусственным интеллектом «ровера», самостоятельно принимающим решения об изменении маршрута. Благодаря этим системам роверы безопасно передвигаются по городским улицам и избегают столкновений [5. С. 262]. Они отлично показывают себя в городских условиях, и, несмотря на имеющиеся проблемы, с каждым годом их системы навигации и технические характеристики постоянно улучшаются.

Представители компании заверяют, что «в будущем роботы-доставщики станут неотъемлемой частью индустрии доставки, улучшая нашу жизнь и повышая эффективность процесса доставки». При этом «Яндекс» заявляет, что стоимость доставки снизится, поскольку не надо будет платить зарплату курьерам. Данное обстоятельство потенциально выгодно и для компании, и для клиентов. При сохранении этих тенденций и темпов роста технологий, профессия доставщика через несколько лет исчезнет [6]. Стоит отметить, что для доставки сейчас применяются и управляемые оператором небольшие и дешёвые беспилотные летательные аппараты – компромиссный вариант между доставкой человеком и самостоятельной машиной.

Возможные последствия полной автоматизации обслуживания клиентов продуктовых магазинов и замены курьеров-людей курьерами-роботами предполагают рост безработицы и увеличение социального неравенства. Люди, потерявшие свою работу из-за применения ИИ, могут столкнуться с

трудностями в поиске новой профессии, особенно если их навыки устарели, а времени и денег на получение новой профессии у них нет. Кроме того, растущая безработица может привести к экономическому спаду и ещё больше усилить социальное неравенство в обществе.

Искусственный интеллект даёт новые инструменты и для противоправной деятельности. Сегодня он уже массово используется для создания и распространения самой разной информации, в том числе фальшивой. В последние годы в нашу жизнь вошли так называемые дипфейки (от англ. *deep* – «глубокий» и «*fake*» – подделка) – продукты программ, основанных на ИИ, представляющие собой фальшивые, но крайне реалистичные видео- и аудиоматериалы, которые могут быть использованы для манипуляции общественным мнением или совершения преступлений. Например, фальшивые новостные репортажи, созданные с помощью ИИ, могут привести к распространению недостоверной информации и падению доверия к СМИ в целом как к источнику информации.

Опаснейшим результатом такого применения ИИ могут стать социальные конфликты, в том числе и вооружённые, если вовремя и эффективно не пресечь распространение недостоверной информации. Специалисты по этому вопросу заявляют, что борьба с фальсификацией и манипуляцией информацией становится всё сложнее, поскольку ИИ развивается и становится все более совершенным. Н.Р. Красовская и А.А. Гуляев в своем исследовании обращают внимание, что «с каждым годом всё большее место среди дипфейков занимает политическая продукция. Тревогу по этому поводу начали бить в 2017 г., отмечая, что политические дипфейки могут повлиять на исход выборов, вызвать панические настроения в стране. Основой действия политических дипфейков являются техники манипулирования людьми. Копии изображения политического деятеля или видео оказывают психологическое воздействие на зрителя. Это воздействие будет тем больше, чем меньше зритель сомневается в подлинности изображения или видео. В психологическом инструментарии воздействия на индивидуальное и массовое сознание одну из главных ролей играют техники манипулирования, лежащие в основе концепции “подталкивания” человека к нужному для манипулятора поведению. Эти техники создают у человека ложную иллюзию свободы и самостоятельности в принятии решений» [7. С. 94].

Дополняя мысли данных авторов, отметим, что подобные манипуляции могут быть гораздо более вариативными. Основная вредоносная цель такой деятельности – дестабилизация общества через разжигание социальной вражды между представителями различных религий и конфессий, представителями конкурирующих компаний или представителями одной сферы бизнеса, между другими социальными группами. В принципе совершенно неважно, какие социальные слои общества будут затронуты. Главные средства, которые использует манипулятор, распространяющий дипфейк, – высокая скорость распространения информации и её психологический характер. Манипуляция работает успешно в тот момент, когда человек не может критически мыслить и поддается влиянию эмоций, не обращает внимания

на детали, несостыковки, которые в обыденном состоянии нелегко заметить и идентифицировать видео как подделку. Именно поэтому дипфейкмейкеры стараются сделать эмоционально насыщенные видео с нарочито примитивным сленгом, что придаёт им в глазах целевой аудитории реализм. В случае если такие видео не блокировать и не делать своевременное опровержение, манипулятор достигнет цели, вызвав социальные волнения и вражду. Сложным, но наиболее эффективным способом борьбы с распространением вредоносной фальшивой информации является повышение общего уровня критического мышления населения через повышение качества всеобщего образования. Также важно, чтобы государство мгновенно реагировало на подобную информацию, убедительно опровергая её и доказывая её фальшивость.

Другим риском работы ИИ с информацией является возможность нарушения конфиденциальности данных [1. С. 330–331]. Применение программ, основанных на элементах ИИ, в социальной сфере сопряжено со сбором и обработкой больших объёмов персональных данных. Теоретически, при наихудшем сценарии, это может привести к нарушению конфиденциальности и безопасности этих данных. Хакеры и злоумышленники могут использовать слабые места в системах ИИ для получения доступа к конфиденциальным данным граждан, секретной информации бизнеса и государства.

Потеря персональных данных может повлечь за собой серьёзные последствия, включая кражу финансов, секретной и личной информации, шантаж со стороны злоумышленников, посягательства на честь, достоинство и деловую репутацию и т.д. Исследователи считают, что «термин “кража личности” (англ. Identity theft), получивший распространение в начале 2000-х гг., представляет собой такое преступное посягательство, при котором незаконно используются персональные данные человека для получения материальной выгоды, т.е. противоправно обладая персональной или финансовой информацией другого человека, злоумышленник использует их в своих целях, при этом действуя от его имени пострадавшего» [8. С. 18].

Стоит сделать оговорку, что так называемая кража личности – это не совсем корректный перевод с английского языка. Речь, разумеется, идёт о краже удостоверяющей информации, которая относится к определённому человеку. Личность предполагает наличие уникальных и персонифицированных качеств, такие как чувства, мысли, характер, поведение и прочее. Вполне очевидно, что саму личность украсть невозможно, а вот получение конфиденциальной информации позволяет злоумышленнику эксплуатировать имя человека, его социальное и экономическое положение. Собственно, именно этим и пользуются многочисленные мошенники, получая доступ к чужим аккаунтам. Распространены ситуации, при которых злоумышленники создают правдоподобных цифровых двойников. С учётом возможностей дипфейков и быстрого развития ИИ, отличить их от оригинала в краткосрочный период времени будет практически невозможно.

Искусственный интеллект уже применяется крупными банками для принятия решений, таких как выдача кредитов или определение уровня страхо-

вого покрытия. Ошибка или сбой работы ИИ здесь может привести к необоснованным или дискриминационным решениям, основанным на неправильной интерпретации данных. Во избежание подобных ситуаций требуются системы проверки, обжалования и отмены таких решений.

К другим рискам использования ИИ может привести тот факт, что искусственный интеллект может совершенно неожиданным образом воспринимать отдельные явления и ситуации, в которых люди принимают решения, опираясь на морально-этические или правовые нормы. Искусственный интеллект, не имеющий подобных ограничений или воспринимающий их не так как человек, может принимать логические, но неприемлемые для общества решения.

В ближайшем будущем возможно появление новых видов кибератак, направленных на системы искусственного интеллекта и использующих их уязвимости. Например, ИИ может быть настроен или перепрограммирован на осуществление дискриминации или нарушение конфиденциальности данных пользователей. К примеру, если руководство социальной сети оставит право за ИИ блокировать режим персональных данных, то это может стать основой для возможных противоправных действий. Особое внимание нужно сосредоточить на том, кто будет обучать ИИ и каким образом это будет происходить, какие ограничения и способы контроля будут разработаны, а также применены в случае нарушения режима безопасности персональных данных.

Однако, ИИ может помочь и лучше защитить информацию. Как отмечают Е.А. Долгочуб и А.Н. Поликанин «шифрование электронной информации необходимо не только для того, чтобы держать некоторую информацию в секрете от других, но и является ключевой частью таких технологий, как криптовалюты, такие как биткойн. Кроме того, скандалы вокруг широко распространенного подслушивания разведывательных служб показали миру, что на самом деле ни одна из используемых сегодня процедур не является действительно безопасной» [9. С. 79].

Для максимальной защиты от таких рисков необходимо строгое соответствие стандартам безопасности и внедрение передовых технологий шифрования. Одной из таких технологий является квантовое шифрование.

Современные методы шифрования (RSA) основаны на простых математических операциях с использованием «ключей», неизвестных стороннему пользователю. Теоретически их можно подобрать, но эта процедура может потребовать неприемлемого количества времени. Однако «как только будет создан квантовый компьютер, состоящий из 1 000 кубитов и более, вся информация, зашифрованная алгоритмом RSA, будет моментально скомпрометирована, что поставит под угрозу информационную безопасность общества» [10]. Квантовая криптография сделает в принципе невозможными взлом и утечку информации.

В названии метода квантовой криптографии отражается его суть: использование поляризованных фотонов света для шифрования информации. Е.А. Долгочуб и А.Н. Поликанин указывают, что алгоритмы квантового

шифрования уже применяются в зарубежных системах государственного управления, например, «штат Женева в Швейцарии уже использует квантовую криптографию на выборах в течение десяти лет», подобные технологии финансируются правительством КНР и являются приоритетными для стран Европы и США... С приходом на свободный рынок квантовых компьютеров традиционная криптография устареет», так как «совмещение квантовых алгоритмов шифрования с математическими может дать устойчивый к атакам метод шифрования» [9. С. 82–83].

Стоит отметить, что актуальная практика методов защиты и похищения информации должна быстро находить отражение в действующем законодательстве.

Следующим риском является тот факт, что частные компании или государство в некоторых аспектах работы могут полностью доверять и полагаться на искусственный интеллект при принятии решений в социально-экономической деятельности. Сбои в системе или недоступность технологии ввиду хакерской атаки могут привести к значительным проблемам, в том числе глобального характера.

Другим минусом повсеместного внедрения ИИ в социальную сферу считается риск роста зависимости индивидов и организаций от технологий и сокращение вовлечённости и влияния человека на различные процессы. Это может привести к потере гуманизма и недостатку коммуникации, так как ИИ не обладает эмоциональным интеллектом и способностью эмпатии, что является важным аспектом социальной работы.

Следующим важным риском применения ИИ в социально-экономической сфере является возможность формирования новых монополий и нарушения распределения ресурсов. Искусственный интеллект может дать преимущество крупным игрокам, которые могут иметь доступ к большому объёму данных и ресурсов для улучшения своей деятельности. Передовые технологии, основанные на ИИ, как правило, являются дорогостоящими и недоступными для широкой аудитории. Разработчики, получающие крупные гранты или госзадания на их разработку, как правило, передают исключительные права на использование изобретения, соответственно, они не имеют права использовать технологию и им самим выгодно реализовать свой результат интеллектуального труда как можно дороже согласно условиям рынка. Заказчиком в этом случае выступает либо государство, имея монополию на использование соответствующего НИР, направляя данную технологию для реализации государственно важных задач в экономике или для обеспечения информационной безопасности, либо крупная коммерческая компания, которая, несомненно, не будет заинтересована в распространении данной технологии, так как она является конкурентным преимуществом перед другими участниками рынка.

Если технология, основанная на ИИ, может в разы повысить скорость операций, улучшить производительность выпускаемого компанией товаров,

то это может привести к появлению новых монополий, что порождает проблемы с конкуренцией и стимулирует значительное перераспределение ресурсов, денег и власти.

Чтобы нивелировать данные риски, необходимо на государственном и международном уровнях разработать эффективные правила и нормы использования уникальных технологий, основанных на ИИ, которые могут стать средством монополизации определенной экономической сферы или всего рынка целиком одной или несколькими компаниями с целью предотвращения формирования новых монополий и обеспечения равных возможностей для всех игроков на рынке.

Для сведения к минимуму новых рисков в экономической сфере, необходимо создать стройную и прозрачную систему правил и нормативных требований, которая будет регулировать применение ИИ. Важно выстроить законодательство, которое будет регулировать максимальный объём и порядок использования данных. Также государству, возможно, следует регулировать цены на технологии, которые могут поставить большую часть игроков в заведомо невыгодное положение, а также иными способами содействовать созданию равных условий для всех участников экономической системы. Одновременно с этим следует уделить максимальное внимание обучению как будущих, так и действующих специалистов правилам этики использования ИИ. Любой человек, вне зависимости от сферы своей деятельности в будущем, обязан знать, каковы будут последствия неправомерного использования технологий, основанных на ИИ, и ответственность, которую он понесёт в случае нарушения норм права. Обучение таким правилам целесообразно осуществлять на всех уровнях и направлениях образования.

Одним из мировых лидеров в гонке цифровых технологий является КНР [11. С. 88], где государство занимается контролем кибербезопасности, развитием ИИ и правовым сопровождением этих процессов с 1986 г., когда была принята «Национальная программа исследований и разработок в области высоких технологий» («программа 863») [12. С. 55]. С 2003 г. начала реализовываться другая программа по обеспечению государственной информационной безопасности «Золотой щит». Китайские власти получили посредством реализации данного проекта практически полный контроль не только над китайским национальным сегментом Интернета, но и над всей информационной сетью страны. Власти КНР имеют возможность контролировать деятельность всех компаний, индивидуальных предпринимателей и граждан в сфере информационных технологий. Стоит обратить внимание, что «Золотой щит» является первым из нескольких «золотых проектов» по контролю различных важных областей жизни страны. Система «Золотого щита» располагает ранжированными по гражданской благонадёжности списками жителей страны, которые легли в основу системы «социального рейтинга». Эта же система контролирует камеры наружного наблюдения, расположенные по всей стране с целью сообщений о правонарушениях, разграничивает китайский и зарубежный Интернет, блокирует СМИ, критикующие власть КНР, и пропаганду насилия, блокирует нежелательные доменные имена и IP-адреса.

С 2014 г. в КНР началась реформа национальных проектов и законодательства, относящихся к сфере цифровых технологий. В 2016 г. был принят 13-летний план экономического и социального развития КНР, в котором важное место отводится информационным технологиям нового поколения: обозначены конкретные инженерные и организационные действия по развитию сети и совершенствованию системы безопасности. С 2017 г. с той же целью в КНР действует закон о кибербезопасности.

В КНР существует национальный департамент кибербезопасности, контролирующий вышеуказанную деятельность. Кроме того, на уровне регионов для этого создаются специальные подразделения муниципальных органов власти.

Для доступа в сеть все граждане КНР обязаны проходить аутентификацию: предоставлять настоящие данные о своей личности. Эта простая мера иногда обсуждается и в других странах (в том числе в России), и в недалёком будущем, вероятно, будет введена повсеместно.

М.Г. Бреслер, А.В. Сердюк и А.Р. Сулейманов указывают, что при всех этих мерах вопросы регулирования искусственного интеллекта в КНР оставались открытыми до 2017 г., в котором было принято сразу несколько важных для этой отрасли документов, и до 2025 г. планируется сделать ИИ главной движущей силой преобразований в промышленности и в обществе. Однако указанные авторы считают, что в КНР пока недостаточно для этого технических средств, технологий и специалистов, что преодолевается как собственными усилиями, так и с помощью зарубежных наработок [12. С. 58–59].

Находясь вне КНР, трудно оценить, насколько хорошо работают все перечисленные меры, в том числе потому, что они работают («Золотой щит» и другие ограничения). Однако тот факт, что иностранные компании, желающие работать в КНР или поставлять туда свою продукцию, подчиняются требованиям правительства этой страны и вносят требуемые правки в свою продукцию, показывает, что в какой-то мере власти КНР своих целей достигают.

В других развитых странах эти процессы также находятся в стадии становления, с учётом местного уровня развития технологий и политических режимов. Более того, сегодня даже определения ИИ отличаются в разных правовых системах [11. С. 87–88].

В Европейском союзе существует необходимость учёта интересов государств-членов с разным уровнем развития экономики. Схожая ситуация и в США, где штаты обладают значительной автономией в правовой и экономической деятельности, поэтому в США нет общенационального законодательства о многих важнейших элементах технологий ИИ [12. С. 95]. Кроме того, в США традиционно значительное участие в разработке передовых технологий принимают Министерство обороны и разведывательное сообщество. Поэтому многие технологии и практики применения новейших технологий носят военный характер и засекречены [1. С. 324–325]. В период своего президентства Д. Трамп поставил целью для США достижение лидерства в технологиях ИИ. Для этого меняется законодательство и создаются специальные правительственные структуры. Также предполагается

финансирование исследований, сотрудничество с союзниками, создание максимально лояльного к разработчикам законодательства. Министерство обороны играет важнейшую роль в этих процессах, так, правительство США рассматривает ИИ в первую очередь как инструмент обеспечения национальной безопасности.

Для эффективного развития и внедрения ИИ и обеспечения безопасности, важно исследовать опыт всех, без исключения, участников этой деятельности. Однако более ценен опыт стран, чья экономическая и политическая системы в наибольшей степени схожи с отечественными. А так как полностью идентичных экономик и обществ всё-таки не существует, то просто копировать чужой опыт не получится – он должен быть адаптирован под отечественные условия.

Методики минимизации рисков применения ИИ

Внедрение искусственного интеллекта в социально-экономические отношения должно, по нашему мнению, сопровождаться следующими мерами по минимизации возможных рисков:

1. Необходимо создавать регламенты и стандарты (ГОСТы), которым должны соответствовать системы искусственного интеллекта. Эти стандарты должны регулировать прозрачность функционирования и содержать протоколы безопасности систем, основанных на ИИ, а также защищать права и свободы человека и гражданина. Они также должны включать в себя соблюдение принципов справедливости, непротиворечивости, непричинения вреда и уважения к человеку и человеческому достоинству. Некоторые компании (Tesla, Amazon) уже начинают создавать корпоративные стандарты для работы с ИИ, Евросоюз идёт по пути стандартизации данных технологий. Не вызывает сомнений тот факт, что разработка этических стандартов искусственного интеллекта является крайне важной задачей на текущем этапе.

Ключевыми принципами, на наш взгляд, должны стать безопасность, прозрачность и уважение к правам и свободам человека. Определение этических стандартов также подразумевает принятие решений о сборе и использовании персональных данных. Искусственный интеллект способен обрабатывать большие объёмы данных, и это может подразумевать потенциальное нарушение режима конфиденциальности и прав человека на приватность. Поэтому необходимо разработать строгие правила относительно сбора, хранения и использования данных.

Так, например, сегодня системы ИИ имеют доступ к большому объёму личной информации, например, личным данным пациентов поликлиник и больниц. К примеру, чат-боты, функциональные помощники нередко собирают персональные данные. Хотя данные обезличены и часто не раскрывают личности людей, ИИ все равно собирает и сохраняет информацию, которая в теории может быть скомпрометирована. Пользователи должны быть в курсе того, какие данные собираются системами, основанными на ИИ, как

они используются и как влияют на принимаемые решения. Особенно если речь идёт о здоровье пациентов. В то же время государство должно поощрять развитие средств безопасности ИИ разработчиками, и коммерческими организациями, а также способствовать распространению наиболее успешных практик.

2. Любые системы, основанные на ИИ, должны быть понятными не только для операторов и программистов, но для большинства граждан. К примеру, визуализация процессов может помочь проще понять, как работает тот или иной алгоритм. Помимо этого, целесообразно выявлять и фиксировать признаки, которые влияют на принятие решений ИИ. Разумеется, стоит задуматься о разработке шкалы для оценки степени объяснимости функционирования отдельных технологий, основанных на ИИ. Это может помочь как самим разработчикам, так и педагогам при разработке соответствующих образовательных программ, курсов повышения квалификации и профессиональной переподготовки.

3. Работа ИИ в экспериментальном режиме. Важно, чтобы перед его непосредственным внедрением в любую сферу жизнедеятельности человека, разработчики получали и учитывали обратную связь от пользователей. Такой подход позволяет выявить и исправить возможные ошибки, погрешности в работе, которые могут возникнуть в ходе эксплуатации ИИ.

4. Осуществление систематического и постоянного мониторинга систем, основанных на ИИ, со стороны органов власти. Например, в США в 2018 г. создана Комиссия национальной безопасности по искусственному интеллекту (NDAA), которая оценивает последствия использования ИИ для безопасности США, включая этическую сторону вопроса. Специальные органы со схожими функциями создают и наиболее развитые штаты [1. С. 328]. Именно поэтому нам стоит задуматься о создании специальных межведомственных экспертных комиссий, состоящих из специалистов по правовым, техническим, этическим и иным вопросам применения ИИ. Основная цель данных комиссий, на наш взгляд, должна состоять не только в оценке соответствия ИИ правовым нормам, но и учитывать возможные технические риски.

5. При разработке систем ИИ необходимо принимать во внимание социокультурные особенности и потребности каждого конкретного сообщества. К примеру, должны быть исключены возможные риски нарушения религиозных норм и культурных ценностей народов, отдельных социальных групп граждан, что поможет предотвратить любые формы дискриминации. Данный вопрос лежит в этическом поле и должен решаться как конкретными странами, так и религиозными, и этническими группами населения. Вполне возможно, что для установления общих этических норм применения ИИ будет достаточно издания соответствующего национального закона, но в других случаях может потребоваться и международно-правовое регулирование, если вопросы будут касаться, например, этики и морали мировых религий.

Очевидно, что вполне вероятна ситуация, когда ИИ будет «придерживаться» определённых политических, религиозных, идеологических взглядов, предпочитать какой-либо пол, нацию, расу, культуру и т.д. Это связано

с тем, что ИИ обучается на определённых разработчиками сегментах доступной информации. Нейронные сети и алгоритмы машинного обучения могут подвергаться влиянию предубеждений и предрассудков и со стороны самих разработчиков, что может привести к умалению прав, оскорблению и неравным возможностям для людей различных социальных групп. Так, например, несмотря на нерешённость этических вопросов, ИИ уже применяется в США для вынесения судебных решений: программа COMPAS вынесла обвинительное заключение по делу Э. Лумиса (дело с отсутствием прямых улик). Подсудимый обжаловал это решение, но Верховный Суд США оставил решение в силе [13]. В Евросоюзе также уделяется колоссальное внимание вопросам этики применения искусственного интеллекта [14].

Всё это может привести к социальным конфликтам, особенно в обществах, сильно отличающихся от тех, в которых создан конкретный продукт ИИ. Поэтому этические стандарты должны быть максимально общими и не зависеть от мнения и убеждений разработчиков ИИ и лиц, осуществляющих непосредственный контроль за использованием этих технологий.

Сами разработчики ИИ будут стремиться не допустить подобных ситуаций, только если они считают это необходимым или заинтересованы в этом. В ситуации международных конфликтов вполне вероятно применение инструментов даже «мирного» ИИ для разрушительного воздействия на противника. Поэтому все технологии ИИ, внедряемые в экономику и общество, должны в обязательном порядке дорабатываться или ограничиваться специальными применяющего их государства.

Вне всякого сомнения, закон создает предпосылки для активизации исследований в области искусственного интеллекта [15]. Полагаем, что необходимо принятие следующих законов, регулирующих данную сферу общественных отношений:

- о прозрачности алгоритмов. Согласно данному закону, соответствующие алгоритмы и модели роботов, обеспечивающие работу в различных секторах экономики – от торговли до сферы социальных услуг, должны быть доступны для проверки и анализа;
- проверке надлежащего функционирования, в соответствии с которым ИИ должен быть доступен для систематического аудита и контроля для обеспечения его надлежащей работы и соответствия государственным стандартам;
- недопустимости и предотвращении дискриминации, по которому ИИ в процессе функционирования не должен ущемлять права людей на основе расы, пола, возраста, инвалидности, религиозных воззрений, национальности или по иным основаниям;
- справедливым распределении высоких технологий, основанных на ИИ, для всех членов общества, независимо от их социального статуса, финансовых возможностей или других факторов.

Заключение

Применение искусственного интеллекта в социально-экономической сфере предполагает появление новых мощных инструментов, способных

улучшить жизнь всего общества. Однако необходимо учитывать и серьёзные риски, которые несут данные технологии. Безработица, фальсификация с помощью дипфейков, нарушение режима конфиденциальности данных, новые виды мошенничества, отсутствие этического кодекса ИИ и правоприменительной практики, связанной с внедрением и функционированием ИИ в социально-экономической сфере, – всё это вызовы, перед которыми уже сегодня стоит наше общество.

Разработчики защитного программного обеспечения, исполнительные и законодательные органы власти должны стараться сбалансировать потенциальные выгоды ИИ с защитой интересов государства, с одной стороны, прав и законных интересов граждан – с другой. Только в таком случае мы сможем максимально использовать преимущества ИИ в социально-экономической сфере, сталкиваясь с минимумом негативных эффектов.

В настоящей работе мы раскрыли как потенциальные возможности, так и риски использования ИИ. Среди основных рисков можно назвать: потенциальное исчезновение многих профессий, и, соответственно, потерю рабочих мест, уязвимость систем, основанных на ИИ, к хакерским атакам, формирование монополий, возможность дискриминации отдельных граждан и групп людей и т.д. Однако правовое регулирование использования ИИ, несомненно, поможет снизить эти риски и максимизировать преимущества. Для достижения данной цели необходимо принятие ряда законов, создание образовательных программ и программ повышения квалификации, профессиональной переподготовки. Для этой сферы важно также сосредоточиться на вопросах информационной безопасности. В целях общественной и государственной безопасности необходимо предотвратить формирование монополий, использующих передовые ИИ.

Ситуация с внедрением ИИ в жизнь общества уникальна тем, что требует от законодателя широкого сотрудничества с техническими специалистами, научным сообществом, общественностью, бизнесом.

Промедление в развитии ИИ и создании соответствующей правовой базы может привести к отставанию в техническом развитии от других стран, а также к серьёзным проблемам в экономике и обществе [16]. Опасно применять зарубежные продукты ИИ в исходном виде, без проверки и доработки специалистами применяющего их государства. Это значит, что специалисты по безопасности ИИ должны быть в каждой стране, использующей эти технологии. Следует также учиться на зарубежном опыте обеспечения цифровой безопасности и применять работающие процедуры, опять же, после национальной доработки. Опыт других стран позволит значительно ускорить данные процессы.

Список источников

1. Бирюков П.Н. Деятельность США в сфере использования искусственного интеллекта // Вестник ВГУ. Серия: Право. 2019. № 3 (38). С. 324–334.
2. Matjaž P., Mahmut O., Janja H. Social and juristic challenges of artificial intelligence // Nature. 2019. Vol. 5. URL: <https://www.nature.com/articles/s41599-019-0278-x>

3. Официальный сайт «Оборот.ру». Количество онлайн-касс в России с начала кассовой реформы выросло в 2,5 раза. URL: <https://oborot.ru/news/kolichestvo-onlajn-kass-v-rossii-s-nachala-kassovoj-reformy-vyroslo-v-25-raza-i136191.html>
4. Степанова О.Н., Асадова С.З. Двигательная активность и нервно-эмоциональная напряжённость труда сотрудников предприятий розничной торговли как ориентиры для проектирования программ корпоративной физкультурно-спортивной работы // Наука. Управление. Образование. РФ. 2023. № 1 (9). С. 37–47.
5. Пономарев Д.А., Королева А.Г., Шамаева И.И. Колесные роботы в сфере доставки // Наука и образование в условиях мировой нестабильности: проблемы, новые этапы развития : материалы II междунар. науч.-практ. конф. Ч. 1. Ростов н/Д : Манускрипт, 2022. С. 262.
6. Блог Яндекса «Ровер – робот-курьер». URL: <https://yandex.ru/blog/company/yandex-rover-robot-dostavschik>
7. Красовская Н.Р., Гуляев А.А. Технологии манипуляции сознанием при использовании дипфейков как инструмента информационной войны в политической сфере // Власть. 2020. № 4. С. 94.
8. Атагимова Э.И., Потемкина А.Т., Цопанова И.Г. «Кража личности» как самостоятельное преступление или разновидность мошенничества // Правовая информатика. 2017. № 3. С. 18.
9. Долгочуб Е.А., Поликанин А.Н. Технологии квантовой криптографии // Интерэкспо Гео-Сибирь. 2021. Т. 6. С. 78–83.
10. Шемякина М.А. Анализ использования квантовых технологий в криптографии // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2019. № 5-4. С. 59–62.
11. Асадуллина А.В., Белоусов В.С. Глобальные тренды в развитии и регулировании технологий искусственного интеллекта // Российский внешнеэкономический вестник. 2023. № 9. С. 86–104.
12. Бреслер М.Г., Сердюк А.В., Сулейманов А.Р. Специфика регулирования ИТ-индустрии в Китае: история и современность // Вестник УГНТУ. Наука, образование, экономика. Серия: Экономика. 2021. № 4 (38). С. 53–62.
13. Сайт «Хайтек». Алгоритм для вынесения приговоров обвинили в предвзятости. URL: https://hightech.fm/2016/06/28/compas_bias
14. Асадуллина А.В., Белоусов В.С. Регулирование технологий искусственного интеллекта на территории Европейского Союза // Российский внешнеэкономический вестник. 2022. № 8. С. 20–35.
15. Mervis J. U.S. law sets stage for boost to artificial intelligence research // Science. 2021. Vol. 371, № 6525. URL: <https://www.science.org/doi/10.1126/science.371.6525.112>
16. Neil S. The race to the top among the world's leaders in artificial intelligence // Nature. 2020. URL: <https://www.nature.com/articles/d41586-020-03409-8>

References

1. Biryukov, P.N. (2019) Deyatel'nost' SShA v sfere ispol'zovaniya iskusstvennogo intellekta [US activities in artificial intelligence]. *Vestnik VGU. Seriya: Pravo*. 3(38). pp. 324–334.
2. Matjaž, P., Mahmut, O. & Janja, H. (2019) Social and juristic challenges of artificial intelligence. *Palgrave Commun*. 5(61). DOI: 10.1057/s41599-019-0278-x
3. *Oborot.ru*. (2021) Kolichestvo onlayn-kass v Rossii s nachala kassovoy reformy vyroslo v 2,5 raza [The number of online cash registers in Russia has increased by 2.5 times since the beginning of the cash register reform]. 26th May. [Online] Available from: <https://oborot.ru/news/kolichestvo-onlajn-kass-v-rossii-s-nachala-kassovoj-reformy-vyroslo-v-25-raza-i136191.html>
4. Stepanova, O.N. & Asadova, S.Z. (2023) Dvigatel'naya aktivnost' i nervno-emotsional'naya napryazhennost' truda sotrudnikov predpriyatiy roznichnoy trgovli kak

orientiry dlya proektirovaniya programm korporativnoy fizkul'turno-sportivnoy raboty [Physical activity and neuro-emotional stress of employees of retail enterprises as guidelines for designing corporate physical education and sports programs]. *Nauka. Upravlenie. Obrazovanie*. 1(9). pp. 37–47.

5. Ponomarev, D.A., Koroleva, A.G. & Shamaeva, I.I. (2022) Kolesnye roboty v sfere dostavki [Wheeled robots in delivery]. *Nauka i obrazovanie v usloviyakh mirovoy nestabil'nosti: problemy, novye etapy razvitiya* [Science and Education Under Global Instability: Problems, New Stages of Development]. Proc. of the Second International Conference. Rostov on Don: Manuscript. p. 262.

6. Yandex blog “Rover – a robot courier.” [Online] Available from: <https://yandex.ru/blog/company/yandeks-rover-robot-dostavschik>

7. Krasovskaya, N.R. & Gulyaev, A.A. (2020) Tekhnologii manipulyatsii soznaniem pri ispol'zovanii dipfeykov kak instrumenta informatsionnoy voyny v politicheskoy sfere [Technologies of consciousness manipulation when using deepfakes as a tool of information warfare in the political sphere]. *Vlast'*. 4. p. 94.

8. Atagimova, E.I., Potemkina, A.T. & Tsopanova, I.G. (2017) “Krazha lichnosti” kak samostoyatel'noe prestuplenie ili raznovidnost' moshennichestva [“Identity theft” as an independent crime or a type of fraud]. *Pravovaya informatika*. 3. p. 18.

9. Dolgochub, E.A. & Polikanin, A.N. (2021) Tekhnologii kvantovoy kriptografii [Quantum cryptography technologies]. *Interesko Geo-Sibir'*. 6. pp. 78–83.

10. Shemyakina, M.A. (2019) Analiz ispol'zovaniya kvantovykh tekhnologiy v kriptografii [An analysis of the use of quantum technologies in cryptography]. *Mezhdunarodnyy zhurnal gumanitarnykh i estestvennykh nauk*. 5–4. pp. 59–62.

11. Asadullina, A.V. & Belousov, V.S. (2023) Global'nye trendy v razvitii i regulirovanii tekhnologiy iskusstvennogo intellekta [Global trends in the development and regulation of artificial intelligence technologies]. *Rossiyskiy vneshneekonomicheskii vestnik*. 9. pp. 86–104.

12. Bresler, M.G., Serdyuk, A.V. & Suleymanov, A.R. (2021) Spetsifika regulirovaniya IT-industrii v Kitae: istoriya i sovremennost' [Specificity of regulation of the IT industry in China: history and modernity]. *Vestnik UGNTU. Nauka, obrazovanie, ekonomika. Seriya: Ekonomika*. 4(38). pp. 53–62.

13. Avelsnyk, N. (2016) *Algoritm dlya vyneseniya prigovorov obvinili v predvzyatosti* [Sentencing algorithm accused of bias]. [Online] Available from: https://hightech.fm/2016/06/28/compas_bias

14. Asadullina, A.V. & Belousov, V.S. (2022) Regulirovanie tekhnologiy iskusstvennogo intellekta na territorii Evropeyskogo Soyuza [Regulation of artificial intelligence technologies in the European Union]. *Rossiyskiy vneshneekonomicheskii vestnik*. 8. pp. 20–35.

15. Mervis, J. (2021) U.S. law sets stage for boost to artificial intelligence research. *Science*. 371 (6525). pp. 112–113. DOI: 10.1126/science.371.6525.112

16. Savage, N. (2020) The race to the top among the world's leaders in artificial intelligence. *Nature Index*. 9th December. [Online] Available from: <https://www.nature.com/articles/d41586-020-03409-8>

Информация об авторе:

Киселев А.С. – кандидат юридических наук, старший научный сотрудник Центра исследований и экспертиз, доцент кафедры международного и публичного права юридического факультета Финансового университета при Правительстве Российской Федерации (Москва, Россия). E-mail: alskiselev@fa.ru; SPIN-код: 3570-8911; Author ID: 819975; ORCID: 0000-0002-5044-4721; WoS Researcher ID: ABX-2279-2022.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

A.S. Kiselev, Candidate of Law, Senior Researcher at the Center for Research and Expertise, Associate Professor of the Department of International and Public Law at the Faculty of Law of the Financial University under the Government of the Russian Federation (Moscow, Russian Federation). E-mail: alskiselev@fa.ru; SPIN-код: 3570-8911; AuthorID: 819975; ORCID: 0000-0002-5044-4721; WoS ResearcherID: ABX-2279-2022.

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 10.09.2024;
одобрена после рецензирования 27.12.2024; принята к публикации 19.03.2025.*

*The article was submitted 10.09.2024;
approved after reviewing 27.12.2024; accepted for publication 19.03.2025.*

Научная статья
УДК 342.41
doi: 10.17223/22253513/55/5

Опосредованное федеральное управление в Австрийской Республике

Валерия Владимировна Кровельщикова¹

¹ *Национальный исследовательский Томский государственный университет,
Томск, Россия, valera2009@yandex.ru*

Аннотация. Рассматриваются особенности института опосредованного федерального управления в Австрийской Республике, его конституционно-правовой механизм реализации. Исследуется роль Конституционного суда Австрии в интерпретации конституционных положений об осуществлении исполнительной власти в федеративном государстве.

Ключевые слова: федеральная конституция, опосредованное федеральное управление, губернатор земли, Конституционный суд Австрийской Республики

Для цитирования: Кровельщикова В.В. Опосредованное федеральное управление в Австрийской Республике // Вестник Томского государственного университета. Право. 2025. № 55. С. 60–65. doi: 10.17223/22253513/55/5

Original article
doi: 10.17223/22253513/55/5

Indirect federal government in the Republic of Austria

Valeria V. Krovvelshchikova¹

¹ *National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation,
valera2009@yandex.ru*

Abstract. The fundamental element of the Austrian model of the federal state is the institution of indirect federal government. A certain influence of the lands in this area is an expression of the constitutional and political concept implemented in the Constitution of Austria.

The Federal Constitutional Law of 1920 provides for two forms of exercising the executive power of the Federation in the lands – direct federal government (through its own federal bodies) and indirect federal government (through the governor of the land and subordinate land authorities).

The central place in the system of indirect federal government is occupied by the Governor of the land, who is bound by the instructions of the Federal Government and the Federal Minister and is responsible to them. It is not allowed to transfer powers from the governor of the land to other members of the land government.

The Federal Government has the right to appeal to the Constitutional Court of Austria on charges of the governor of the land, his deputies or a member of the land government in violation of the law, as well as failure to comply with resolutions or other

orders (instructions) Federation. In case of conviction, the person is removed from office, and in particularly aggravating circumstances, he is also temporarily deprived of political rights. However, the court may limit itself only to stating the offense.

In the modern period, disputes on issues of direct and indirect federal government are usually considered in the framework of administrative proceedings. According to the position of the Austrian Administrative Court, the exercise of executive power if it is carried out in accordance with article 102 para. 2 of the Federal Constitutional Law, refers to the direct federal administration. However, this provision does not apply if, in exceptional cases, the Federal Minister acts as the first and last authority on the issue of indirect federal administration.

Recently, proposals have been made to prioritize the application of article 11 of the Federal Constitutional Law, under which the federal Minister does not have the authority to issue instructions and exercises federal supervision. At the same time, there is a certain danger that after such a change of powers, the influence of the Federal Government may be even more pronounced than with indirect federal government.

The exercise of executive power in Austria is a form of "mixed federal government" based on the close interdependence between federalism and decentralization.

Keywords: federal Constitution, indirect federal government, governor of the land, Constitutional Court of the Republic of Austria

For citation: Krovvelshchikova, V.V. (2025) Опосредованное федеральное управление в Австрийской Республике. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Pravo – Tomsk State University Journal of Law*. 55. pp. 60–65. (In Russian). doi: 10.17223/22253513/55/5

Основополагающим элементом австрийской модели федеративного государства является институт опосредованного федерального управления. Определенное влияние земель в этой сфере является выражением конституционно-политической концепции, реализованной в Конституции 1920 г.

Авторы первого комментария к Федеральному конституционному закону (исполнительная власть Федерации в низших инстанциях) Ганс Кельзен, Георг Фройлих, Адольф Юлиус Меркль, пишут, что сознательно организована по министерской системе, в отличие от коллегиальной системы, установленной Законом от 14 ноября 1918 года «О передаче государственной власти в землях». Только губернатор земли, как единоличный орган, может эффективно отвечать за осуществление исполнительной власти Федерации в низшей инстанции. Именно в этом заключался один из главных недостатков временной конституции. Закон «О передаче государственной власти в землях» действительно декларировал подчинение земельного правительства Государственному правительству, но был неэффективен по той самой причине, что земельное правительство как коллегия не могла быть подотчетна Государственному правительству и, более того, временная конституция вообще не делала никаких попыток сделать его подотчетным [1].

В Федеральном конституционном законе 1920 г. предусматривается две формы осуществления исполнительной власти Федерации в землях – прямое федеральное управление (через собственные федеральные органы) и опосредованное федеральное управление (через губернатора земли и подчиненных ему органов земли). Исследуя природу исполнительной власти в федеративном государстве, Ганс Кельзен обращает внимание на то, что интересы

государств-членов в большей степени отвечают системе опосредованного, а интересы Федерации – системе прямого федерального управления [2].

Конструкция опосредованного федерального управления неоднократно исследовалась Конституционным судом Австрии. В решении от 19 июня 1928 г. суд констатирует: «Идея федеративного государства определяет дух нашей Конституции. Законодатель опирается на нее, она составляет общую предпосылку для устанавливаемых им норм, которые невозможно правильно понимать без этой предпосылки. Идее федеративного государства соответствует то, что законодательство и исполнительная деятельность распределяются между Федерацией и землями, Федерация, так же как и земли, исполняет возложенные на нее функции через свои собственные органы... В ст. 102 Федерального конституционного закона этот принцип изменен в пользу земель, устанавливая, что управление Федерацией в сфере земель осуществляется органами земель, если только речь не идет о некоторых вопросах, перечисленных в ст. 102, в отношении которых прямо разрешено управление отдельными федеральными органами. Создавая таким образом так называемое опосредованное федеральное управление, земли имеют право через свои собственные органы осуществлять большую часть федерального управления...» [3]. Уже в период Второй республики Конституционный суд отмечает: «Принцип федерализма и, соответственно, разделение сфер исполнительной власти Федерации и земель с соответствующим разделением исполнительных органов является частью природы Конституции» [4].

Центральное место в системе опосредованного федерального управления занимает губернатор земли. Австрийский профессор П. Пернталер, характеризуя эту сложную и противоречивую форму организации, пишет: «...глава правительства земли является, с одной стороны, федеральным органом, выполняющим указания центра, с другой – он возглавляет земельную администрацию, всех государственных служащих и административный аппарат земли, а также общин в государственной сфере и несет ответственность за положение дел в этих частях федерации» [5]. Он связан указаниями Федерального правительства и федерального министра и ответствен перед ними. Не допускается передача полномочий от губернатора земли другим членам земельного правительства.

Федеральное правительство вправе обратиться в Конституционный суд Австрии по обвинению губернатора земли, его заместителей или члена земельного правительства (ст. 103, абз. 2 и 3) в нарушении закона, а также неисполнения постановлений или иных распоряжений (указаний) Федерации (ст. 142, абз. 2 п. «е» ФКЗ). В случае осуждения лицо отстраняется от должности, а при особо отягчающих обстоятельствах также временно лишается политических прав. Однако суд может ограничиться только констатацией правонарушения¹.

¹ По данной категории дел Конституционный Суд Австрии является Государственным судом.

В 1923 г. Конституционным судом рассматривалось дело по обвинению губернатора Вены, социал-демократа Якоба Роймана, связанное с неисполнением указания федерального министра социального управления, христиан-социалиста Рихарда Шмитца о вводе в эксплуатацию крематория в Вене. Необходимо отметить, что спор рассматривался в условиях противостояния двух ведущих политических партий.

Суд установил, что данный случай относится к вопросам опосредованного федерального управления. Однако в неисполнении указания Федерального правительства суд не усмотрел виновного нарушения закона, поскольку у губернатора Вены сложилось юридически ошибочное представление о применении норм имперского законодательства в переходный период¹. Имперская конституция 1867 г. не давала четкого решения вопроса о разграничении исполнительной власти между империей и землями. В Законе 21 декабря 1867 года об Имперском представительстве регулировалось только разграничение законодательных полномочий; сфера автономного управления земель не была четко определена. Кроме того, в Императорском санитарном законе 30 апреля 1870 г. вопрос о кладбищах и похоронном деле относился сфере законодательства и исполнительной деятельности земель. По этим основаниям губернатор земли был оправдан [5].

В 1985 г. Конституционным судом рассматривалось дело по обвинению губернатора Зальцбурга Вильфрида Хаслауэра (АНП) в нарушении § 13 Закона об отдыхе трудящихся в связи неисполнением указания федерального министра социального управления Альфреда Даллингера (СПА) об изменении или отмене постановления, которым разрешалась торговля в день государственного праздника Девы Марии 8 декабря 1984 года.

Губернатор Вильфрид Хаслаэр, являясь доктором права, обосновывал свою позицию в Конституционном суде следующим образом: «Мой десятилетний опыт работы по конституционно-правовым вопросам, глубокое знание положений Федеральной конституции и мой давний личный профессиональный интерес к вопросам конституционного права, федеративного государства и конституционной политики позволили мне сделать это во время поездки, даже не имея под рукой никакой литературы. В ходе своих размышлений я пришел к однозначному выводу, что федеральный министр социального управления единолично не имел права давать мне такое указание и что в таком случае было бы совершено преступление – некомпетентность власти – по смыслу статьи 20 Федерального конституционного закона. После моего возвращения из Южной Африки... на основании обширной частной литературы по конституционному и административному праву, я вновь подробно изучил этот вопрос и обнаружил, что эта литература... полностью подтвердила мое предположение...» [6. S. 277].

¹ Конституционные нормы о разграничении компетенции между Федерацией и землями вступили в силу с 1925 г.

По итогам судебного разбирательства суд, принимая во внимание поведение федерального министра торговли, ремесел и промышленности Австрии Норберта Штегера, уважительные экономические и социально-политические мотивы действий губернатора Зальцбурга, признал его виновным, но не назначил никаких санкций. Суд согласился с позицией Федерального правительства, основанной на мнении авторов первого комментария к Федеральному конституционному закону 1920 г. Кельзена, Фройлиха и Меркля: «...в Конституции предусматривается возможность того, что Конституционный суд при неисполнении указания как малозначительное правонарушение может ограничиться констатацией правонарушения по “политическим соображениям”» [6. S. 277].

Мотивируя принятое решение, Конституционный суд также ссылается на мнение авторов первого комментария к Федеральному конституционному закону 1920 г. Если бы разбирательство в Конституционном суде могло закончиться только отстранением губернатора от должности, то каждое обвинение против губернатора было бы связано с серьезным политическим кризисом. В этих условиях Федеральное правительство могло решиться на предъявление обвинений только в чрезвычайных случаях, и, вероятнее всего, остались бы безнаказанными случаи очевидных правонарушений со стороны губернатора. Это, однако, сделало бы практически иллюзорной одну из важнейших гарантий законодательства федеральным управлением в землях [6].

Определенную критику в научных кругах вызвала мотивировочная часть решения Конституционного суда от 1 июля 1987 г. о признании неконституционным § 37 абз. 1 Винного закона 1985 г. Суд постановил: «Выбранная законодателем конструкция... оказывается посягательством на систему опосредованного федерального управления, которая ст. 102 Федеральной конституции предусматривает исполнение федеральных задач в сфере земель...» [7]. Необходимо отметить, что в австрийском судопроизводстве суды при аргументации своих позиций ссылаются как на ранее принятые решения, так и труды ведущих конституционалистов.

В современный период споры по вопросам прямого и опосредованного федерального управления, как правило, рассматриваются в рамках административного судопроизводства. Согласно позиции Административного суда Австрии, осуществление исполнительной власти, если оно осуществляется в соответствии со ст. 102 абз. 2 Федерального конституционного закона, относится к прямому федеральному управлению. Однако положение это не применяется, если по вопросу опосредованного федерального управления, федеральный министр (в исключительных случаях) выступает в качестве первой и последней инстанции [8].

В последнее время высказываются предложения о приоритете применения ст. 11 Федерального конституционного закона, в рамках которой федеральный министр не имеет полномочий издавать указания и осуществляет федеральный надзор. Однако в этом случае существует определенная «опас-

ность», что после такого изменения полномочий влияние Федерального правительства может оказаться еще более выраженным, чем при опосредованном федеральном управлении.

В целом осуществление исполнительной власти в Австрии представляет собой форму «смешанного федерального управления» на основе тесной взаимозависимости между федерализмом и децентрализацией.

Список источников

1. Die Bundesverfassung vom 1. Oktober 1920, hg. v. Kelsen, Hans/Froelich, Georg/Merkel, Adolf, Deuticke. Wien, 1922. 535 S.
2. Kelsen H. Allgemeine Staatslehre. Berlin : J. Springer, 1925. 433 S.
3. VfSlg. № 1030/1928.
4. VfSlg. № 4413/1963.
5. Пернталер П. Проблемы федеральных отношений в Австрии // Государство и право. 1994. № 3. С. 120-125.
6. VfSlg. № 10.510/1985.
7. VfSlg. № 11.403/1987.
8. VwGH. 27.2.2019.

References

1. Kelsen, H., Froelich, G. & Merkel, A. (eds) (1920) *Die Bundesverfassung vom 1. Oktober 1920*. Wien.
2. Kelsen, H. (1925) *Allgemeine Staatslehre*. Berlin: J. Springer.
3. *VfSlg.* № 1030/1928.
4. *VfSlg.* № 4413/1963.
5. Perntaler, P. (1994) Problemy federal'nykh otnosheniy v Avstrii [Problems of federal government in Austria]. *Gosudarstvo i pravo*. 3. pp. 120–125.
6. *VfSlg.* № 10.510/1985.
7. *VfSlg.* № 11.403/1987.
8. *VwGH*. 27.2.2019.

Информация об авторе:

Кровельщикова В.В. – кандидат юридических наук, доцент кафедры конституционного и международного права Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: valera2009@yandex.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

V.V. Krovshchikova, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: valera2009@yandex.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 14.05.2024;
одобрена после рецензирования 17.09.2024; принята к публикации 19.03.2025.*

*The article was submitted 14.05.2024;
approved after reviewing 17.09.2024; accepted for publication 19.03.2025.*

Научная статья
УДК 342.9, 340(075)
doi: 10.17223/22253513/55/6

Особенности цифровой трансформации сельских муниципалитетов: конституционно-правовое исследование

Мария Александровна Липчанская¹, Анна Владимировна Шиндина²

¹ *Российский государственный университет правосудия, Москва, Россия, lipchan_maria@mail.ru*

² *Саратовская государственная юридическая академия, Саратов, Россия, a.v.shindina@yandex.ru*

Аннотация. Исследуются особенности правового регулирования института местного самоуправления в условиях проводимой государственной политики, направленной на цифровую трансформацию публичного управления. Особое внимание уделяется вопросу проработки внедрения индивидуальных подходов цифровизации сельских поселений. Предлагается авторское видение правовой регламентации проводимых трансформационных процессов цифровизации органов местного самоуправления, а также обоснование необходимости концептуализации положений цифровой трансформации местного самоуправления как самостоятельной государственной политики.

Ключевые слова: публичная власть, цифровая трансформация, органы местного самоуправления, сельские поселения, концепция

Источник финансирования: исследование выполнено за счет средств гранта Российского научного фонда № 23-28-01252, <https://rscf.ru/project/23-28-01252/>, финансирование осуществляется через организацию ФГБОУ ВО «Государственный университет управления».

Для цитирования: Липчанская М.А., Шиндина А.В. Особенности цифровой трансформации сельских муниципалитетов: конституционно-правовое исследование // Вестник Томского государственного университета. Право. 2025. № 55. С. 66–77. doi: 10.17223/22253513/55/6

Original article
doi: 10.17223/22253513/55/6

Features of digital transformation of rural municipalities: a constitutional and legal study

Maria A. Lipchanskaya¹, Anna V. Shindina²

¹ *Russian State University of Justice, Moscow, Russian Federation, lipchan_maria@mail.ru*

² *Saratov State Law Academy, Saratov, Russian Federation, a.v.shindina@yandex.ru*

Abstract. The study of the features of the legal regulation of the institute of local self-government in the context of the active introduction and development of digital

technologies is not just an urgent research topic, but a state-required task facing modern scientists for the qualitative implementation of the stated state policy. Given that Russia is a historically agrarian state, one of the tasks is to find optimal ways of digitalization in rural municipalities. We suggest examining the successes achieved in this matter, as well as identifying the risks that, in our opinion, may make the realization of this ambition questionable.

In modern legal science, a position has been formed according to which the terms "digitalization" and "digital transformation" are not identical. Digitalization is distinguished by the fact that it is a process of introducing and using existing and new technologies. If we talk about "digital transformation", the main distinguishing feature is that it covers a wider range of changes related to the use of digital technologies, since it focuses on a comprehensive, strategic transformation of processes in order to adapt to changing conditions and use digital opportunities to create new values and achieve competitive advantage.

In the course of the research, the correlation of similar but not identical concepts in the field of digital transformation was carried out and the categorical and conceptual apparatus was built. Reasoned conclusions on the organizational and technological readiness of municipalities in the Russian Federation for digitalization are presented, the causes are identified and criteria for determining and overcoming the digital inequality of municipalities are proposed.

The reasons for the independent study of the digital transformation of rural settlements are highlighted. The main trends, as well as objective and subjective potential problems hindering the introduction of digital technologies into the activities of municipal authorities in the Russian Federation, which must be taken into account in regulatory design at the municipal level, are shown.

A set of conclusions and proposals on strategic planning of digitalization and digital transformation processes at the municipal level is presented, taking into account the peculiarities of rural development, which are seen in the adoption of an independent concept of "Smart Village".

A proposal has been formulated aimed at preparing a special strategic planning program document that ensures the digitalization of the economy and management, which will set out the justified stages of implementing the digital municipal agriculture management platform. The main blocks of the specified document are highlighted.

Keywords: public power, digital transformation, local governments, rural settlements, concept

Financing: the study was funded by the Russian Science Foundation grant No. 23-28-01252, <https://rscf.ru/project/23-28-01252/>, funding is provided through the organization of the State University of Management.

For citation: Lipchanskaya, M.A. & Shindina, A.V. (2025) Features of digital transformation of rural municipalities: a constitutional and legal study. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Pravo – Tomsk State University Journal of Law*. 55. pp. 66–77. (In Russian). doi: 10.17223/22253513/55/6

Государственная политика, направленная на интеграцию современных цифровых технологий, ориентирована не только на государственное и муниципальное управление, но и затрагивает повседневную жизнь граждан, проживающих на всей территории Российской Федерации. Значимость данного процесса для государственного развития и создания комфортных условий жизни признается и констатируется в Указе Президента РФ от

07.05.2024 № 309, где «цифровая трансформация управления определена в качестве национальной цели развития России вплоть до 2036 года»¹.

Обозначая указанную тематику и понимая масштаб производимых государственных трансформационных процессов, считаем необходимым сузить предмет исследования, а именно сосредоточить первоочередное внимание на вопросах местного самоуправления на территориях сельских муниципалитетов. Стоит отметить, что важность цифровизации местного самоуправления подчеркнута Президентом в послании Федеральному Собранию 2021 г., в котором весьма чётко обозначены и время, с которого начинается массовая цифровизации муниципалитетов, и масштаб ее интеграции в привычную систему взаимодействия государства с гражданами на местном уровне: «Уже через три года абсолютное большинство государственных и муниципальных услуг должно предоставляться гражданам России дистанционно в режиме 24 часа в сутки семь дней в неделю, то есть на постоянной основе»². Получается, данная амбициозная задача должна быть выполнена в текущем 2024 г. Цифровая трансформация местного самоуправления, включая сельские муниципалитеты, видится наиболее актуальной в процессе цифровизации публичного управления и системы оказания услуг. Сложно не согласиться с тем, что именно органы муниципальной власти являются первым «звеном» во взаимоотношениях государства и общества и, если не будет выстроено эффективное взаимодействие на местном уровне, то весьма сложным видится ее качественная реализация на региональном и федеральном уровнях, хотя процессы цифровой трансформации начались в Российской Федерации с системы государственного управления.

Беря во внимание, что Россия – исторически аграрное государство, одной из задач видится поиск оптимальных путей цифровизации в сельских муниципалитетах. Предлагаем изучить достигнутые успехи в данном вопросе, а также обозначить риски, из-за которых, по нашему мнению, воплощение данной амбиции может быть под вопросом. В рамках статистической наглядности приведем данные по числу муниципальных образований по субъектам Российской Федерации на 1 января 2023 г. (без учета статистической информации по Донецкой Народной Республике (ДНР), Луганской Народной Республике (ЛНР), Запорожской и Херсонской областям), подготовленной Федеральной службой государственной статистики³:

¹ Указ Президента РФ от 07.05.2024 № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года» // Российская газета. 11.05.2024. № 100.

² Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 21 апреля 2021 года. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/65418> (дата обращения: 08.03.2024).

³ Число муниципальных образований по субъектам Российской Федерации на 1 января 2023 года. URL: https://www.google.com/url?sa=i&url=https%3A%2F%2Frossstat.gov.ru%2Fstorage%2Fmediabank%2F1-adm-2023.xlsx&psig=AOvVaw183_jKnNEQQ8IDMs7gVaMY&ust=1721291402552000&source=images&cd=vfe&opi=89978449&ved=0CAQQn5wMahcKEwj4qICp1K2HAXUAAAAAHQAAAAAQBA (дата обращения: 17.07.2024).

	Муниципальные образования							
	Всего	в том числе						
		Муниципальные районы	Муниципальные округа	Городские округа	Городские округа с внутригородским делением	Внутригородские районы	Внутригородская территория (внутригородское муниципальное образование) города федерального значения	Сельские поселения
А	1	2	3	4	5	6	7	8
Российская Федерация	18402	1421	311	588	9	23	267	1203
								14580

Приведенная статистика свидетельствует о том, что сельские поселения преобладают над городскими, а именно количество сельских поселений больше городских в 12 раз. Таким образом, государственная политика, направленная на цифровую трансформацию муниципалитетов, должна ориентироваться на качественную интеграцию сельских органов местного самоуправления и сельского населения в проводимые трансформационные процессы. Как известно, национальные проекты Российской Федерации предполагают до 100% охвата домохозяйств широкополосным Интернетом к 2024 г. Вместе с тем в сельской местности актуальность этого вопроса не снята, а лишь дополнена проблемой компьютерной и цифровой грамотности проживающих в сельской местности лиц. Программой «Цифровая экономика Российской Федерации» [1, с. 81] регламентированы требования для муниципальных образований по вопросам цифровизации, но проводимые исследования свидетельствуют о том, что в настоящее время только 10% муниципальных образований отвечают установленным в законодательстве Российской Федерации требованиям по уровню цифровизации. Описанная ситуация наглядно демонстрирует потребность в системном и последовательном решении проблем цифровой трансформации сельских муниципалитетов по двуединой траектории: во-первых, оснащение органов местного самоуправления, муниципальных хозяйств современными технологиями и программами, во-вторых, вовлечение в обучение цифровой грамотности и в активное использование цифровых технологий муниципальных служащих и население.

Стоит отметить, что вопросы, связанные с применением современных технологий, уже длительное время являются предметом активных научных дискуссий и в России, и за рубежом [2. С. 228]. Как верно отметили Т.Я. Хабриева и Н.Н. Черногор «цифровизация способна, в полной мере, изменить общественную жизнь, при этом пределы и вектор таких изменений на данный момент не ясны до конца» [3. С. 89]. Цифровой подход в государственном управлении не был применен эпизодически и одномоментно, он планомерно и довольно закономерно развивался и максимально входил как в деятельность государства, так и в жизнь граждан. Процесс механизации государственной работы предшествовал проводимым в настоящее время процессам цифровизации, смысловое наполнение которых весьма широко и может трактоваться по-разному. Например, по мнению Т.Ю. Кудрявцевой и К.С. Кожинной, цифровизация определяется как использование цифровых технологий и данных для достижения каких-либо позитивных целей [4. С. 150].

В настоящее время в правовой науке сформировалась позиция, согласно которой термины «цифровизация» и «цифровая трансформация» не идентичны. Цифровизацию отличает то, что она является процессом внедрения и использования имеющихся и новых технологий. Если говорить о «цифровой трансформации», то главным отличительным признаком будет то, что она охватывает более широкий спектр изменений, связанных с применением цифровых технологий, поскольку ориентирована на комплексное, стратегическое преобразование процессов с целью адаптации к изменяющимся условиям и использование цифровых возможностей для создания новых ценностей и достижения конкурентного преимущества. Согласимся с Г.А. Чмут, давшим следующее определение цифровой трансформации – «это комплексный процесс изменения организаций, отраслей и общества в целом, связанный с преобразованием системы управления и взаимодействия в целях адаптации к изменяющимся условиям, основанный на использовании существующих и внедрении новых цифровых технологий» [5. С. 35].

Разумеется, мы не идеализируем цифровую трансформацию управления, осознаем амбивалентность цифровизации формирования и детальности органов местного самоуправления, муниципального хозяйства и иных процессов в сфере местного самоуправления. Однако хотим высказать убеждение, что, во-первых, внедрение в общественную жизнь инновационных систем и технологий становится нормой, а не абстрактным желанием, во-вторых, задача ученых и практиков минимизировать риски и повысить положительный эффект от цифровой трансформации управления, в том числе и муниципального уровня.

Особое значение в осуществлении цифровой трансформации местного самоуправления относится к вопросам ее правового регламентирования. И именно этот вопрос является одним из самых острых и дискуссионных. Если «отталкиваться» от документов, отражающих векторы реализации государственной политики по имплементации цифровизации в публичное управление, то увидим следующую закономерность ее правового регламентирования¹: в настоящее время наибольшее значение в правовом регламентировании трансформационных процессов отдается актам стратегического

¹ Например, к таковым можно отнести: Указ Президента РФ от 09.05.2017 № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы»; Указ Президента РФ от 05.12.2016 № 646 «Об утверждении Доктрины информационной безопасности Российской Федерации»; Указ Президента РФ от 07.05.2024 № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года»; Постановление Правительства РФ от 02.03.2019 № 234 «О системе управления реализацией национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации» (вместе с «Положением о системе управления реализацией национальной программы “Цифровая экономика Российской Федерации”»); Распоряжение Правительства Российской Федерации от 28 июля 2017 г. № 1632-р об утверждении программы «Цифровая экономика Российской Федерации»; Распоряжение Правительства РФ от 01.10.2021 № 2765-р об утверждении «Единого плана по достижению национальных целей развития Российской Федерации на период до 2024 года и на плановый период до

планирования. Указанное выглядит весьма противоречиво, так как не соответствует логике государственной политики по скорости и срочности реализации цифровизации, так как принятие актов стратегического планирования ознаменовывает лишь начало процесса, а государством 2024 г. обозначен уже как определенный «рубеж» проводимых трансформационных процессов в сфере цифровизации, в том числе на местном уровне.

Кроме того, проведенный лексический анализ актов стратегического планирования, которые так или иначе распространяются на деятельность органов местного самоуправления, показал, что они не только не содержат отдельных подходов, направленных на цифровизацию сельских муниципалитетов, но даже лексические термины, связанные с муниципалитетами, сельскими поселениями и т.п., встречаются в них крайне редко. Например, в Указе Президента от 07.05.2024 № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года» 15 раз упоминаются «муниципальные услуги», «муниципальные органы», но только в контексте с «органами государственной власти» или «государственными услугами». Аналогичная тенденция прослеживается и в Указе Президента РФ от 09.05.2017 № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы», в котором органы местного самоуправления упоминаются 3 раза, но не как самостоятельная «единица», а как некая общая конструкция с органами государственной власти.

Нельзя не упомянуть Приказ Минстроя России от 25.12.2020 № 866/пр «Об утверждении Концепции проекта цифровизации городского хозяйства “Умный город”», который сконцентрирован непосредственно на мероприятиях по внедрению цифровых технологий на уровне муниципального образования. Однако, и это следует уже из названия Концепции, усилия государства направлены на формирование «умного города», а отнюдь не «умного села». Это отмечают и большинство исследователей, констатируя, что города – пока единственная площадка для реализации цифрового потенциала, называя города «полигонами» для внедрения инноваций [6. С. 199].

В связи с этим представляется обоснованным утверждать, что приведенные примеры не свидетельствуют о выработке методик и механизмов проведения отдельной цифровой трансформации муниципалитетов, в том числе в сельских и отдаленных местностях, но позволяют определить основные направления происходящих трансформационных процессов в государственном секторе и на муниципальном уровне:

- формирование подходов в становлении глобальной цифровой экономики в следующих отраслях: электронная торговля, сельское хозяйство, логистика;
- создание баз данных в трансформируемых сферах общества;

- предоставление государственных и муниципальных услуг в электронном дистанционном формате как единственный из возможных способов получения подобного рода услуг;
- платформизация заявленных процессов и услуг путем развития мобильных приложений.

Мы считаем, что адекватное правовое регламентирование цифровой трансформации в сельских муниципалитетах обязано учитывать особенности организации местного самоуправления на данных территориях, их ресурсный потенциал, постепенно расширения арсенал императивных регуляторов. Стоит отметить, что дифференциация подходов регламентации цифровой трансформации государственного и местного управления была удачно показана Т.Я. Хабриевой. «В настоящее время, – отмечает она, – одновременно существуют стратегии жесткого всеобъемлющего государственного регулирования соответствующих отношений и потребность практики в гибких регуляторах» [7]. Указанная казуичность в полной мере отражает реальную картину действий для муниципалитета: с одной стороны, государство предпринимает попытки регламентации процессов цифровой трансформации местного самоуправления, с другой – полное отсутствие индивидуальной проработки интеграции муниципальных органов власти и населения в проводимые процессы цифровизации, что нельзя признать верным. Учитывая специфику муниципального состава Российской Федерации, мы склонны считать, что единым документом практически невозможно качественно регламентировать цифровую трансформацию в системе публичного управления. В данной ситуации вполне обоснованной видится позиция В.В. Ершова: «Можно прогнозировать, что в ближайшем будущем возрастет значение казуального регулирования, будут особенно востребованы подзаконное правотворчество и механизм имплементации судебных решений в законодательство» [8. С. 200]. Представляется, что именно такой подход следует апробировать при правовом регулировании и подготовки документов стратегически-прогнозного характера в сфере цифровой трансформации местного самоуправления.

Следующей проблемой при проведении цифровизации муниципалитетов стоит признать наличие цифрового неравенства, наиболее выраженного на уровне отдаленных и малочисленных сельских поселений. Цифровое неравенство свойственно и для работы самих органов местного самоуправления, которые сталкиваются с такими вопросами, как нехватка высококвалифицированного персонала, ввиду отсутствия привлекательности отдаленных местностей для молодых граждан; сложность прокладывания сетей для проведения устойчивого интернет-соединения в сложно доступных местностях; нехватка финансирования для обновления парка техники органов местного самоуправления и технологий ввиду финансового неравенства «город – село»; первостепенная интеграция цифровых программ в систему государственных органов, без ориентации на «отстающие» органы местного уровня. Стоит отметить, что данная проблема неоднократно обсуждалась и критиковалась в публично-правовой науке [9–12].

Мы считаем, что для успешной системной цифровой трансформации публичного управления необходимо уделять внимание специфике цифровой трансформации местного самоуправления, находить реперные точки в сельских муниципалитетах для внедрения цифровых платформ и развития цифровых форм участия населения в решении вопросов местного значения, которыми могут стать: инновационные формы участия граждан в делах местного сообщества, создание уникальных цифровых каналов связи органов местного самоуправления с жителями, а также IQ-агросектора [13, 14]. Представляется, что именно общность интересов и ведение совместной деятельности могут стать основой для вовлечения жителей в решение местных вопросов посредством инновационных каналов связи.

Ранее мы уже высказывались о том, что по аналогии с умным городом перспективным видится создание «умного села», в основу которого можно определить умное сельское хозяйство, выражающееся в следующих «сельских» цифровых технологиях: введение прототипов беспилотников в сельском хозяйстве, модернизация систем и средств энергообеспечения села, цифровизация домохозяйств, технологический контроль и дистанционное управление локальными контроллерами. Кроме того, приобретение селом «умного» статуса позволит расширить сферы удаленной трудовой деятельности, привлечь квалифицированные кадры в условия жизни вне городского трафика, что будет позитивным изменением и для города [15. С. 10].

Одновременно понимая сложность современных проводимых государственных процессов, направленных на принятие актов стратегического планирования [16–22], считаем возможным инициировать предложение, направленное на подготовку специального программного документа стратегического планирования, нацеленного на цифровизацию экономики и управления, в котором будут закреплены обоснованные этапы внедрения платформы цифрового муниципального управления сельским хозяйством.

Основными блоками концепции могут стать:

- повышение на основе внедрения цифровых технологий конкурентоспособности муниципалитетов для постоянного проживания граждан на уровне (или выше) городов (с учетом благоприятного экологического состояния);
- формирование эффективной системы управления муниципалитетом (с учетом дифференцированного подхода для вида муниципальных образований);
- создание самостоятельных цифровых платформ участия граждан в управлении муниципалитетами с учетом вопросов малочисленных незаселённых пунктов;
- формирование конкурентоспособного отечественного агропромышленного комплекса в условиях импортозамещения;
- нивелирование цифрового неравенства как граждан, так и органов местного самоуправления;
- развитие транспортной доступности муниципалитетов с использованием цифровых платформ;

– развитие культурной и исторической самобытности муниципалитетов с использованием современных цифровых технологий.

Считаем, что предложенные направления Концепции развития местного самоуправления в условиях цифровой трансформации и управления «подвижны» и могут претерпевать изменения в рамках научных дискуссий.

Список источников

1. Leonieva A. Municipal dimension of digitalisation of territorial management system // *Economy of the North-West: problems and prospects of development*. 2020. Vol. 2-3. P. 78–83.
2. Kling R., Iacono S. The mobilization of support for computerization: The role of computerization movements // *Social Problems*. 1988. Vol. 35, № 3. P. 227–228.
3. Хабриева Т.Я., Черногор Н.Н. Право в условиях цифровой реальности // *Журнал российского права*. 2018. № 1 (253). С. 89.
4. Кудрявцева Т.Ю., Кожина К.С. Основные понятия цифровизации // *Вестник Академии знаний*. 2021. № 3 (44). С. 149–151. doi: 10.24412/2304-6139-2021-11228
5. Чмут Г.А. Цифровая трансформация государственного управления на современном этапе // *Вестник университета*. 2022. № 1 (12). С. 30–36. doi: 10.26425/1816-4277-2022-12-30-36
6. Демидова Е.Е. Особенности цифровизации стран скандинавского региона // *Проблемы деятельности ученого и научных коллективов*. 2018. № 4 (34). С. 191–199.
7. Хабриева Т.Я. Технологические сюжеты глобального развития в фокусе правовой доктрины // *Международные Лихачевские научные чтения/2019 год. «Мировое развитие: проблемы предсказуемости и управляемости» / Пленарное заседание «Мировое развитие: проблемы предсказуемости и управляемости»*. URL: <https://www.lihachev.ru/chten/2019/plen/t-ya-khabrieva/> (дата обращения 09.09.2024).
8. Правосудие в современном мире / под ред. В.М. Лебедева, Т.Я. Хабриевой. М. : Норма; ИНФРА-М, 2013. С. 217.
9. Современный российский конституционализм: к 85-летию со дня рождения академика О.Е. Кутафина / под общ. ред. В.В. Комаровой ; отв. ред. О.С. Рыбакова. М. : Проспект, 2023. С. 302.
10. Аверьянова Н.Н. Сущность и назначение документов государственного стратегического планирования в современной России // *Законодательство*. 2012. № 7. С. 62–67.
11. Маланьич Н.И. Государственная стратегия как конституционно-правовой институт // *Публичное право, демократия и гражданское общества*. Вестник ВГУ (серия Право). 2017. № 1. С. 37–43.
12. Гуменюк И.С. О соотношении понятий пространственное, стратегическое и территориальное планирование в Российской Федерации // *Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия: Естественные и медицинские науки*. 2016. № 1. С. 37–44.
13. Киреев В.В., Майоров В.И. Стратегия конституционного развития современной России (ценности, цели, риски) // *Lex Russica*. 2017. № 6. С. 68–74. doi: 10.17803/1729-5920.2017.127.6.068-074
14. Григорьева В.А. Стратегическое экономическое планирование государства: конституционно-правовой аспект // *Актуальные проблемы российского права*. 2013. № 8. С. 958–966.
15. Липчанская М.А., Шиндина А.В. Цифровая трансформация местного самоуправления в условиях развития информационного общества и концепции «Умный город» // *Вестник Белгородского юридического института МВД имени И.Д. Путилина*. 2023. № 4. С. 6–13.

16. Малько А.В., Солдаткина О.Л. Приоритеты российской правовой политики и изменения права в условиях цифровизации // Журнал российского права. 2019. № 9. С. 5–19.
17. Нанба С.Б. Цифровизация реализации компетенции муниципальных образований: возможности и риски // Муниципальное имущество: экономика, право, управление. 2024. № 3. С. 2–6.
18. Панягина А.Е. Подходы к пониманию и классификации рисков // Современная экономика: проблемы, тенденции, перспективы. 2012. № 6. С. 1–11.
19. Тихомиров Ю.А. Право: прогнозы и риски. М. : Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации: ИНФРА-М, 2015. 240 с. doi: 10.12737/11255
20. Фролов Д.А. Конституционные гарантии местного самоуправления в Российской Федерации // Теоретические и прикладные аспекты современной науки. 2014. № 5-4. С. 225.
21. Ведяшкин С.В., Гончарова В.А., Саркисова А.Ю. Проблемы регулирования автоматизированного сбора больших пользовательских данных из социальных сетей // Информационное право. 2023. № 1 (75). С. 40–44.
22. Юсубов Э.С. Мирозозрение. Нравственность. Право. Томск : Издательство Томского государственного университета, 2024. 145 с.

References

1. Leonieva, A. (2020) Municipal dimension of digitalisation of territorial management system. *Economy of the North-West: Problems and Prospects of Development*. 2–3. pp. 78–83.
2. Kling, R. & Iacono, S. (1988) The mobilization of support for computerization: The role of computerization movements. *Social Problems*. 35(3). pp. 227–228.
3. Khabrieva, T.Ya. & Chernogor, N.N. (2018) Pravo v usloviyakh tsifrovoy real'nosti [Law in the context of digital reality]. *Zhur-nal rossiyskogo prava*. 1(253). p. 89.
4. Kudryavtseva, T.Yu. & Kozhina, K.S. (2021) Osnovnye ponyatiya tsifrovizatsii [Basic concepts of digitalization]. *Vestnik Akademii znaniy*. 3(44). pp. 149–151. DOI: 10.24412/2304-6139-2021-11228
5. Chmut, G.A. (2022) Tsifrovaya transformatsiya gosudarstvennogo upravleniya na sovremennom etape [Digital transformation of public administration at the present stage]. *Vestnik universiteta*. 1(12). pp. 30–36. DOI: 10.26425/1816-4277-2022-12-30-36
6. Demidova, E.E. (2018) Osobennosti tsifrovizatsii stran skandinavskogo regiona [Digitalization in the Scandinavian countries]. *Problemy deyatel'nosti uchenogo i nauchnykh kollektivov*. 4(34). pp. 191–199.
7. Khabrieva, T.Ya. (2019) *Tekhnologicheskie syuzhety global'nogo razvitiya v fokuse pravo-voy doktriny* [Technological plots of global development in the focus of legal doctrine]. [Online] Available from: <https://www.lihachev.ru/chten/2019/plen/t-ya-khabrieva/> (Accessed: 9th September 2024).
8. Lebedev, V.M. & Khabrieva, T.Ya. (2013) *Pravosudie v sovremennom mire* [Justice in the Modern World]. Moscow: NORMA; Infra-M.
9. Lipchanskaya, M.A. et al. (2023) *Sovremennyy rossiyskiy konstitutsionalizm: k 85-letiyu so dnya rozhdeniya akademika O.E. Kutafina* [Modern Russian Constitutionalism: On the 85th Anniversary of the Birth of Academician O. E. Kutafin]. Moscow: Prospekt. p. 302.
10. Averyanova, N.N. (2012) Sushchnost' i naznachenie dokumentov gosudarstvennogo strategicheskogo planirovaniya v sovremennoy Rossii [The essence and purpose of documents of state strategic planning in modern Russia]. *Zakonodatel'stvo*. 7. pp. 62–67.
11. Malanych, N.I. (2017) Gosudarstvennaya strategiya kak konstitutsionno-pravovoy institute [State strategy as a constitutional and legal institution]. *Publichnoe pravo, demokratiya i grazhdanskoe obshchestva. Vestnik VGU (seriya Pravo)*. 1. pp. 37–43.

12. Gumenyuk, I.S. (2016) O sootnoshenii ponyatiy prostranstvennoe, strategicheskoe i territorial'noe planirovanie v Rossiyskoy Federatsii [On the relationship between the concepts of spatial, strategic and territorial planning in the Russian Federation]. *Vestnik Baltiyskogo federal'nogo universiteta im. I. Kanta. Seriya: Estestvennye i meditsinskie nauki*. 1. pp. 37–44.
13. Kireev, V.V. & Mayorov, V.I. (2017) Strategiya konstitutsionnogo razvitiya sovremennoy Rossii (tsennosti, tseli, riski) [Strategy of constitutional development of modern Russia (values, goals, risks)]. *Lex Russica*. 6. pp. 68–74. DOI: 10.17803/1729-5920.2017.127.6.068-074
14. Grigorieva, V.A. (2013) Strategicheskoe ekonomicheskoe planirovanie gosudarstva: konstitutsionno-pravovoy aspekt [Strategic economic planning of the state: A constitutional and legal aspect]. *Aktual'nye problemy rossiyskogo prava*. 8. pp. 958–966.
15. Lipchanskaya, M.A. & Shindina, A.V. (2023) Tsifrovaya transformatsiya mestnogo samo-upravleniya v usloviyakh razvitiya informatsionnogo obshchestva i kontseptsii “Umnyy gorod” [Digital transformation of local self-government in the context of the development of the information society and the concept of “Smart City”]. *Vestnik Belgorodskogo yuridicheskogo instituta MVD imeni I.D. Putilina*. 4. pp. 6–13.
16. Malko, A.V. & Soldatkina, O.L. (2019) Prioritety rossiyskoy pravovoy politiki i izmeneniya prava v usloviyakh tsifrovizatsii [Priorities of Russian Legal Policy and Changes in Law in the Context of Digitalization]. *Zhurnal rossiyskogo prava*. 9. pp. 5–19.
17. Nanba, S.B. (2024) Tsifrovizatsiya realizatsii kompetentsii munitsipal'nykh obrazovaniy: vozmozhnosti i riski [Digitalization of the Implementation of Municipal Competence: Opportunities and Risks]. *Munitsipal'noe imushchestvo: ekonomika, pravo, upravlenie*. 3. pp. 2–6.
18. Panyagina, A.E. (2012) Podkhody k ponimaniyu i klassifikatsii riskov [Approaches to Understanding and Classifying Risks]. *Sovremennaya ekonomika: problemy, tendentsii, perspektivy*. 6. pp. 1–11.
19. Tikhomirov, Yu.A. (2015) *Pravo: prognozy i riski* [Law: Forecasts and Risks]. Moscow: Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation: INFRA-M. DOI: 10.12737/11255
20. Frolov, D.A. (2014) Konstitutsionnye garantii mestnogo samoupravleniya v Rossiyskoy Federatsii [Constitutional guarantees of local self-government in the Russian Federation]. *Teoreticheskie i prikladnye aspekty sovremennoy nauki*. 5–4. pp. 225.
21. Vedyashkin, S.V., Goncharova, V.A. & Sarkisova, A.Yu. (2023) Problemy regulirovaniya avtomatizirovannogo sbora bol'shikh pol'zovatel'skikh dannykh iz sotsial'nykh setey [Problems of regulating automated collection of large user data from social networks]. *Informatsionnoe pravo*. 1(75). pp. 40–44.
22. Yusubov, E.S. (2024) *Mirovozzrenie. Nравstvennost'. Pravo* [Worldview. Morality. Law]. Tomsk: Tomsk State University.

Информация об авторах:

Липчанская М.А. – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры конституционного права имени Н.В. Витрука Российского государственного университета правосудия (Москва, Россия). E-mail: lipchan_maria@mail.ru; ORCID: 0000-0002-4410-0578; Researcher ID: ABC 6179-2020.

Шиндина А.В. – кандидат юридических наук, доцент кафедры конституционного права имени проф. И.Е. Фарбера и В.Т. Кабышева Саратовской государственной юридической академии (Саратов, Россия). E-mail: a.v.shindina@yandex.ru; ORCID: 0000-0001-9924-810X.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

M.A. Lipchanskaya, Russian State University of Justice (Moscow, Russian Federation). E-mail: lipchan_maria@mail.ru; ORCID: 0000-0002-4410-0578; ResearcherID: ABC 6179-2020.

A.V. Shindina, Saratov State Law Academy (Saratov, Russian Federation). E-mail: a.v.shindina@yandex.ru; ORCID: 0000-0001-9924-810X.

The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 10.09.2024;
одобрена после рецензирования 15.01.2025; принята к публикации 19.03.2025.*

*The article was submitted 10.09.2024;
approved after reviewing 15.01.2025; accepted for publication 19.03.2025.*

Научная статья
УДК 342.72/.73
doi: 10.17223/22253513/55/7

Реализация права на жизнь как основа обеспечения главного стратегического национального приоритета Российской Федерации

Олег Николаевич Мигущенко¹

¹ *Курский государственный университет, Курск, Россия, onmig@mail.ru*

Аннотация. Доказывается, что реализация стратегического национального приоритета «сбережение народа России» требует переосмысления права на жизнь, так как его действующая редакция не соответствует потребностям личности, общества и современного российского государства. Предлагается право на жизнь рассматривать не как право на сохранение жизни, а как право на сбережение жизни, т.е. как совокупность обязанностей государства и по сохранению жизни, и по фактическому обеспечению социально-экономических и иных прав человека.

Ключевые слова: права человека, право на жизнь, право на достойную жизнь, функции государства, национальная безопасность

Для цитирования: Мигущенко О.Н. Реализация права на жизнь как основа обеспечения главного стратегического национального приоритета Российской Федерации // Вестник Томского государственного университета. Право. 2025. № 55. С. 78–88. doi: 10.17223/22253513/55/7

Original article
doi: 10.17223/22253513/55/7

Realization of the right to life as the basis for the Russian Federation main national strategic priority

Oleg N. Migushchenko¹

¹ *Kursk State University, Kursk, Russian Federation, onmig@mail.ru*

Abstract. The new National Security Strategy of the Russian Federation defines the conservation of the people and the development of human potential as the main strategic national priority and also lists the goals and objectives to be reached on the way to achieving these aims. It basically means realization of the right to life and the right to the decent life. However, due to some specifics of the current version of the right to life creation of an effective mechanism for transferring constitutional law into specific benefits listed in paragraphs 28-33 of the abovementioned Strategy is not possible. The solution to this problem involves considering the right to life and the right to a decent life as a one single right.

According to dialectical materialism, a person is simultaneously considered as a biological and social being, and therefore the right to life cannot be characterized by

the biological side only, i.e. the right to life preservation. In this sense, the right to life represents the "sum" of all other rights, socio-economic rights above all.

Today, the understanding of content of legal relations between a person and the state, is based most often on an idealistic methodology, which is characterized by considering the studied phenomena, that have economic and legal characteristics, without taking into account all their internal connections and influences. This leads to the fact that the right to life and the right to a decent life are not considered as a one single human right. From this point of view, the right to life is reduced to the right of a person who has committed an particularly grave crime to avoid the death penalty with the granting of him the right to have his case heard in a trial by jury. Given the social antagonism that is still kept in society, it is impossible to deny the importance of such a right to life, but today is not enough.

The currently prevailing concept of "the right to life" enshrined in the current legislation limits the duties and responsibility of the public authorities for maintaining the living standards of the population and, accordingly, for the development of socio-economic relations. This version of the standard creates the illusion of the state fulfilling its obligations on public relations. However, the slowdown in economic development and the real standard of living of the population given the growth of unemployment creates a discrepancy between the prevailing understanding of the right to life and the expectations of the vast majority of citizens. Therefore, in a democratic and social state, there is a need for a relevant understanding of the right to life, which is guaranteed by the cohesion of all obligations of the state to ensure that the citizens have the opportunity to use their socio-economic and other rights in accordance with their legitimate interests. Implementing this modern right to life will require the creation of a socially oriented and efficient economy, which will be a stable basis for ensuring Russia's main strategic national priority. Civil peace and harmony in the country will be strengthened, which will provide the political and social foundations of the country's national security.

Keywords: human rights, right to life, right to decent life, functions of the state, national security

For citation: Migushchenko, O.N. (2025) Realization of the right to life as the basis for the Russian Federation main national strategic priority. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Pravo – Tomsk State University Journal of Law*. 54. pp. 78–88. (In Russian). doi: 10.17223/22253513/54/7

Стратегия национальной безопасности Российской Федерации, утверждённая Указом Президента РФ от 2 июля 2021 г. № 400 (далее Стратегия 2021 г.), внесла кардинальные изменения в представление о приоритетах национальной безопасности Российской Федерации. Предыдущая Стратегия, утверждённая Указом Президента РФ от 31 декабря 2015 г. № 683 (далее Стратегия 2015 г.), в качестве основного стратегического национального приоритета называла «укрепление обороны страны...», и к моменту утверждения Стратегии 2021 г. эта задача в основном была решена. Однако сегодня условия изменились. Теперь для обеспечения безопасности страны требуется *активизация всего общества*, что без учёта «человеческого фактора» является труднодостижимой задачей. Общеизвестно, что духовный и нравственный мир граждан может как обеспечивать, так и ограничивать государственный суверенитет. Поэтому если исходить из того, что сознание (правосознание) человека формируется не в безвоздушном пространстве, а в конкретно-исторической среде, то следует признать её решающее влияние

на весь процесс формирования сознания (правосознания). Такая среда создаётся под воздействием многих факторов. Решающим из них является эффективное осуществление социальной функции государства. Из этого следует закономерный вывод, что важнейшим направлением укрепления национального суверенитета является «сбережение народа России и развитие человеческого потенциала». Эта идея не является для России новой, она высказывалась ещё М.В. Ломоносовым, в наше время она вновь стала актуальной.

За прошедшие десятилетия было много сделано на пути развития России. Но надо понимать, что результаты были достигнуты со значительными усилиями, потребовавшими перераспределения средств из социальной сферы в сферу укрепления обороноспособности страны и обеспечения незыблемости её конституционного строя. Это актуализировало проблему поддержания гражданского мира и согласия в стране. Поэтому основной задачей нового этапа является *активизация социально-экономической политики государства*, направленной на рост качества жизни и свободного развития человека, о чём фактически говорится в пп. 29–33 Стратегии 2021 г. Однако не всё так очевидно. Проблема заключается в отсутствии перечня легально закреплённых показателей качества жизни и благосостояния граждан. Исходя из этого, при реализации задач Стратегии 2021 г. следует учитывать два аспекта. Первый заключается в определении показателей повышения качества жизни и благосостояния граждан, а также определении базовых понятий, второй связан с разработкой механизма повышения уровня материального благосостояния граждан.

Решение первого аспекта проблемы не вызовет больших сложностей, если исходить из того, что право на жизнь представляет собой систему всех иных прав. Из этого следует логический вывод, что реализация социально-экономических и иных прав в гармоничном соотношении интересов личности, общества и государства и есть показатель уровня достойной жизни и её качества, социального качества жизни [1. С. 13]. Однако нельзя не учитывать «избыточный плюрализм» в вопросах отношения к правовым явлениям. С этой точки зрения, например, реализация права на труд может рассматриваться с двух различных позиций: с формальной, которая будет делать акцент на возможности использовать «право на свободу от труда» и право на защиту от безработицы и т.д., и иной точки зрения, которая будет делать акцент на возможности использовать право на «получение гарантированной работы в условиях свободы от эксплуатации» и т.д. Каждая из этих двух позиций имеет своих сторонников и противников. Оценка же этих позиций будет определяться мировоззренческими пристрастиями оценивающего, следованию соответствующему типу правопонимания [2. С. 219]. Различие подходов наглядно проявляет себя в форме дискуссий о месте и роли социально-экономических прав в реализации всех иных прав человека. При этом следует учитывать, что попытки поиска объективной оценки в интегративном подходе удачными не будут [3. С. 5–15].

Однако второй аспект проблемы – определение направлений повышения качества жизни и благосостояния граждан – представляется как непростой.

Прежде всего, в силу отсутствия у современного научного сообщества единого мнения в определении понятий «уровень жизни» и «качество жизни», а также инструментария для оценки качества жизни [4. С. 93]. Затруднение вызывает и отсутствие в юридической литературе единого понимания механизма перевода конституционных прав в конкретные блага. Часто используется приём, согласно которому такой механизм сводится к «созданию условий» для осуществления прав и свобод. Тогда право выступает не как фактическая возможность получения от обязанной стороны какого-либо блага, а как средство для создания условий, при которых возникает формальная возможность притязания субъекта на какое-либо благо, что далеко не всегда гарантирует реальное приобретение этого блага [5. С. 82–83]. Если это так, то тогда надо говорить о реализации субъективных прав только в контексте реальной возможности для обладателя этих прав удовлетворять свои потребности в соответствии с законными интересами. Когда же право декларативно и не обеспечивает реальную возможность пользоваться определённым социальным благом, не обеспечивает рост материального уровня благосостояния граждан, тогда ослабляется его регулирующее воздействие на общественные отношения, формируются нежелательные виды правового поведения, развиваются прочие негативные явления. Также прямо нарушается ст. 8 Декларации социального прогресса и развития ООН от 11 декабря 1969 г.

Однако в условиях чрезвычайных ситуаций, угрожающих жизни и здоровью граждан, их права не могут использоваться ими в полной мере. Но из этого нельзя делать вывод о замене права на повышение уровня материального благосостояния граждан правом на сохранение жизни. Будучи динамичной, система прав человека эволюционирует под воздействием изменений среды. С учётом форс-мажорных обстоятельств у государства появляется право на «перенос» усилий из социальной сферы в сферу военно-экономическую и геополитическую, но опять-таки без человеческого фактора решить задачи обеспечения национальной безопасности невозможно. Поэтому логика требует сохранения и максимально возможного даже в этих условиях исполнения обязанности государства по обеспечению достойной жизни человека. Эта обязанность помимо решения традиционных задач заключается в доведении до граждан чётких и конкретных ответов на вопросы: когда, что и как будет сделано государством для восстановления полноценной социальной функции после устранения угроз личности, обществу и государству. Таким образом, право на жизнь в силу своего особого характера определяет направления реализации как всех иных прав, так и осуществление социальной функции государства, поэтому чем быстрее мы станем соотносить это право с реальными потребностями граждан, тем быстрее достигнем результатов, запланированных Стратегией 2021 г.

Вместе с тем в современном мире и современной России позиция, основанная на идеологии буржуазного либерализма, является господствующей [6. С. 7]. Именно это и объясняет аналогичность международных актов и конституций многих государств по вопросу о содержании права на жизнь.

Для этой позиции характерны, как правило, значимые явления общественной жизни рассматривать не в системной взаимосвязи всех своих составляющих характеристик, а изолированно. В отношении прав человека это проявляется фактически в «противопоставлении» политических и гражданских прав правам социально-экономическим. Это закономерное явление, и связано оно с конкретными политическими взглядами, которые находят отражение в действующем праве. Попытка же не замечать этого приводит к дальнейшему противоречию формальной и фактической стороны реализации субъективных прав. Запускается процесс деформации правосознания. Вырабатывается иллюзорное восприятие объективного права. Такое право говорит: «ты можешь», однако попытки реализовать это право далеко не всегда завершаются удовлетворением соответствующего социального блага. Возникающий из этого конфликт находит отражение сначала в индивидуальном правосознании, которое оценивает такое положение как несправедливое. Из этого развивается формальное понимание права в субъективном смысле, которое говорит: «я имею право», но фактическое отсутствие возможности в получении реального социального блага формирует когнитивный диссонанс правосознания. Такое правосознание ориентировано на идею ложно понятой «борьбы за своё право», что приводит к злоупотреблению правом. Но другие индивиды также считают, что они имеют право. В условиях «дефицита справедливости» члены такого общества когда-нибудь задают себе вопрос: «Тварь ли я дрожащая или право имею?...». А далее социологические исследования современного общества начинают отмечать «рост его агрессивности».

По мнению известного русского философа и правоведа И.А. Ильина, «война всех против всех» становится причиной и следствием формирования в обществе «правосознания черни», а к черни относятся все субъекты-носители «частно-корыстного» мировоззрения. Негативную оценку аналогичным явлениям даёт и один из основоположников российской школы конституционного права Б.Н. Чичерин, который так же, как и И.А. Ильин, приходит к выводу об угрозе государственности России в случае развития частно-собственнических интересов в обществе. Поэтому нельзя понимать «сбережение народа России и развитие человеческого потенциала» односторонне лишь как обязанность государства. Такое понимание представляет собой тоже крайнюю позицию, противоположную «современному» пониманию права на жизнь. По нашему мнению, только рассмотрение явления в единстве всех его составляющих даёт объективное представление о нём. Подмена же общего частью искажает сущность и содержание явления, становится основой развития правовой демагогии и правового инфантилизма, приводит к неверным решениям. Относительно нашего вопроса это требует рассмотрения прав человека в системном единстве.

С одной стороны, это означает, что субъект, претендующий на использование субъективного права, несёт нравственную ответственность за судьбу своей страны, а это оформляется в обязанность ставить интересы общества

выше личных интересов. При этом ответственность более «сильных субъектов общественных отношений» должна быть и более высокой. Ещё более такая ответственность возрастает в сложные исторические периоды. В этом смысле европейскими юристами (Дж. Бартлетт, М. Ориу, Л. Дюги, Р. Иеринг, О. Гирке, А. Менгер, С. Романо и др.) высказывалась мысль о том, что «право собственности не только право, но и обязанность использовать объекты права собственности в соответствии с общественными интересами». Здесь надо понимать, что следование прежде не личным, а общественным интересам не требует от человека достижения нравственного уровня альтруизма. Вполне достаточно применения логики, основанной на принципах разумного эгоизма, описанного Н.Г. Чернышевским в романе «Что делать». Такая логика гласит, чем более успешной, богатой и стабильной будет обязанная сторона, тем выше вероятность реализации реального субъективного права у управомоченной стороны, а значит выше и уверенность в завтрашнем дне. Это наиболее эффективный путь достижения гармоничного соотношения законных интересов личности, общества и государства.

С другой стороны, при рассмотрении прав человека в системном единстве следует выделять не только формальную, но и фактическую стороны их реализации. Фактический порядок всегда прямо или опосредованно связан с экономической основой общества и определяемой ей надстройкой. Человек участвует во всех общественных отношениях, которые при определённых жизненных обстоятельствах становятся правоотношениями и в каждом из них человек как субъект правоотношения приобретает соответствующие права и обязанности. Из этого возникает множество прав человека. Но все права человека представляют собой единое целое, когда соблюдение одного права способствует прогрессу в соблюдении других прав и наоборот. В этом смысле важным шагом стала резолюция V сессии Генеральной Ассамблеи ООН от 4 декабря 1950 г., в которой был сделан вывод о взаимной связанности и взаимообусловленности всех прав человека.

Однако развитие международного права осуществлялось в другом направлении. Так 16 декабря 1966 г. Генеральная Ассамблея ООН приняла два пакта: один о гражданских и политических правах, а другой об экономических, социальных и культурных правах. Это позволяло манипулировать темой прав человека. Декларируя свою приверженность идее прав человека, субъекты международной политики получали возможность один правовой акт признавать, а второй нет. Но в конечном счёте было легитимировано рассмотрение гражданских и политических прав отдельно от социально-экономических прав. Этот подход был признан неверным на Международной конференции по правам человека в Тегеране 13 мая 1968 г., которая ещё раз подтвердила неделимый характер всех прав человека. Идея о неделимости прав человека была закреплена и Генеральной Ассамблеей ООН 4 декабря 1986 г. В результате в международном праве сложились два противоположных подхода к пониманию прав человека, что не способствовало значительным успехам в их полноценном развитии.

Господствующей стала позиция, которая рассматривает право на жизнь как два самостоятельных права «на сохранение жизни» и права «на достойную жизнь». Такое положение дел не способствует эффективному правовому воспитанию, установлению в обществе стабильных отношений, затрудняет деятельность по сохранению и укреплению традиционных ценностей. С учётом вышесказанного считаем, что пришло время для рассмотрения права на жизнь в неразрывной связи с правом на достойную жизнь.

Социологические опросы показывают, что вопросы жизнеобеспечения всё больше интересуют граждан [7. С. 10]. Исследования, проведённые ВЦИОМ, демонстрируют, что фактические представления граждан о желаемом праве на жизнь сливаются с их представлениями о достойной жизни. А достойная жизнь, по их мнению, начинается с уровня не ниже «среднего». Таким образом, граждане фактически высказывают своё пожелание по этому вопросу. С учётом ст. 3 Конституции РФ такие пожелания не должны оставаться без внимания.

Несмотря на то, что проблема прав человека широко и системно разработана, единого мнения о праве на жизнь не выработалось. Это очень хорошо с точки зрения методологического плюрализма и активизации теоретических дискуссий [8. С. 205], но на этом пути следует стремиться к недопущению безосновательного «расширения» или «сужения» права на жизнь. По нашему мнению, нельзя согласиться с тем, что право на жизнь включает в себя право на распоряжение жизнью. Несмотря на высказываемые здесь доводы, следует признать, что в любом случае «право на смерть», не имеет ничего общего с правом на жизнь в принципе, так как является его прямой противоположностью.

Увлечения в этой области могут приводить и к другим «смелым» выводам. Например, П.А. Астахов (бывший детский омбудсмен РФ) в своей книге для детей «Я и государство» (2009) разъясняет: «...право на жизнь значит, что ты никого не можешь убивать». В этом случае мы видим обратную крайность – «сужение» права на жизнь только уголовно правовыми отношениями. Однако, на наш взгляд, такое толкование права на жизнь несёт в себе существенную опасность, которая заключается в подмене понятий. Подмене понятия «право на жизнь» понятием «обязанность не убивать». Но, во-первых, ч. 2 ст. 20 Конституции Российской Федерации вкладывает иное содержание в понятие «право на жизнь», а, во-вторых, в данном случае происходит подмена субъективного права юридической обязанностью. Это свидетельствует о формальном следовании принципу единства прав и обязанностей, что приводит к парадоксальному выводу. Развивая тезис П.А. Астахова, можно прийти к следующему заключению: право на жизнь есть обязанность не убивать. Эта логика не только оправдывает подмену понятий, но в конечном счёте позволяет ответственность за невозможность фактического использования «полноценного» права на жизнь всецело переносить с обязанной стороны на управомоченную сторону соответствующего право-

отношения. Это заметно проявляет себя в регулировании общественных отношений, например, сферы приобретения и потребления гражданами «опасных/неопасных» продуктов питания.

Поэтому можно утверждать, что «выдумывание» новых характеристик права на жизнь «размывает» это понятие и всё более разъединяет его формальную и фактическую реализацию. Тем самым в процесс реализации права вносятся неопределённость, чем создаются условия для формального исполнения обязанностей по обеспечению права на жизнь. Обобщая вышесказанное, можно заключить, что любые аналогичные «изобретения» в рамках существующей социально-экономической политики и производной от неё правотворческой политики не помогут решить накопившиеся проблемы. Вместе с тем действующая редакция ч. 1 ст. 20 Конституции РФ до определённого момента могла выполнять и, возможно, ещё выполняет стабилизирующую роль в профилактике общественных противоречий. Она создаёт условия для того, чтобы каждый сам мог сделать свободный выбор в понимании «своего» права на жизнь. Однако ч. 2 ст. 20 Конституции РФ вызывает ряд вопросов: мораторий на смертную казнь фактически означает назначение наказания в виде пожизненного лишения свободы, а это является актом гуманизма или актом жестокости [9. С. 222]? Способно ли пожизненное лишение свободы предупреждать особо тяжкую преступность [10. С. 249]? Действие права на жизнь распространяется только на лиц, совершивших особо тяжкие преступления? Означает ли это, что государство уже выполнило свои обязанности по обеспечению права на жизнь и более никому и ничего не должно?

Однако возможна ли в принципе реализация субъективного права на жизнь в соответствии с представлениями граждан о желаемом праве? Для ответа на этот вопрос предпримем попытку обратиться к последней Конституции СССР. В Конституции СССР 1977 г., разработанной в соответствии с методологией диалектического материализма, отсутствовало понятие «право на жизнь». Советские юристы, в частности Джангир Али Аббасович Керимов, Пётр Емельянович Недбайло, Яков Аркадьевич Островский, Валентин Алексеевич Романов, Феликс Михайлович Рудинский, Владимир Александрович Туманов и другие, исходили из того, что реализация прав человека возможна только при наличии благоприятных для человека социально-экономических и политических условий. Развивая свою позицию, они поясняли, что следует закреплять не абстрактные права абстрактного человека, а механизмы реализации конкретных потребностей конкретных людей. Далее советские юристы призывали говорить не только о правах индивидов, но и об обязанностях государства перед человеком. Поэтому Конституция СССР, несмотря на формальное отсутствие термина «право на жизнь», фактически обеспечивала механизм его реализации всем блоком фактических (реальных) социально-экономических и иных прав. Обязанность государства повышать уровень реальных доходов трудящихся была закреплена в ст. 23, а ст. 42 возлагала на государство обязанность по обеспечению долголетней активной жизни граждан. Не исключался и биологиче-

ский аспект права на жизнь. Статьей 57 всем гражданам гарантировалась судебная защита от посягательств на их жизнь. Тем самым право на жизнь, согласно Конституции СССР 1977 г., гарантировалось обязанностями государства по обеспечению роста уровня оплаты труда и реальных доходов трудящихся, по обеспечению долголетней и активной жизни граждан, обязанностью государства на судебную защиту граждан от посягательств на их жизнь и др. Конечно, здесь можно начать дискуссию о декларативности этих статей, но можно посмотреть на них и с точки зрения положительного опыта.

Понимание права на жизнь как права не подвергаться произвольному лишению жизни имело прогрессивное значение в эпоху колониализма. Закрепление права на жизнь в такой редакции было направлено на поддержку национально-освободительных движений. Не случайно против такого понимания права на жизнь выступали Великобритания и Голландия, бывшие на тот момент колониальными державами. Поэтому во многом благодаря усилиям СССР ст. 6 Международного пакта о гражданских и политических правах имеет современную редакцию. Что ещё раз подтверждает тезис о политической ангажированности борьбы за права человека. Однако сегодня такого понимания права на жизнь недостаточно. Всё чаще раздаются голоса о необходимости пересмотра стереотипов в целях сохранения стабильности в мире. На этом пути ещё предстоит большая работа. Одним из направлений такой работы может стать отказ от господствующего ныне представления о содержании права на жизнь. Ущербность такого представления была показана ещё в начале XX в. бельгийским политическим деятелем Луи Берtrandом (1856–1943). Он писал: буржуазное общество говорит честным рабочим, добывающимся трудовой жизни, что ничего не могу для вас сделать. Но если вы украдете или убьете, то для вас готовы пища и питье в моих тюрьмах, и там же – помещение не хуже вашего... Право на жизнь – справедливое право. Но его следует основывать не на праве на воровство, а на праве на труд.

Право на жизнь является социальной ценностью, но будет ошибкой утверждать, что это неизменная ценность [11. С. 17–20]. Переход к современному пониманию содержания права на жизнь должен быть связан с рассмотрением права на жизнь как права на достойную жизнь [12. С. 252]. В то же время обеспечение достойной жизни неосуществимо без использования реальных социально-экономических прав. Понятно, что реализация прав второго поколения невозможна без определённых материальных ресурсов, однако, нельзя отрицать и активной роли надстройки, в частности, регулирующего воздействия норм права на социально-экономические отношения. В этом смысле воздействие конституционно-правовых норм может послужить катализатором развития всей правовой системы в новом направлении и, как следствие, общественных отношений в целом.

Несмотря на то, что главной целью деятельности современных государств провозглашается обеспечение конституционных прав человека, а основным из них является право на жизнь, в действующих редакциях конституций это право не стимулирует социально-экономическое развитие. Попытки же объяснить социально-экономические проблемы России, по

нашему мнению, исходят из анализа не основных причин, а второстепенных. И одна из важных причин социально-экономических проблем заключается в том, что господствующее ныне понимание права на жизнь оправдывает тенденцию минимизации обязанностей государства в обеспечении прав второго поколения, а это не позволяет в полной мере развивать социальные функции социального государства, а соответственно, не стимулирует развития социально ориентированной экономики. Но в «слабой» экономике полноценное обеспечение «реальных» социально-экономических прав человека невозможно, что снижает уровень социально активного поведения граждан. Круг замыкается. Для того, чтобы разорвать этот «замкнутый круг», следует начать с формирования в общественном сознании понимания права на жизнь как совокупности обязанностей государства по фактическому обеспечению социально-экономических и иных прав человека, как обеспечение фактической возможности для граждан использовать в соответствии со своими законными интересами социально-экономические права и пользоваться судебной защитой от посягательств на их жизнь.

Список источников

1. Субетто А.И. Теория качества жизни / под науч. ред. А.А. Горбунова. СПб. : Асте-рион, 2017. 280 с.
2. Вилова М.Г., Пермиловский М.С. Права человека – ценность или норма? // Вестник Томского государственного университета. 2024. № 501. С. 218–225.
3. Черданцев А.Ф. Интегративное недопонимание права // Журнал российского права. 2016. № 10. С. 5–15.
4. Стукаленко Е.А., Воронкова О.В. Качество жизни и его измерение : учеб. пособие. Новосибирск : НГТУ, 2016. 180 с. URL: <https://e.lanbook.com/book/118393> (дата обращения: 10.12.2024).
5. Матузов Н.И. Правовая система и личность. Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 1987. 294 с.
6. Власенко Н.А. Методологические проблемы современной теории права // Журнал российского права. 2019. № 4. С. 5–19.
7. Чиркин В.Е. Социоэкономическая парадигма российской Конституции 1993 г.: плюсы и минусы // Журнал российского права. 2018. № 7. С. 5–15
8. Петров А.В., Зырянов А.В. Дискурс методологических подходов в современных юридических исследованиях // Вестник Томского государственного университета. 2018. № 430. С. 205–212.
9. Добряков Д.А., Минязева Т.Ф., Поздняков В.М. Тенденции применения пожизненного лишения свободы // Вестник Томского государственного университета. 2020. № 457. С. 221–228.
10. Плаксина Т.А. Пожизненное лишение свободы в особенной части УК РФ и судебной практике // Вестник Томского государственного университета. 2020. № 456. С. 247–255.
11. Мулукаев Р.С., Мигущенко О.Н. К вопросу о необходимости отхода от конъюнктурных оценок истории права // История государства и права. 2001. № 4. С. 17–20.
12. Кравец И.А. «Человек достойный» (homo dignus) в современном конституционализме и в правовом регулировании статуса личности (отечественный, сравнительный и международный аспекты) // Вестник Томского государственного университета. 2020. № 459. С. 242–255.

References

1. Subetto, A.I. (2017) *Teoriya kachestva zhizni* [Theory of Life Quality]. St. Petersburg: Asterion.
2. Vilova, M.G. & Permilovskiy, M.S. (2024) Human Rights – Value or Norm? *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 501. pp. 218–225. (In Russian). DOI: 10.17223/15617793/501/25
3. Cherdantsev, A.F. (2016) Integrativnoe nedoponimanie prava [Integrative Misunderstanding of Law]. *Zhurnal rossiyskogo prava*. 10. pp. 5–15.
4. Stukalenko, E.A. & Voronkova, O.V. (2016) *Kachestvo zhizni i ego izmerenie* [Quality of Life and Its Measurement]. Novosibirsk: NSTU. [Online] Available from: <https://e.lanbook.com/book/118393> (Accessed: 10th December 2024).
5. Matuzov, N.I. (1987) *Pravovaya sistema i lichnost'* [Legal System and Personality]. Saratov: Saratov University.
6. Vlasenko, N.A. (2019) Metodologicheskie problemy sovremennoy teorii prava [Methodological problems of modern theory of law]. *Zhurnal rossiyskogo prava*. 4. pp. 5–19.
7. Chirkin, V.E. (2018) Sotsioekonomicheskaya paradigma rossiyskoy Konstitutsii 1993 g.: plyusy i minusy [Socioeconomic paradigm of the Russian Constitution of 1993: pros and cons]. *Zhurnal rossiyskogo prava*. 7. pp. 5–15.
8. Petrov, A.V. & Zyryanov, A.V. (2018) Discourse of methodological approaches in modern legal studies. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 430. pp. 205–212. (In Russian). DOI: 10.17223/15617793/430/28
9. Dobryakov, D.A., Minyazeva, T.F. & Pozdnyakov, V.M. (2020) Trends in Imposing Life Imprisonment. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 457. pp. 221–228. (In Russian). DOI: 10.17223/15617793/457/26
10. Plaksina, T.A. (2020) Life Imprisonment in the Special Part of the Criminal Code of the Russian Federation and Judicial Practice. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 456. pp. 247–255. (In Russian). DOI: 10.17223/15617793/456/30
11. Mulukaev, R.S. & Migushchenko, O.N. (2001) K voprosu o neobkhodimosti otkhoda ot kon'yunkturykh otsenok istorii prava [On the Need to Move Away from Opportunistic Assessments of the History of Law]. *Istoriya gosudarstva i prava*. 4. pp. 17–20.
12. Kravets, I.A. (2020) A "Worthy Man" ("Homo Dignus") in Modern Constitutionalism and in the Legal Regulation of the Status of a Person (Domestic, Comparative and International Aspects). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 459. pp. 242–255. (In Russian). DOI: 10.17223/15617793/459/30

Информация об авторе:

Мигушченко О.Н. – доктор юридических наук, профессор кафедры теории и истории государства и права Курского государственного университета (Курск, Россия). E-mail: onmig@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

O.N. Migushchenko, Kursk State University (Kursk, Russian Federation). E-mail: onmig@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 11.12.2024;
одобрена после рецензирования 12.02.2025; принята к публикации 19.03.2025.

The article was submitted 11.12.2024;
approved after reviewing 12.02.2025; accepted for publication 19.03.2025.

Проблемы частного права / Problems of the private law

Научная статья

УДК 346.9

doi: 10.17223/22253513/55/8

Оценка эффективности законодательства в сфере предпринимательской деятельности

Валентина Вячеславовна Кванина^{1,2}

¹ Южно-Уральский государственный университет, Челябинск, Россия

² Национальный исследовательский Томский государственный университет,
Томск, Россия

^{1,2} kvaninavv@susu.ru

Аннотация. Представлен системный анализ института эффективности законодательства в сфере предпринимательской деятельности, элементами которого являются процедуры и критерии оценки эффективности. Обозначены проблемы по процедурам оценки (экспертиза, пояснительная записка, финансово-экономическое обоснование к проекту нормативного правового акта, оценка регулирующего воздействия, оценка фактического воздействия). Сделан вывод об отнесении к критериям оценки эффективности законодательства конституционных ценностей, принципов установления и применения обязательных требований, экономических критериев, в том числе предложенных в рамках экономического анализа права, которые должны применяться в совокупности. Решением многих проблем по исследуемым вопросам автор видит в принятии федерального закона о нормативных правовых актах, в котором целесообразно закрепить законотворческий процесс и процедуры оценки эффективности законодательства.

Ключевые слова: критерии оценки эффективности законодательства, экономический анализ права, предпринимательская деятельность, экспертиза, пояснительные записки, финансово-экономическое обоснование, оценка регулирующего воздействия, оценка фактического воздействия, принципы установления обязательных требований

Для цитирования: Кванина В.В. Оценка эффективности законодательства в сфере предпринимательской деятельности // Вестник Томского государственного университета. Право. 2025. № 55. С. 89–107. doi: 10.17223/22253513/55/8

Original article

doi: 10.17223/22253513/55/8

Assessment of the effectiveness of legislation in the field of entrepreneurial activity

Valentina V. Kvanina^{1,2}

¹ South Ural State University, Chelyabinsk, Russian Federation

² National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation

^{1,2} kvaninavv@susu.ru

Abstract. The article presents a systematic analysis of the institute for the effectiveness of legislation in the field of entrepreneurial activity, the elements of which are procedures and criteria for evaluating effectiveness.

The procedures include an examination, an explanatory note, a financial and economic justification for the draft regulatory legal act, an assessment of the regulatory impact, and an assessment of the actual impact. Problems have been identified for each of these procedures.

For example, upon examination of a draft regulatory legal act, it was established that the current legislation does not disclose their contents, with the exception of linguistic expertise.

An analysis of the content of the procedures "explanatory note" and "financial and economic justification for the draft regulatory legal act" indicates that they are mainly devoted to the economic aspects of the adoption of the draft legal act and to a certain extent duplicate the content of the regulatory impact assessment procedure. In addition, they do not provide a description of the social effect of the implementation of the draft act for different categories of citizens.

In turn, the assessment of the actual impact does not include an analysis of the existence of a proper legal mechanism for the implementation of a legal act and the frequency of amendments and additions to the act, the presence / absence of contestation of the act, the identification of the social effect of its implementation; in some areas of regulation, this procedure is absent.

Regarding the criteria for evaluating the effectiveness of legislation, the author concludes that they include constitutional values, principles for establishing and applying mandatory requirements, and economic criteria (including those proposed in the framework of an economic analysis of law) that should be applied collectively.

The author sees the solution to many problems on the issues under study in the adoption of the federal law on regulatory legal acts, in which it is advisable to consolidate the legislative process and procedures for evaluating the effectiveness of legislation, which has been repeatedly raised in the literature. Currently, in the absence of a basic law on regulatory legal acts in the Russian Federation, the general provisions on the adoption, amendment, and application of the NPA are dispersed in different acts. For example, in Part 7 of Article 3 of the Federal Law "On Mandatory Requirements in the Russian Federation".

Keywords: criteria for evaluating the effectiveness of legislation; economic analysis of law; entrepreneurial activity; expertise; explanatory notes; financial and economic justification; assessment of regulatory impact; assessment of actual impact; principles of establishing mandatory requirements

For citation: Kvanina, V.V. (2025) Assessment of the effectiveness of legislation in the field of entrepreneurial activity. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Pravo – Tomsk State University Journal of Law*. 55. pp. 89–107. (In Russian). doi: 10.17223/22253513/55/8

Введение

Российская Федерация является правовым и социальным государством (ст. 1 и 7 Конституции РФ). Это предполагает, что человек, его права и свободы являются высшей ценностью; признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина являются обязанностью государства; политика государства направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека. В достижении подобного результата большая роль отведена законодательству, которое по содержанию и форме должно быть эффективным.

Проблема эффективности законодательства уже не одно десятилетие является объектом внимания и острейших дискуссий ученых и правоприменителей. В фокусе их внимания находятся критерии и процедуры оценки эффективности законодательства. Исследуют данную проблему не только юристы, но и экономисты, в том числе в рамках концепции экономического анализа права, сутью которой является эффективное распределение в обществе ограниченных ресурсов.

Концепция экономического анализа права. Критерии оценки эффективности законодательства

Сама концепция, ее подходы к оценке эффективности законодательства являлись объектом многочисленных комментариев, поэтому ограничимся только перечислением предложенных в ее рамках критериев эффективности: а) соотношение «затрат – выгоды», максимизация общественного благосостояния; б) допущение о рациональном поведении субъектов правоотношений; в) создание правовых норм, способствующих созданию стимулов у рационально мыслящих людей к определенному поведению [1. С. 42–45, 60–63, 122–127]. Данные критерии базируются на соотношении результата принятия нормы права и цели ее принятия, затрат на ее исполнение, потребностей в ней, ценности ее принятия.

Концепция экономического анализа права с ее критериями имеет как своих противников, так и сторонников. Например, известный американский политолог И. Шапиро следующим образом прокомментировал вывод Р.А. Познера о том, что уголовное право куда суровей наказывает правонарушителя, совершаемые бедняками, в силу отсутствия у них средств для выплаты компенсаций потерпевшим, а угроза наказания не способна их остановить. Такое «использование принципа эффективности для описания системы, дискриминирующей бедных, не способно ничего сказать о ее нравственной привлекательности; это возможно лишь в том случае, если такое описание будет дополнено тезисом, доказывающим, что эффективность более желательна, чем равенство всех перед законом» [2. С. 42].

В категоричной форме в отношении экономического анализа права высказались и многие ученые-юристы. Например, С.А. Сеницын считает, что анализ «основан не на методах и алгоритмах юридической и экономической

наук, а представляет собой идеологическое средство воздействия на правосознание и состояние правового регулирования в интересах лоббирования конкретных законодательных инициатив» [3. С. 139]. Автор не отрицает взаимосвязь между экономикой и правом, но справедливо замечает, что сам экономический анализ основан на точных научных методах наблюдения, анализа, оценки, моделирования, прогнозирования, «не предполагает возможности применения обобщенных выводов, а претендует на точность оценок. Экономический же анализ права основан на критериях эффективности, рациональности и целесообразности поведения хозяйствующих субъектов, что приводит к размытости получаемого результата и оценочности суждений» [3. С. 139; 4]. Автор также поднимает, на наш взгляд, очень важный вопрос о выборе приоритетов, когда участники экономической деятельности не находятся в равном положении и при этом имеют различные или эгоистические целеполагания в реализации экономического интереса. В этих ситуациях целевая направленность экономического анализа права, как полагает автор, не позволит «защитить интересы слабой стороны в правоотношении, обеспечить проведение социальных реформ в обществе, но будет способствовать изоляции права от социального субстрата регулируемых им общественных отношений». При утрате нравственности в праве ничто не помешает реализации экономического интереса в экстремальных формах: «сокращение населения планеты, отказ от социальных гарантий нетрудоспособного населения и т.д.» [4]. Данная мысль им продемонстрирована на примерах институтов частного (вещного, договорного, наследственного права) и публичного права, сферы охраны окружающей среды и др. [3. С. 144–145].

Другой противник концепции экономического анализа права, Е.А. Суханов, указывает на главное принципиальное различие между экономическим и правовым регулированием. Если для первого основной целью является достижение наиболее эффективного результата, то для правового регулирования – достижение социально справедливого результата. В то же время он не отрицает возможности применения концепции экономического анализа права к отношениям с участием предпринимателей, главным образом договорным. В результате автор приходит к выводу, что в основе современных правовых исследований должен лежать не «экономический анализ права», а «правовой анализ экономики» [5. С. 88, 91, 93]. В отношении последнего вывода аналогичной позиции придерживается и С.Н. Шишкин, считающий, что в основе данной концепции должны лежать важнейшие конституционные цели, ценности и принципы [6. С. 16–20].

Отрицает необходимость применения экономического анализа права и А.М. Лушников, обращающий внимание на разные основы экономики и права. Для экономики – это «эффективность, целесообразность, рациональность, детерминизм», а для права – «справедливость, формальное равенство, свобода, гуманизм» [7. С. 87].

Что касается сторонников концепции экономического анализа права – юристов, то следует отметить, что одни из них в полной мере ее поддерживают [8. С. 59–60], другие – частично. При этом отдельные из них оценивают

возможность применения концепции только с позиции публичного либо частного права. Относительно к публичному праву одни авторы считают возможным применение концепции экономического анализа права ко всем институтам права, но с оговоркой, что при этом «нельзя отказываться от труднодостижимых на практике конституционных идеалов» [9. С. 39]. Другие авторы видят возможность использования концепции только при разрешении отдельных споров в публичном праве [10. С. 95–103].

О возможности применения концепции экономического анализа права по отношению к частному праву отдельные юристы говорят безоговорочно [11. С. 95–103], другие – «при условии использования и важнейших черт гражданского законодательства (добросовестности и справедливости)» [12. С. 57], «с учетом многочисленных неэкономических факторов» [13. С. 3–5; 14].

Анализ точек зрения, поддерживающих возможность применения концепции экономического анализа права к оценке эффективности законодательства, свидетельствует, что многие авторы при этом видят необходимость одновременно применять и конституционные ценности («общее благо; стремление обеспечить благополучие и процветание России; права и свободы человека и гражданина; справедливость; соразмерность; пропорциональность; равенство, социальное государство; верховенство права и конституционная законность» [6]), принципа добросовестности и др. При создании правовых норм, а следовательно, и при оценке их эффективности, должны также учитываться и принципы, закрепленные в ст. 75.1 Конституции РФ: социальное партнерство, экономическая, политическая и социальная солидарность. Как отмечает Е.П. Губин, «экономическая солидарность предполагает реализацию принципов справедливости, добросовестности, разумности в реальной экономической жизни и в праве: законодательстве, правоприменении, в том числе и в судебной практике» [15].

К сожалению, данные ценности и принципы не всегда находят свое отражение в нормах права и в жизни. Как заметил В.Д. Зорькин, Председатель Конституционного Суда РФ, Российская Федерация еще далека от реализации положений ст. 7 Конституции РФ, и что в рамках понятия права есть необходимость в согласовании «достижений русской философии права – разум и дух, свободу и милосердие, право и правду, индивидуальное и социальное начала» [16].

Данная позиция Председателя Конституционного Суда РФ подтверждает мысль о том, что именно человек с его интересами, правами и свободами должен лежать в основе принятия нормативного правового акта (НПА), и что только такое законодательство может быть эффективным. В противном случае, «как только человек оказывается средством, а не целью, можно с уверенностью говорить о том, что эффективного регулирования в этом случае уже не будет по определению» [17. С. 25].

Кроме вышеназванных критериев оценки эффективности законодательства (экономических, конституционных) безотносительно концепции экономического анализа права, в литературе предложены и другие критерии. Например, реализуемость и транслируемость [18]; «четкость, лаконичность,

непротиворечивость и простота изложения правил поведения субъектов предпринимательства; наличие в доктрине и нормативных актах целостного ряда правовых дефиниций, определяющих сущность наиболее значимых правовых явлений в реальном секторе экономики, а также достижимость и экономическая обоснованность в нормативных актах целей и задач при помощи закрепленных в них соответствующих правовых средств» [19. С. 13].

В отношении критериев, предложенных О.А. Герасимовым, В.С. Белых полагает, что они представляют собой теоретико-философский взгляд на эффективность и навряд ли смогут быть использованы на практике [20]. На наш взгляд, указанные О.А. Герасимовым критерии оценки эффективности норм права касаются содержания нормы права (за исключением последнего критерия, который относится к цели принятия НПА), и они очень важны при ее построении. Например, в ст. 7 Федерального закона «Об обязательных требованиях в Российской Федерации» от 31.07.2020 № 247-ФЗ (далее Закон об обязательных требованиях) указанные свойства нормы права отнесены к принципу правовой определенности установления обязательных требований.

Таким образом, в основе оценки эффективности законодательства должны лежать конституционные цели, ценности и принципы, а также предложенные юридической наукой критерии. Но поскольку они часто носят оценочный характер и не подвержены точным измерениям, постольку необходимо использовать и экономические критерии. Как отмечает М.Н. Семякин, они только расширяют подходы к определению эффективности законодательства [12. С. 57]. Однако при этом не надо забывать, что и в праве разрабатываются методики качественной и количественной оценки эффективности норм права [21, 22], и, соответственно, под эффективностью правовой нормы понимается «свойство нормы права, оцениваемое на основании количественного и качественного анализа множества актов ее реализации, отражающее пригодность этой нормы в заданных условиях достигать требуемых результатов при определённом количестве затраченных ресурсов» [23. С. 99].

Процедуры оценки эффективности законодательства. Умное регулирование

Оценка эффективности законодательства возможна в рамках разных процедур. Остановимся на отдельных из них.

Экспертиза. В Регламентах Совета Федерации Федерального Собрания РФ, Государственной Думы Федерального Собрания РФ и Правительства РФ предусмотрены общественная, юридическая, лингвистическая, независимая, социально-экономическая, антикоррупционная, правовая, научная, научная правовая, нравственно-философская, педагогическая, обязательная метрологическая, независимая антикоррупционная экспертиза и др. (набор видов экспертиз в регламентах разный). При этом в них не раскрывается их содержание, за исключением лингвистической экспертизы (ч. 7 ст. 121 Ре-

гламента Государственной Думы Федерального Собрания РФ). Это приводит к общим проблемам «теоретического осмысления и роли рассматриваемого института в законотворческой деятельности в целом» [24].

Вызывает особый интерес юридическая, правовая и научная правовая экспертизы. Закономерно возникают вопросы: чем отличается юридическая экспертиза от правовой; должны ли эксперты в своем заключении по научной правовой экспертизе отразить соответствие положений проекта НПА доктринам, разработанным по соответствующим вопросам? В российском законодательстве на данные вопросы сложно найти ответы. Пробел восполняют различные рекомендации. Например, в п. 11 Методических рекомендаций по проведению правовой экспертизы нормативных правовых актов субъектов Российской Федерации, утвержденных приказом Минюста России от 31.05.2012 № 87, при проведении правовой экспертизы рекомендуется осуществить правовую оценку формы правового акта, его цели и задачи, предмет правового регулирования, компетенцию органа, принявшего правовой акт, содержащихся в нем норм, оценка соответствия правового акта требованиям юридической техники и др. В доктрине же под правовой экспертизой понимается выявление соответствия нормы права другим нормам права, обладающим более высокой юридической силой [25. С. 158].

Пояснительные записки и финансово-экономические обоснования к проектам НПА. Данные акты предусмотрены Регламентами Совета Федерации Федерального Собрания РФ, Государственной Думы Федерального Собрания РФ и Правительства РФ, а их содержание раскрывается в пп. 53 и 53(1) Регламента Правительства РФ. Пояснительная записка должна содержать, например, анализ правоприменительной практики, прогнозы социально-экономических, финансовых и иных последствий реализации предлагаемых решений, информацию о наличии или отсутствии в проекте акта требований, которые связаны с осуществлением предпринимательской и иной экономической деятельности. Финансово-экономическое обоснование составляется к проектам актов, оказывающих влияние на доходы или расходы соответствующего бюджета бюджетной системы РФ. Оно должно содержать описание экономического эффекта от реализации проекта акта, оценку влияния реализации проекта акта на доходы и расходы соответствующего бюджета, юридических и физических лиц, финансовый, экономический и (или) статистический анализ текущей ситуации по решениям, предлагаемым к принятию проектом акта, прогноз экономических и иных последствий реализации таких решений и др.

Анализ содержания данных процедур свидетельствует, что в основном они посвящены экономическим аспектам принятия проекта правового акта и в определенной мере дублируют содержание процедуры оценки регулирующего воздействия. Кроме того, они не предусматривают представление описания социального эффекта от реализации проекта акта для разных категорий граждан. Как отмечают специалисты, данные процедуры оценки эффективности законодательства несовершенны и еще не было выявлено,

чтобы проекты НПА, принимаемые, например, Правительством РФ, полностью соответствовали бы Регламенту Правительства РФ. Разработчики проектов НПА уклоняются от обозначения измеримых целей регулирования, они подменяются, например, количеством выданных разрешений, рассмотренных жалоб; в «административном нормотворчестве целесообразность легко подавляет законность, и никакие отрицательные заключения по результатам оценки регулирующего воздействия, возражения рабочих групп не являются непреодолимыми препятствиями к введению нормативного правового акта в действие» [26].

«Умное регулирование». Оценка регулирующего воздействия. Оценка регулирующего воздействия (ОРВ) как процедура оценки эффективности законодательства впервые появилась в Австралии [27. С. 4] в начале 1970 г. Она возникла в рамках концепции «Умное регулирование», направленной на создание эффективного законодательства с участием государства и заинтересованных групп лиц (бизнес, потребители). Создание эффективного законодательства, как следует из данной концепции, возможно при соблюдении условий: «упрощения» законодательства; учета мнений законодателя и заинтересованной группы лиц; применение комплексного подхода, направленного на совершенствование как принятого закона, так и законопроекта [28].

Показателями эффективности умного регулирования выступают: «соотношение затрат и эффективности, соотношение выгод и затрат, оценка чистой выгоды и отдача от государственных инвестиций». В разных сферах регулирования данные критерии могут отличаться.

В основе критерия «соотношение выгод и затрат» учитываются трансакционные издержки государства и субъектов, на которых будут распространяться вводимые обязательства. К затратам государства относят затраты на «подготовку, утверждение, осуществление нормативного решения, а также контроль его исполнения» [27. С. 4]; к издержкам субъектов, на которых распространяются требования правового акта, – затраты на поиск информации, ведение переговоров, заключение контракта, мониторинг, принуждение, защиту права собственности [29].

Как следует из Доклада ЕС «Практика лучшего регулирования в Европейском союзе 2022», сущностью концепции умного регулирования является «определение процесса достижения целей регулирования на момент принятия нормативного правового акта» [30], а центром ее внимания – «проблема, которую необходимо решить, а не правило поведения, которое должно быть разработано» [31. С. 19].

Концепция умного регулирования пришла на смену концепций меньшего и лучшего регулирования. Концепция меньшего регулирования базируется на принципе оптимального уровня вмешательства государства в регулирование общественных отношений с целью избежания заурегулированности; концепция лучшего регулирования направлена на разумное упрощении правил осуществления предпринимательства посредством использования механизмов саморегулирования, совместного регулирования, ускорения законодательного процесса и др. Европейская комиссия, сравнивая эти

три концепции, в отношении концепции умного регулирования отметила, что «это не про большое или меньшее регулирование, это про достижение результата наименее обременительным способом» [31. С. 17]. Иными словами, здесь речь идет о критерии соотношения выгод и затрат.

В Российской Федерации появление процедуры ОРВ как модели оценки эффективности законодательства связывают с принятием постановления Правительства РФ от 13.08.1997 № 1009 «Об утверждении Правил подготовки нормативных правовых актов федеральных органов исполнительной власти и их государственной регистрации». Постановление предусматривало привлекать в случае необходимости внештатных экспертов для подготовки заключений по НПА федеральных органов исполнительной власти, представленных на государственную регистрацию, или для проведения правовой экспертизы на предмет необходимости государственной регистрации указанных актов. Сами же Правила предусматривали направление финансово-экономического обоснования по проекту НПА в Министерство финансов РФ с целью оценки финансовых последствий принятия решений для соответствующего бюджета.

В 2010 г. Министерством экономического развития РФ был создан Департамент регулирующего воздействия (в настоящее время – Департамент регуляторной политики и оценки регулирующего воздействия), а в 2012 г. были приняты Правила проведения федеральными органами исполнительной власти оценки регулирующего воздействия проектов нормативных правовых актов и проектов решений Евразийской экономической комиссии, утвержденные постановлением Правительства РФ от 17.12.2012 № 1318 (далее Правила ОРВ).

Согласно п. 4 Правил ОРВ, целью оценки регулирующего воздействия проектов актов являются: определение и оценка возможных положительных и отрицательных последствий принятия проекта акта на основе анализа проблемы, цели ее регулирования и возможных способов решения; выявление в проекте положений, вводящих избыточные обязанности, запреты и ограничения для физических и юридических лиц или способствующих их введению, способствующих возникновению необоснованных расходов физических и юридических лиц, бюджетов всех уровней бюджетной системы РФ, а также положений, способствующих возникновению дополнительных расходов и снижению доходов бюджетов субъектов РФ и (или) местных бюджетов.

ОРВ на первом этапе предусматривает публичное обсуждение вопроса о принятии НПА. При принятии положительного решения разработчик готовит текст проекта акта, сводный отчет, информацию об оценке затрат субъектов предпринимательской и иной экономической деятельности, связанных с необходимостью соблюдения обязательных требований. Проект правового акта подлежит публичному обсуждению, а после его принятия – официальному опубликованию.

Оценка фактического воздействия

Вслед за процедурой ОРВ в зарубежных странах возникла и процедура – оценка фактического воздействия (ОФВ). Ею сутью является выявление соответствия поставленных целей перед принятием НПА и их достижения после его применения.

В России ОФВ стала применяться с 1 января 2016 г. после принятия Правил проведения оценки фактического воздействия нормативных правовых актов, утвержденных постановлением Правительства РФ от 30.01.2015 № 83 (далее Правила ОФВ).

ОФВ правовых актов проводится в целях анализа достижения целей регулирования, заявленных в сводном отчете о результатах проведения ОРВ, обоснованности установленных обязательных требований, определения и оценки фактических последствий их установления, выявления избыточных условий, ограничений, запретов, обязанностей, положений, необоснованно затрудняющих ведение предпринимательской и иной экономической деятельности и (или) приводящих к возникновению необоснованных расходов бюджетов бюджетной системы РФ, определения и оценки фактических положительных и отрицательных последствий принятия НПА (п. 3 Правил ОФВ).

Вышеперечисленных критериев оценки эффективности законодательства в Правилах ОФВ, на наш взгляд, явно недостаточно для определения реальной эффективности НПА. Например, в процедуре ОФВ для оценки достижения целей регулирования, заявленных в сводном отчете о результатах проведения ОРВ, отсутствует анализ правового механизма реализации правового акта, без которого даже качественный акт с точки зрения юридической техники не может достигнуть целей его принятия. Как отмечают специалисты, при применении ОФВ «оценке подлежит не правовая форма регулирования общественных отношений, а сами экономические механизмы и прогноз социально-экономических последствий применения правовых норм» [32. С. 19]. Процедура ОФВ не предусматривает также выявление социального эффекта от реализации проекта акта для разных категорий граждан, осуществление анализа периодичности внесения изменений и дополнений в правовой акт, а также факты наличия/отсутствия оспариваемости акта. Данные факторы не могут не отразиться на качестве НПА и его эффективности [33].

Механизм осуществления процедуры ОФВ предусмотрен Методикой оценки фактического воздействия нормативных правовых актов, формы проектов плана проведения федеральным органом исполнительной власти оценки фактического воздействия нормативных правовых актов, формы отчета об оценке фактического воздействия нормативного правового акта, утвержденной приказом Минэкономразвития России от 11.11.2015 № 830. В литературе обращается внимание на то, что и в них речь в основном идет об экономических показателях эффектов фактического воздействия, что существенно ограничивает формирование общего объективного понимания

регуляторных эффектов обязательных требований в части соотношения самих требований, экономических выгод и издержек, связанных с их соблюдением, и снижает ценность самой методики [34].

Процедура проведения ОФВ состоит из следующих этапов: подготовка отчета об ОФВ правового акта и его публичное обсуждение; подготовка заключения Министерства экономического развития РФ об ОФВ правового акта; рассмотрение комиссией/подкомиссией отчета об ОФВ правового акта и заключения Министерства экономического развития РФ об ОФВ правового акта.

Необходимо отметить, что в отдельных сферах регулирования ОФВ отсутствует. Например, она не предусмотрена в сфере финансового рынка. В то же время ее внедрение, как отмечается в литературе, будет только способствовать улучшению правового регулирования финансового рынка [35].

Принципы установления обязательных требований

Процедуры ОРВ и ОФВ были модернизированы после принятия Закона об обязательных требованиях. Данный закон посвящен установлению и оценке обязательных требований, связанных с осуществлением предпринимательской и иной экономической деятельности (ч. 1 ст. 1), и которые подлежат оценке на предмет их эффективности (ст. 11, 12).

Законом об обязательных требованиях предусмотрено, что обязательные требования могут быть установлены: федеральными законами; Договором о ЕАЭС; актами, составляющими право ЕАЭС; положениями международных договоров РФ, не требующих издания внутригосударственных актов для их применения и действующими в РФ; НПА субъектов РФ, муниципальными НПА; в случаях, предусмотренных федеральными законами, – указами Президента РФ; в случаях, предусмотренных федеральными законами и указами Президента РФ, – НПА Правительства РФ и федеральных органов исполнительной власти; НПА Государственных корпораций «Росатом» и «Роскосмос» (далее – уполномоченные организации).

Таким образом, обязательные требования, связанные с осуществлением предпринимательской и иной экономической деятельности, могут быть установлены в актах разного уровня и разной юридической силы. Исключением являются обязательные требования, предусматривающие установление в отношении граждан и организаций разрешительных режимов. Они могут быть предусмотрены федеральными законами, а в случаях, определенных ими, – НПА Президента РФ и Правительства РФ. В то же время содержание Закона об обязательных требованиях рассчитано на обязательные требования, установленные НПА Правительства России, федеральных органов исполнительной власти и уполномоченных организаций.

Установление и оценка применения обязательных требований основывается на принципах законности, обоснованности, правовой определенности и системности, открытости и предсказуемости, исполнимости обязательных требований (ст. 4 Закона об обязательных требованиях).

Принцип законности раскрывается через цель установления обязательных требований – защита жизни, здоровья людей, нравственности, прав и законных интересов граждан и организаций, непричинения вреда (ущерба) животным, растениям, окружающей среде, обороне страны и безопасности государства, объектам культурного наследия, защиты иных охраняемых законом ценностей (ст. 5).

Принцип обоснованности предполагает, что обязательные требования могут быть установлены только при наличии риска причинения вреда (ущерба) охраняемым законом ценностям, а целью их установления является устранение риска причинения вреда; при их установлении должны быть оценены на предмет эффективности применяемые альтернативные меры по недопущению причинения вреда (ущерба) охраняемым законом ценностям (ст. 6).

Принцип правовой определенности и системности исходит из того, что содержание обязательных требований должно быть ясным, логичным, понятным, не должно приводить к противоречиям при их применении, а также должно быть согласованным с целями и принципами законодательного регулирования соответствующей сферы регулирования и правовой системы в целом. Системность обязательных требований предполагает также запрет на их дублирование и противоречия между ними (ст. 7).

Принцип открытости означает публичное обсуждение проектов НПА, устанавливающих обязательные требования; обязательные требования, содержащиеся в не опубликованных в установленном порядке НПА, не подлежат применению; НПА, содержащие обязательные требования, должны быть опубликованы с соблюдением надлежащей процедуры и размещены на официальных сайтах соответствующих органов государственной власти (ст. 8).

Принцип предсказуемости предполагает установление разумных сроков вступления в силу НПА, устанавливающего обязательные требования, которые должны учитывать время, необходимое государственным органам, гражданам и организациям для подготовки и осуществления соответствующей деятельности (ст. 8). Данные НПА должны вступать в силу либо с 1 марта, либо с 1 сентября соответствующего года, но не ранее чем через 90 дней после дня его официального опубликования, если иное не предусмотрено федеральным законом, указом Президента РФ или международным договором РФ (ст. 3 Закона об обязательных требованиях).

До настоящего времени данные положения закона не нашли своего отражения в Федеральном законе «О порядке опубликования и вступления в силу федеральных конституционных законов, федеральных законов, актов палат Федерального Собрания» от 14.06.1994 № 5-ФЗ и Указе Президента РФ «О порядке опубликования и вступления в силу актов Президента Российской Федерации, Правительства Российской Федерации и нормативных правовых актов федеральных органов исполнительной власти» от 23.05.1996 № 763, что означает отход от принципа правовой определенности и системности обязательных требований.

Принцип предсказуемости проявляется также в том, что НПА, содержащие обязательные требования, действуют в строго очерченных законом временных рамках: срок действия НПА Правительства РФ, федерального органа исполнительной власти или уполномоченной организации, предусматривающего обязательные требования, не может превышать шесть лет со дня вступления в силу, за исключением случаев, установленных федеральным законом или принятыми в соответствии с ним НПА Правительства РФ. Данный срок может быть продлен не более чем на шесть лет.

Так же как и по срокам вступления в силу НПА, содержащих обязательные требования к осуществлению предпринимательской деятельности, положения Указа Президента РФ «О порядке опубликования и вступления в силу актов Президента Российской Федерации, Правительства Российской Федерации и нормативных правовых актов федеральных органов исполнительной власти» о сроках действия НПА, содержащих обязательные требования, не приведены в соответствие со ст. 3 Закона об обязательных требованиях.

Принцип исполнимости означает, что при введении обязательных требований должны оцениваться затраты на их исполнение лиц, в отношении которых они устанавливаются. Они не должны быть чрезмерными, превышать предполагаемый объем убытков от предпринимательской или иной экономической деятельности, осуществленной без учета соблюдения устанавливаемых обязательных требований (ст. 9).

Из вышеизложенного следует, что в основе принципов установления обязательных требований заложены отдельные конституционные принципы и ценности, критерии оценки эффективности законодательства, предусмотренные процедурами ОРВ, ОФВ и экономического анализа права. Не случайно отдельные авторы рассматривают данные принципы в качестве критериев оценки эффективности законодательства [36. С. 166].

Заключение

В российском законодательстве, как и в зарубежных правовых системах, предусмотрены разнообразные процедуры оценки эффективности законодательства. Отдельные рассмотренные в статье процедуры несовершенны, что в конечном счете может отразиться на качестве законодательства. Например, не определены понятие, содержание, роль, механизм осуществления различных видов экспертиз в отношении проектов НПА; пояснительные записки и финансово-экономические обоснования к проектам НПА не предусматривают описание социального эффекта от реализации проекта акта; ОФВ не предусматривает анализа наличия должного правового механизма реализации правового акта и периодичности внесения изменений и дополнений в акт, наличия/отсутствия оспариваемости акта, выявления социального эффекта от его реализации; в отдельных сферах регулирования отсутствует ОФВ.

Эффективность законодательства зависит от многих факторов, выступающих в качестве конституционных принципов и ценностей, принципов установления обязательных требований, критериев ОРВ и ОФВ, критериев концепции экономического анализа права. Например,: а) от соответствия положений НПА принципам справедливости, пропорциональности, разумности, защиты слабой стороны и др.; б) определения в НПА цели регулирования; в) отсутствия в НПА избыточных условий, ограничений, запретов, обязанностей; г) выбора наиболее эффективной модели регулирования из круга альтернативных способов регулирования; д) отсутствия в НПА положений, необоснованно затрудняющих ведение предпринимательской и иной экономической деятельности; е) отсутствия в НПА положений, приводящих к возникновению необоснованных расходов бюджетов бюджетной системы РФ или расходов субъектов предпринимательства; ж) степени разработанности понятийного аппарата; з) четкости формализованных процедур обсуждения и принятия НПА и др. При оценке эффективности законодательства между ними (факторами, критериями) должен быть достигнут баланс, что является сложно разрешаемой задачей.

Поднятые в статье проблемы оценки эффективности законодательства могли бы найти свое решение в Федеральном законе «О нормативных правовых актах в Российской Федерации». Необходимость его принятия очевидна для многих, и для этого осуществлена большая работа: было разработано несколько проектов такого закона, которые, к сожалению, либо не вносились на рассмотрение в Государственную Думу РФ, либо были отклонены.

В отношении инициативного проекта Федерального закона «О нормативных правовых актах в Российской Федерации», разработанного в Институте законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ, А.Ю. Тихомиров, один из его разработчиков, заметил, что в нем на системной научно-теоретической основе создана реальная конструкция правотворчества и правоприменения, разработаны классификация правовых актов и принципы, которыми надо руководствоваться в процессе их подготовки и принятия. Это должно способствовать обеспечению процесса целеполагания реальным процессам администрирования, исполнения нормативных правовых актов и оценкой их эффективности [37].

Высказаны и противоположные точки зрения. Например, что его «принятие приведет к бюрократизации нормотворческого процесса; возникновению дополнительных оснований для признания принятого документа несоответствующим Конституции, иным документам в рамках конституционного судопроизводства, производства в иных судебных инстанциях; подведение под единый стандарт широкий понятийный аппарат, который традиционно является объектом скорее научно теоретического осмысления и казуального (теологического) толкования»¹.

¹ URL: <https://www.oleg-derbin.ru> (дата обращения: 14.09.2024).

Тем не менее Российская Федерация – одна из немногих стран бывшего СНГ, где еще не принят такой закон. Анализ законов о нормативно-правовых актах стран бывшего СНГ свидетельствует об их высоком потенциале. Например, в Законе Республики Беларусь «О нормативных правовых актах» от 17.07.2018 № 130-З закреплены основные понятия, связанные с тематикой законов, принципы нормотворчества, дана классификация правовых актов, закреплён механизм принятия нормативных правовых актов и др. Приятно удивили многие положения закона, особо актуальных для российского законодательства. Например, о языковых требованиях к тексту НПА («одно предложение в рамках одного структурного подразделения, как правило, не должно превышать шести строк» (ст. 29)); мерах по обеспечению стабильности правовой системы («Изменение законодательного акта допускается, как правило, не чаще одного раза в два года, а изменение иного нормативного правового акта – не чаще одного раза в год, за исключением случаев, когда внесение изменений необходимо для оперативного регулирования наиболее важных вопросов, а также на основании требований нормативных правовых актов большей юридической силы» (ст. 35)).

В отсутствие в РФ базового закона о НПА общие положения о принятии, изменении, применении НПА рассредоточены в разных актах. Например, в ч. 7 ст. 3 Закона об обязательных требованиях закреплены правила о выборе актов разной юридической силы, посвященных одному и тому же объекту и предмету регулирования, о применении актов разной юридической силы, содержащих противоречащие друг другу обязательные требования; в ч. 3 ст. 7 – о непротиворечии обязательных требований, установленных в отношении одного и того же предмета регулирования. Данные положения закона претендуют на их универсальность, а это предполагает, что они, а также иные универсальные правила о принятии, изменении, применении НПА в целях устранения противоречий и дублирования должны быть установлены в законе о нормативных правовых актах, положения которого распространялись бы на все виды НПА.

Список источников

1. Карапетов А.Г. Экономический анализ права. М. : Статут, 2016. 528 с.
2. Шапиро И. Бегство от реальности в гуманитарных науках / пер. с англ. Д. Узланера. М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2011. 368 с.
3. Синицын С.А. Экономика и право: контуры взаимодействия в современном мире // Вестник Российской академии наук. 2019. Т. 89, № 2. С. 139–146.
4. Синицын С.А. Экономический анализ права: возможности и ограничения, риски абсолютизации подхода // Журнал российского права. 2022. № 1. С. 47–60.
5. Суханов Е.А. О взаимодействии правовых и экономических подходов в изучении имущественных отношений // Вестник Московского государственного университета. Сер. 11. Право. 2023. Т. 64, № 6. С. 80–95.
6. Шишкин С.Н. Правовой анализ экономики: постановка проблемы, конституционные критерии // Бизнес. Менеджмент. Право. 2020. № 1. С. 16–20.
7. Лушников А.М. «Экономический анализ права» и юриспруденция: различия и общие подходы // Lex Russica. 2017. № 8 (129). С. 87.

8. Печатнова Ю.В. Применение экономического анализа в отечественном праве // Пермский юридический альманах. 2023. № 6. С. 56–64.
9. Должников А.В. Анализ издержек и выгод в публичном праве // Правоприменение. 2023. Т. 7, № 2. С. 34–42.
10. Блохин П.Д. Экономический анализ в публичном праве: от теории к практике // Закон. 2021. № 11. С. 95–103.
11. Шаблова Е.Г., Шибин А.В. Экономический анализ частного права: значение для правотворчества и правоприменения в Российской Федерации // Вестник УрФУ. Серия экономика и управление. 2012. № 6. С. 128–136.
12. Семякин М.Н. Экономический анализ права в России: проблемы и перспективы развития // Электронное приложение к Российскому юридическому журналу. 2018. № 6. С. 49–58.
13. Момотов В.В. Экономический анализ права в системе юридической методологии: сфера применения // Вестник Московского государственного университета. Сер. 11. Право. 2018. № 6. С. 3–18.
14. Момотов В.В. Экономическая эффективность права как цель правового регулирования // Журнал российского права. 2022. № 1. С. 29–35.
15. Губин Е.П. Экономическая деятельность, экономические права и их защита в контексте соотношения права и экономики // Предпринимательское право. 2021. № 3. С. 3–10.
16. Зорькин В. Буква и дух Конституции // Российская газета. 2018. 9 окт. Федеральный выпуск № 7689 (226).
17. Поляков А.В. Эффективность правового регулирования: коммуникативный подход // Эффективность правового регулирования / под общ. ред. А.В. Денисенко, М.А. Беляева. М. : Проспект, 2017. С. 11–25.
18. Домченко А.С. Критерии оценки эффективности правовых норм и нормативных правовых актов органов публичного управления // Государственная власть и местное самоуправление. 2020. № 5. С. 36–40.
19. Герасимов О.А. Эффективность правового регулирования предпринимательской деятельности в реальном секторе экономики России (на примере отдельных отраслей) : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 2022. 56 с.
20. Белых В.С. Экономический анализ права: спорные вопросы теории и практики // Предпринимательское право. 2021. № 4. С. 3–10.
21. Пашков А.С., Явич Л.С., Спиридонов Л.И. и др. Эффективность действия правовых норм / редкол.: проф. Пашков А.С. (отв. ред.) и др. Л. : Изд-во Ленингр. ун-та, 1977. 143 с.
22. Бондаренко Н.Л., Конаневич Ю.Г. Юридическая квалиметрия как новая отрасль правового научного знания // Право.by. 2022. № 5. С. 117–124.
23. Мамай Е.А. Эффективность правоприменительных процедур: теория, практика, техника / под науч. ред. В.А. Толстика. М. : Юрлитинформ, 2012. 221 с.
24. Анисифорова М.В. Научная правовая экспертиза как гарантия качества административно-правовых норм // Административное право и процесс. 2020. № 9. С. 27–31.
25. Мальцев Г.В. Понимание права. Подходы и проблемы. М. : Прометей, 1999. 419 с.
26. Зырянов С.М., Варгова Д. Разрешительный метод регулирования предпринимательской деятельности // Журнал российского права. 2022. № 11. С. 74–90.
27. Купряшин Г.Л., Сарычева Н.Н. Концепция «умного регулирования»: зарубежный опыт и возможность его применения в государственном управлении России // Вестник МГУ. Сер. 21. Управление (государство и общество). 2013. № 2. С. 3–20.
28. Карпова П.Г., Цыганков Д.Б. Советы по оптимизации регулирования как неотъемлемый компонент «smart regulation» // Вопросы государственного и муниципального управления. 2012. № 3. С. 5–34.
29. Бондаренко Н.Л. Эффективное гражданское законодательство как фактор, снижающий транзакционные издержки // Вестник Пермского университета. 2016. Вып. 1 (3). С. 35–40.

30. Белицкая А.В., Лаутс Е.Б. Правовая концепция «умного регулирования» финансового рынка // *Банковское право*. 2023. № 2. С. 7–15.
31. Давыдова М.Л. «Умное регулирование» как основа совершенствования современного правотворчества // *Журнал российского права*. 2020. № 11. С. 14–29.
32. Дидикин А.Б. Мониторинг фактического воздействия в системе правовых средств улучшения регуляторной среды // *Мониторинг фактического воздействия в системе правовых средств регуляторной политики / Регуляторная политика в России: проблемы теории и практики* : сб. науч. тр. / под ред. А.Б. Дидикина. М. : Проспект, 2019. С. 5–17.
33. Тихомиров Ю.А. Эффективность закона: от цели к результату // *Журнал российского права*. 2009. № 4. С. 3–9.
34. Зарембо С.А. Эффективность административных актов таможенных органов // *Юрист*. 2023. № 9. С. 58–62.
35. Белицкая А.В., Лаутс Е.Б. Эффективность правового регулирования финансового рынка // *Право и бизнес. Приложение к журналу «Предпринимательское право»*. 2023. № 2. С. 18–25.
36. Хлуденева Н.И. Оценка эффективности применения эколого-правовых ограничений экономической деятельности в России // *Журнал российского права*. 2021. № 4. С. 157–172.
37. Тихомиров Ю.А. Систематика в праве в условиях глобальной нестабильности // *Журнал российского права*. 2022. № 5. С. 5–18.

References

1. Karapetov, A.G. (2016) *Ekonomicheskii analiz prava* [Economic Analysis of Law]. Moscow: Statut.
2. Shapiro, I. (2011) *Begstvo ot real'nosti v gumanitarnykh naukakh* [Escape from Reality in the Humanities]. Translated from English by D. Uzlaner. Moscow: HSE.
3. Sinitsyn, S.A. (2019) *Ekonomika i pravo: kontury vzaimodeystviya v sovremennom mire* [Economics and Law: Contours of Interaction in the Modern World]. *Vestnik Rossiyskoy Akademii nauk*. 89(2). pp. 139–146.
4. Sinitsyn, S.A. (2022) *Ekonomicheskii analiz prava: vozmozhnosti i ogranicheniya, riski absolyutizatsii podkhoda* [Economic Analysis of Law: Possibilities and Limitations, Risks of Absolutizing the Approach]. *Zhurnal rossiyskogo prava*. 1. pp. 47–60.
5. Sukhanov, E.A. (2023) *O vzaimodeystvii pravovykh i ekonomicheskikh podkhodov v izuchenii imushchestvennykh otnosheniy* [On the Interaction of Legal and Economic Approaches in the Study of Property Relations]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 11. Pravo*. 64(6). pp. 80–95.
6. Shishkin, S.N. (2020) *Pravovoy analiz ekonomiki: postanovka problemy, konstitutsionnye kriterii* [Legal Analysis of the Economy: Statement of the Problem, Constitutional Criteria]. *Biznes. Menedzhment. Pravo*. 1. pp. 16–20.
7. Lushnikov, A.M. (2017) “Ekonomicheskii analiz prava” i yurisprudentsiya: razlichiya i obshchie podkhody [“Economic Analysis of Law” and Jurisprudence: Differences and Common Approaches]. *Lex Russica*. 8(129). p. 87.
8. Pechatnova, Yu.V. (2023) *Primenenie ekonomicheskogo analiza v otechestvennom prave* [Application of Economic Analysis in Domestic Law]. *Permskiy yuridicheskii al'manakh*. 6. pp. 56–64.
9. Dolzhnikov, A.V. (2023) *Analiz izderzhkek i vygod v publichnom prave* [Cost-Benefit Analysis in Public Law]. *Pravoprimenenie*. 7(2). pp. 34–42.
10. Blokhin, P.D. (2021) *Ekonomicheskii analiz v publichnom prave: ot teorii k praktike* [Economic Analysis in Public Law: From Theory to Practice]. *Zakon*. 11. pp. 95–103.
11. Shablova, E.G. & Shibin, A.V. (2012) *Ekonomicheskii analiz chastnogo prava: znachenie dlya pravotvorchestva i pravoprimeneniya v Rossiyskoy Federatsii* [Economic

Analysis of Private Law: Significance for Lawmaking and Law Enforcement in the Russian Federation]. *Vestnik UrFU. Seriya ekonomika i upravlenie*. 6. pp. 128–136.

12. Semyakin, M.N. (2018) Ekonomicheskiy analiz prava v Rossii: problemy i perspektivy razvitiya [Economic Analysis of Law in Russia: Problems and Development Prospects]. *Elektronnoe prilozhenie k Rossiyskomu yuridicheskomu zhurnalu*. 6. pp. 49–58.

13. Momotov, V.V. (2018) Ekonomicheskiy analiz prava v sisteme yuridicheskoy metodologii: sfera primeneniya [Economic Analysis of Law in the System of Legal Methodology: Scope of Application]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 11. Pravo*. 6. pp. 3–18.

14. Momotov, V.V. (2022) Ekonomicheskaya effektivnost' prava kak tsel' pravovogo regulirovaniya [Economic Efficiency of Law as the Goal of Legal Regulation]. *Zhurnal rossiyskogo prava*. 1. pp. 29–35.

15. Gubin, E.P. (2018) Ekonomicheskaya deyatel'nost', ekonomicheskie prava i ikh zashchita v kontekste sootnosheniya prava i ekonomiki [Economic Activity, Economic Rights and Their Protection in the Context of the Relationship between Law and Economics]. *Predprinimatel'skoe pravo*. 3. pp. 3–10.

16. Zorkin, V. (2018) Bukva i dukh Konstitutsii [Letter and Spirit of the Constitution]. *Rossiyskaya gazeta*. 9th October. Federal issue No. 7689 (226).

17. Polyakov, A.V. (2017) Effektivnost' pravovogo regulirovaniya: kommunikativnyy podkhod [Efficiency of legal regulation: a communicative approach]. In: Denisenko, A.V. & Belyaev, M.A. (eds) *Effektivnost' pravogo regulirovaniya* [Efficiency of Legal Regulation]. Moscow: Prospekt. pp. 11–25.

18. Domchenko, A.S. (2020) Kriterii otsenki effektivnosti pravovykh norm i normativnykh pravovykh aktov organov publichnogo upravleniya [Criteria for assessing the effectiveness of legal norms and regulatory legal acts of public administration bodies]. *Gosudarstvennaya vlast' i mestnoe samoupravlenie*. 5. pp. 36–40.

19. Gerasimov, O.A. (2022) *Effektivnost' pravovogo regulirovaniya predprinimatel'skoy deyatel'nosti v real'nom sektore ekonomiki Rossii (na primere otдел'nykh otrasley)* [Efficiency of legal regulation of entrepreneurial activity in the real sector of the Russian economy (a case of individual industries)]. Abstract of Law Dr. Diss. Ekaterinburg.

20. Belykh, V.S. (2021) Ekonomicheskiy analiz prava: spornye voprosy teorii i praktiki [Economic Analysis of Law: Controversial Issues of Theory and Practice]. *Predprinimatel'skoe pravo*. 4. pp. 3–10.

21. Pashkov, A.S., Yavich, L.S., Spiridonov, L.I. et al. (1977) *Effektivnost' deystviya pravovykh norm* [Efficiency of Legal Norms]. Leningrad: Leningrad State University.

22. Bondarenko, N.L. & Konanevich, Yu.G. (2022) Yuridicheskaya kvalimetriya kak novaya otrasl' pravovogo nauchnogo znaniya [Legal Qualimetry as a New Branch of Legal Scientific Knowledge]. *Pravo.by*. 5. pp. 117–124.

23. Mamay, E.A. (2012) *Effektivnost' pravoprimenitel'nykh protsedur: teoriya, praktika, tekhnika* [Efficiency of Law Enforcement Procedures: Theory, Practice, Technique]. Moscow: Yurlitinform.

24. Anisiforova, M.V. (2020) Nauchnaya pravovaya ekspertiza kak garantiya kachestva administrativno-pravovykh norm [Scientific legal expertise as a guarantee of the quality of administrative-legal norms]. *Administrativnoe pravo i protsess*. 9. pp. 27–31.

25. Maltsev, G.V. (1999) *Ponimanie prava. Podkhody i problemy* [Understanding the law. Approaches and problems]. Moscow: Prometei.

26. Zyryanov, S.M. & Vargova, D. (2022) Razreshitel'nyy metod regulirovaniya predprinimatel'skoy deyatel'nosti [The permit method of regulating entrepreneurial activity]. *Zhurnal rossiyskogo prava*. 11. pp. 74–90.

27. Kupryashin, G.L. & Sarycheva, N.N. (2013) Kontseptsiya “umnogo regulirovaniya”: zarubezhnyy opyt i vozmozhnost' ego primeneniya v gosudarstvennom upravlenii Rossii [The concept of “smart regulation”: foreign experience and the possibility of its application in public

administration of Russia]. *Vestnik MGU. Seriya 21. Upravlenie (gosudarstvo i obshchestvo)*. 2. pp. 3–20.

28. Karpova, P.G. & Tsygankov, D.B. (2012) Sovety po optimizatsii regulirovaniya kak neot'emlemyy komponent "smart regulation" [Recommendations on regulation optimization as an integral component of "smart regulation"]. *Voprosy gosudarstvennogo i munitsipal'nogo upravleniya*. 3. pp. 5–34.

29. Bondarenko, N.L. (2016) Effektivnoe grazhdanskoe zakonodatel'stvo kak faktor, snizhayushchiy transaktsionnye izderzhki [Effective civil legislation as a factor reducing transaction costs]. *Vestnik Permskogo universiteta*. 1(3). pp. 35–40.

30. Belitskaya, A.V. & Lauts, E.B. (2023) Pravovaya kontseptsiya "umnogo regulirovaniya" finansovogo rynka [Legal concept of "smart regulation" of the financial market]. *Bankovskoe pravo*. 2. pp. 7–15.

31. Davydova, M.L. (2020) "Umnoe regulirovanie" kak osnova sovershenstvovaniya sovremennogo pravotvorchestva ["Smart Regulation" as a Basis for Improving Modern Lawmaking]. *Zhurnal rossiyskogo prava*. 11. pp. 14–29.

32. Didikin, A.B. (2019) Monitoring fakticheskogo vozdeystviya v sisteme pravovykh sredstv uluchsheniya regulatornoj sredy [Monitoring the Actual Impact in the System of Legal Means for Improving the Regulatory Environment]. In: Didikin, A.B. (ed.) *Monitoring fakticheskogo vozdeystviya v sisteme pravovykh sredstv regulatornoj politiki* [Monitoring the Actual Impact in the System of Legal Means of Regulatory Policy / Regulatory Policy in Russia: Proceedings Problems of Theory and Practice]. Moscow: Prospekt. pp. 5–17.

33. Tikhomirov, Yu.A. (2009) Effektivnost' zakona: ot tseli k rezul'tatu [Effectiveness of the Law: From Goal to Result]. *Zhurnal rossiyskogo prava*. 4. pp. 3–9.

34. Zarembo, S.A. (2023) Effektivnost' administrativnykh aktov tamozhennykh organov [Effectiveness of Administrative Acts of Customs Authorities]. *Yurist*. 9. pp. 58–62.

35. Belitskaya, A.V. & Lauts, E.B. (2023) Effektivnost' pravovogo regulirovaniya finansovogo rynka [Effectiveness of Legal Regulation of the Financial Market]. *Pravo i biznes. Prilozhenie k zhurnalu "Predprinimatel'skoe pravo."* 2. pp. 18–25.

36. Khudeneva, N.I. (2021) Otsenka effektivnosti primeneniya ekologo-pravovykh ogranicheniy ekonomicheskoy deyatel'nosti v Rossii [Evaluation of the effectiveness of environmental and legal restrictions in the Russian economic activity]. *Zhurnal rossiyskogo prava*. 4. pp. 157–172.

37. Tikhomirov, Yu.A. (2022) Sistematika v prave v usloviyakh global'noy nestabil'nosti [Systematics in law in the context of global instability]. *Zhurnal rossiyskogo prava*. 5. pp. 5–18.

Информация об авторе:

Кванина В.В. – доктор юридических наук, профессор, заведующая кафедрой предпринимательского, конкурентного и экологического права Южно-Уральского государственного университета (Челябинск, Россия); старший научный сотрудник Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: kvaninavv@susu.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

V.V. Kvanina, South Ural State University (Chelyabinsk, Russian Federation); National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: kvaninavv@susu.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 15.10.2024;
одобрена после рецензирования 02.02.2025; принята к публикации 19.03.2025.

The article was submitted 14.03.2024;
approved after reviewing 12.05.2024; accepted for publication 19.03.2025

Научная статья
УДК 347.45/.47
doi: 10.17223/22253513/55/9

Внебиржевой договор своп: от правовой квалификации к судебной практике по производным финансовым инструментам

Алексей Петрович Клементьев¹

¹ *Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
Москва, Россия, aklementiev@hse.ru*

Аннотация. Исследованы договоры своп, заключаемые на финансовых рынках в основном с участием банков и других финансовых институтов. В настоящее время именно свопы являются наиболее распространенными разновидностями деривативов, т.е. договоров, являющихся производными финансовыми инструментами. Приведена квалификация своп-договора с точки зрения гражданского права, а также рассмотрены материалы российской и иностранной судебной практики по спорам, возникающим из своп-договоров.

Ключевые слова: своп, своп-договор, деривативы, производные финансовые инструменты, ISDA

Для цитирования: Клементьев А.П. Внебиржевой договор своп: от правовой квалификации к судебной практике по производственным финансовым инструментам // Вестник Томского государственного университета. Право. 2025. № 55. С. 108–121. doi: 10.17223/22253513/55/9

Original article
doi: 10.17223/22253513/55/9

Over-the-counter swap contract: from legal qualification to case law on derivative financial instruments

Aleksey P. Klementyev¹

¹ *National University Higher School of Economics,
Moscow, Russian Federation, aklementiev@hse.ru*

Abstract. Swap contracts are widely used in international financial markets. These commercial transactions allow their parties to manage and transfer a variety of risks relating to interest and foreign exchange rates, volatility of commodities prices and other underlying assets. According to Russian laws swaps belong to a wide class of derivative financial instruments. In absence of the legal rules in the Russian Civil Code which may be directly applicable to derivatives, these instruments are regulated by a Bank of Russia. In contrast to swaps traded on exchanges, over-the-counter exchanges are privately negotiated contracts. The parties to these transactions almost always rely on model contracts published by trade associations such as International Swaps and

Derivative Association. The legal nature of swaps has become a subject of debate, as the contractual provisions of swap agreements largely resemble betting contracts, which are unenforceable in many jurisdictions. However, available case law shows that whenever a party to a swap agreement seeks to hedge its existing risks by entering into a swap transaction, state courts can enforce it. Generally, swap litigation is rare. However, it has attracted considerable attention from market participants and academics due to the use of standardized documentation and the impact that individual court decisions can have on the market as a whole. Russian courts have ruled on several disputes involving various swap transactions. The first litigation concerned an interest rate swap and gaps in the contractual documentation that allowed one party to terminate the swap agreement unilaterally. Other cases concern more complex financial products such as cross-currency interest rate swaps and commodity swaps. In recent years, there has been an increase in disputes over contractual obligations related to swap termination agreements between Western and Russian financial institutions. However, these do not concern the legal nature of the swaps themselves. Rather, Russian courts have to deal with the inability to make or receive payments in the face of unilateral sanctions imposed by foreign states against Russian counterparties to swap agreements. Although the concept of swaps originated in Anglo-Saxon countries, legal scholars from civil law jurisdictions have taken an interest in swap agreements. They have analyzed swaps based on contract law doctrine and compared them to the sale and purchase and barter contracts enshrined in their civil codes. From a Russian legal perspective, swap agreements should be treated differently depending on the manner in which the obligations arising from such agreements are performed. While non-deliverable swaps should be viewed as aleatory contracts, deliverable swaps are exchange contracts that create mutual obligations that are not based on an unknown future event to the parties to the contract.

Keywords: swap, swap agreements, derivative, derivative financial instruments, ISDA

For citation: Klementyev, A.P. (2025) Over-the-counter swap contract: from legal qualification to case law on derivative financial instruments. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Pravo – Tomsk State University Journal of Law*. 55. pp. 108–121. (In Russian). doi: 10.17223/22253513/55/9

Введение

Современные финансовые рынки характеризуются инновационным характером, который находит выражение в постоянной разработке новых договорных форм, многие из которых нельзя встретить в кодексах и сводах договорного права. В полной мере это утверждение относится и к своп-договорам (англ. *swaps contracts*, фр. *contrats d'echange*, нем. *Swapgeschäft*), или, как их принято называть в профессиональной среде, свопам. Согласно определению, приведенному в классическом учебнике по финансовым инструментам, своп представляет собой договор между двумя компаниями об обмене денежными потоками в будущем [1. Р. 125]. Однако на развитых финансовых рынках свопы предусматривают не только обмен денежными суммами – предметом этих договоров также становятся ценные бумаги и стандартизированные товары, которые, как правило, обращаются на организованных рынках (биржах).

При этом сами свопы, как правило, заключаются в индивидуальном порядке, хотя существуют и их биржевые разновидности. Как показывает су-

дебная практика, сторонами свопов выступают не только коммерческие организации, такие как банки и крупные промышленные корпорации. Свопы востребованы со стороны публичных образований, таких как суверенные государства и отдельные территориальные образования, а также со стороны международных организаций. Свопы-договоры относятся к достаточно широкому классу деривативных сделок (деривативов), т.е. договоров, являющихся производными финансовыми инструментами (ПФИ).

Их стоимость зависит от стоимости товаров, ценных бумаг и валют, а также финансовых и статистических показателей, не имеющих материального выражения (базовых активов). Широкая распространенность свопов обусловлена возможностью хеджирования (страхования) рисков, возникающих в связи с волатильностью процентных ставок, валютных курсов и цен на товары. Более того, своп-договоры, в частности кредитные дефолтные свопы, позволяют застраховаться от дефолта (неисполнения) обязательств по долговым ценным бумагам, таким как облигации и иные аналогичные инструменты. В настоящей статье приводится общая правовая характеристика своп-договоров, заключаемых вне биржевых торгов, а также рассматриваются более глубокие вопросы их гражданско-правовой природы.

Договоры своп: законодательное регулирование и договорная практика

Некоторые виды производных контрактов, такие как товарные деривативы, известны со времен Античности. Однако интенсивное развитие рынка этих инструментов и их широкое внедрение в коммерческий оборот началось в ходе становления современных капиталистических отношений, характеризующихся высокой ролью финансовых институтов. Всплеск популярности деривативов случился в заключительной трети XX в. с переходом от Бреттон-Вудской к Ямайской валютной системе и отказом от политики фиксированных валютных курсов. Перестройка в глобальной экономике привела к волатильности на валютном рынке, которую мы наблюдаем до сих пор. Также возник феномен плавающих процентных ставок, что привело к постоянному изменению стоимости заимствований.

Компания IBM и Всемирный банк заключили первый формализованный своп-договор в 1981 г. [2. С. 67]. В то время процентные ставки в национальных валютах Германии и Швейцарии были в два раза ниже ставок в долларах США, поэтому Всемирный банк сталкивался с высоким спросом от своих заемщиков на денежные средства именно в этих валютах. В то же время правительства Германии и Швейцарии установили лимиты для этой международной организации, которые в определенный момент были полностью исчерпаны. Соответственно, Всемирному банку было необходимо привлечь денежный поток в немецких марках и швейцарских франках для финансирования своих операций не от суверенного эмитента соответствующей валюты, а от третьего лица. Инвестиционный банк Salomon Brothers, выступив посредником между американской высокотехнологичной компанией, ставшей таким лицом, и упомянутой международной организацией,

разработал соглашение об обмене платежами. По этому договору IBM переводила Всемирному банку средства в интересующих его европейских валютах, в то время как последний осуществлял денежные переводы в пользу своего контрагента в американских долларах. Таким образом, первым известным своп-договором стал валютный своп, в котором использовались валютные пары доллар США – немецкая марка и доллар США – швейцарский франк [3. Р. 6].

С тех пор рынок свопов показал экспоненциальный рост. Именно эти инструменты сегодня выступают наиболее востребованными внебиржевыми деривативами в глобальном масштабе. На них приходится около двух третей общего производных финансовых инструментов, обращающихся вне биржевых торгов [4. Р. 16]. Своп-договоры стали привычным явлением и для российского гражданского оборота. Тем не менее в Гражданском кодексе Российской Федерации своп-договор не поименован, однако косвенно свопы, носящие расчетный характер и не предполагающие реальной поставки базового актива, упомянуты в ст. 1062 ГК РФ для целей предоставления им судебной защиты. Тем не менее понятие своп-договора предусмотрено в подзаконном акте, принятом Банком России, а более общее определение договора, являющегося ПФИ, охватывающее все многообразие сделок своп, установлено в законодательстве о рынке ценных бумаг. Определение валютного свопа было сформулировано Банком России на подзаконном уровне.

Условия внебиржевых сделок своп, как правило, стандартизированы, поскольку их публикация осуществляется профессиональными ассоциациями, в которых состоят основные дилеры на рынке свопов. Они по собственной инициативе применяют стандартные условия, воздерживаясь от использования индивидуальных форм договоров. Ведущую роль в процессе договорной стандартизации в финансовой индустрии последних десятилетий сыграла Международная ассоциация свопов и деривативов (МАСД), созданная в 1985 г. в качестве некоммерческой корпорации по инициативе все того же инвестиционного банка Salomon Brothers, консультанта при заключении первой сделки своп в начале 80-х гг. Salomon Brothers оказался в числе одиннадцати финансовых институтов, которые начали сотрудничать в области разработки своп-документации в середине этого десятилетия [4. Р. 31]. Такое сотрудничество и привело к учреждению МАСД в качестве некоммерческой корпорации, которой она остается и сегодня.

МАСД впервые опубликовала Кодекс стандартных формулировок, допущений и положений для свопов (*ISDA Code of Standard Wording, Assumptions and Provisions for Swaps*) [5] в 1986 г., спустя всего год после инкорпорации этой профессиональной организации. В дальнейшем МАСД преступила к публикации рамочных договоров, дополнением к которым выступали стандартные условия для сделок своп с разными базовыми активами. Первый рамочный договор был обнародован в 1987 г., а затем обновлен в 1992 и 2002 гг. (далее ISDA MA). МАСД была включена отечественным регулято-

ром в перечень иностранных организаций, разрабатывающих (утверждающих) примерные условия договора (иные аналогичные документы), что означает ее признание на российском рынке. Таким образом ISDA MA приобрел статус предпочтительной стандартной формы соглашения, на базе которого могли совершаться сделки своп между российскими коммерческими организациями и их иностранными контрагентами.

В Германии первые стандартные документы договорного характера для внебиржевых сделок своп появились в начале 1990-х гг. Основой для заключения свопов на внутреннем рынке этой страны выступает Рамочное соглашение для финансовых срочных сделок (*Rahmenvertrag für Finanztermingeschäfte*) [6], также известное как немецкий рамочный договор (DRV). Несмотря на довольно ощутимые отличия от договоров МАСД, DRV основано на схожем принципе единого договора (*Einheitsvertrag*). Этот генеральный договор образует единое целое вместе с отдельными сделками (*Einzelabschluss*), к числу которых относятся не только свопы, но также форварды и опционы. При этом факт его заключения рамочного договора вовсе необязательно ведет к совершению отдельных сделок своп и оформлению других срочных сделок на финансовом рынке, поскольку их заключение основано на принципе договорной свободы (*Vertragsfreiheit*). Схожим образом организована практика заключения внебиржевых своп-договоров и в европейских странах, таких как Испания [7], Франция [8] и Швейцария [9].

Правовая квалификация договора своп

Квалификация договоров своп будет в значительной степени зависеть от применимого права. Как правило, стандартные договоры для заключения сделок свопа на внебиржевом рынке содержат положения о применимом праве. К примеру, согласно секции 13 рамочных договоров ISDA MA 1992 и 2002 гг., эти стандартные соглашения подчинены английскому праву или праву американского штата Нью-Йорк в зависимости от выбора сторон, осуществляемый в приложении (*Schedule*) к рамочному соглашению [10, 11]. Также МАСД были опубликованы версии 2002 ISDA MA на основе французского права [12] и права Ирландии [13]. Таким образом, МАСД ищет возможность для «встраивания» своих документов в национальные правовые системы, хотя ее стандартная документация наряду с соглашениями иных профессиональных ассоциаций и рассматривается в качестве неотъемлемой части автономного правопорядка, сложившегося на современном финансовом рынке [14].

В американской судебной практике был рассмотрен вопрос о правовой природе сделок своп, совершаемых между американскими контрагентами. В деле *Procter and Gamble v. Bankers Trust* был рассмотрен вопрос о возможной квалификации договора своп в качестве ценной бумаги (*security*)¹. Применив тест Ховея (*Howey Test*), который используется для отнесения дого-

¹ *Procter Gamble v. Bankers Trust* 925 F. Supp. 1270 (S.D. Ohio 1996).

воров к инвестиционным контрактам, выступающим одной из разновидностей ценной бумаги (*security*) по федеральному праву США, суд штата Огайо пришел к выводу о том, что этот инструмент не обладает характеристиками ценной бумаги. Суд уточнил, что своп, в частности, не является нотой (*note*), т.е. долговой ценной бумагой. В деле *Lifespan Corp v. Nat'l Union Fire Ins. Co.*¹ были рассмотрены вопросы о том, является ли процентный своп (*interest rate swap*) ценной бумагой по праву штатов Нью-Йорк, Род Айлэнд и федеральному праву США. Как и в более раннем споре, суд пришел к выводу, что процентный своп не обладает характеристикой ценной бумаги ни в одной из данных американских юрисдикций.

В отличие от судов США, английские судьи рассматривали вопрос о том, является ли договор своп игровой сделкой или азартной игрой (*gaming or wagering contracts*). Такого рода соглашения как в англосаксонском, так и в континентальном правовом порядке не обладают судебной защитой и порождают натуральные обязательства. В деле *Morgan Grenfell & Co Ltd v. Welwyn Hatfield DC*² рассматривалось соглашение о десятилетнем процентном свопе, номинальная сумма которого составляла 25 миллионов фунтов стерлингов. Своп-договор был заключен в июне 1987 г. и содержал положения о неттинге, по которому только разница между суммами, подлежащая уплате исходя из договорных условий, перечислялась одной из сторон. Судья Хобхаус (*Hobhouse J*) при вынесении решения отметил, что свопы, заключаемые между контрагентами на рынках капитала или имеющие своей целью хеджирование рисков, возникающих из получения или выдачи займов, не могут считаться договорами пари.

Английский суд вернулся к рассмотрению вопроса о соотношении пари и договоров свопа в деле *WW Property Investments Limited v. National Westminster Bank plc*³. В этом споре истец настаивал на том, что по общему праву (*common law*) такого рода договоры выступают сделками пари. На этот счет с точки зрения истца существует предполагаемая норма общего права (*alleged common law rule*), лишаящая своп-договор возможности принудительного исполнения. Однако в ходе рассмотрения дела в суде первой и апелляционной инстанции было решено, что даже если такая норма и существовала в определенный момент, то она была упразднена на законодательном уровне. Акт об играх 2005 г. (*Gambling Act 2005*) и акты о финансовых услугах 1986 и 2000 гг. однозначно говорят о том, что финансовые инструменты, относящиеся к их сфере регулирования, в том числе своп-договоры (*swap contracts*), не являются договорами пари. Исходя из иерархии источников права, принятых в Англии, положения законодательных актов (*statutory laws*), принятых Парламентом, превалируют над нормами общего права, выработанных судами.

¹ *Lifespan Corp. v. Nat'l Union Fire Ins. Co. of Pittsburgh* 59 F. Suppl. 3d 427, 456. (D.R.I. 2014)

² [1995] 1 All ER 1.

³ [2016] EWCA Civ 1142.

Специалист по французскому праву и праву Квебека Ж. Д'Оландер полагает, что деривативы в целом являются гражданско-правовыми договорами между юридическими лицами, обладающими общей правоспособностью, или финансовыми институтами, желающими застраховаться от рыночных колебаний. При их заключении стороны полагаются на принцип свободы договора (*le principe de liberté contractuelle*). Тем не менее данный автор отмечает, что юридический анализ деривативов и в особенности свопов представляет собой правовую проблему, поскольку эта конструкция является порождением англосаксонского правопорядка и нуждается в адаптации с учетом специфики французского права [15. Р. 72]. Ж. Д'Оландер отмечает, что вопрос гражданско-правовой квалификации свопов в течении долгого времени дебатировался во французской доктрине [15. Р. 78].

Правовая неопределенность усугублялась той разницей, которая существует между валютным (*swap de devise*) и процентным свопом (*swap de taux d'intérêt*) [15. Р. 78]. Более того, ученые-юристы, изучающие финансовые инструменты, имеющие хождение на французском рынке, не имели возможности опереться на стандартные условия этих договоров, применяемые на французском рынке (*Conditions générales de vente de l'A.F.B.*), поскольку последние обходили стороной вопрос о правовой природе свопов [15. Р. 79]. Тем не менее в отношении валютного свопа сложилось два подхода к квалификации своп-договора. В соответствии с первым из них валютный своп представляет собой договор мены, непосредственно поименованный в ст. 1702 Кодекса Наполеона [15. Р. 80]. Альтернативный подход предполагает, что валютный своп, хоть и имеет договорную природу, но выступает договорной конструкцией *sui generis* [15. Р. 81]. Применительно к процентному свопу сложилось единое мнение о том, что он является алеаторным договором (*contrat aléatoire*) и несет в себе риск признания его сделкой пари. По мнению данного специалиста, подобная квалификация является характерной не только для французского права, но и права Квебека, поскольку последнее формируется под воздействием французской правовой традиции [15. Р. 86].

Если обратиться к немецкой доктрине, то можно обнаружить, что юристы, принадлежащие к германской правовой семье, склонны давать общую характеристику всем деривативным контрактам без осуществления их отдельного правового анализа в зависимости от базового актива. Так, М. Бенцлер отмечает, что с точки зрения обязательственного права деривативы являются двухсторонними синалагматическими договорами с отлагательными условиями [16. S. 29]. Немецкий ученый Г. Райнер убежден, что к числу финансовых деривативов (*Finanzderivaten*) должны относиться исключительно инструменты, предусматривающие возникновение денежных обязательств. Г. Райнер отдельно отмечает, что к такого рода инструментам не относятся свопы, предусматривающие обмен номинальными суммами [17. S. 18]. Следовательно, поставочный валютный своп не является финансовым деривативом, представляя собой «деривативоподобную» сделку. Ин-

интересна позиция ученого по поводу возможности существования деривативов в форме ценных бумаг. Г. Райнер полагает, что если платеж по ценной бумаге является стохастически обусловленным (*stochastisch bedingt*), то такая ценная бумага является финансовым деривативом наравне с договорными деривативными конструкциями [17. S. 13].

По мнению голландского ученого Я. Далхойзена, юридическая характеристика свопов не представляет собой существенного интереса, поскольку основным вопросом при их квалификации выступает возможность защиты от обвинений в спекулятивной или игровой природе этих договоров. Голландский ученый ограничивается лишь описанием обязательств, которые возникают из сделок своп. Сами свопы он характеризует как инструменты, в основном предусматривающие обмен денежными потоками. Он также отмечает, что иногда свопы могут предусматривать обмен активами, из которых возникают такие денежные потоки. По мнению Я. Далхойзена, более важным, чем вопрос о правовой природе свопов, является возможность осуществления ликвидационного неттинга (*close-out netting*) требований по свопам в условиях банкротства, в частности предупреждение смешения этого вида неттинга с зачетом (*set-off*). Именно на этом и сосредоточены усилия юридического сообщества [18. P. 290].

Среди российских ученых исследование свопов на уровне диссертации на соискание степени кандидата юридических наук было осуществлено О.С. Груздевым. В опубликованной по результатам проведенного исследования монографии отечественный специалист отметил, что для свопа характерны «производный характер стоимости от базового актива, направленность на хеджирование и спекуляцию, срочный и рисковый характер» [2. С. 48]. В этом утверждении обращает на себя внимание отсутствие упоминания о третьей цели совершения сделок своп – так называемом арбитраже, т.е. заключении разнонаправленных сделок с целью извлечения прибыли от разницы стоимости активов на разных рынках. Об арбитраже как цели заключения сделок со свопами и другими ПФИ упоминают, в частности, Г. Райнер [17. S. 5] и Дж. Бретуэйт [4. P. 87].

Кроме того, согласно легальной дефиниции ПФИ, к числу которых принадлежат и свопы, срочный характер для некоторых из них не является обязательным. Соответственно, исходя из положений действующего российского законодательства, своп-договор может заключаться и на срок менее трех дней, т.е. не принадлежать к срочному рынку, который образуют финансовые сделки с более длительным сроком исполнения. При этом Дж. Бенджамин при формулировании дефиниции деривативного контракта отмечает, что наряду с производным характером прав и обязанностей по таким договорам для деривативов характерным является удлиненный срок контракта. Соответственно, исполнение обязательств происходит значительно позже, чем дата заключения договора [19. P. 65]. Таким образом, обязательный признак срочности свопов признается в иностранной доктрине, однако не соотносится с воззрениями российского законодателя.

Интересным представляется утверждение О.С. Груздева о том, что первичным при классификации свопов должно выступать не их разделение на поставочные, расчетно-поставочные и расчетные, а выделение среди всей совокупности сделок своп организационных и имущественных договоров [2. С. 60]. Что касается квалификации отдельных видов договоров, то О.С. Груздев полагает, что свопы являются «неоднородной категорией, поскольку ею обозначается значительный перечень разнообразных договоров» [2. С. 59]. По его мнению, валютный своп, который стоит рассматривать отдельно от кредитного дефолтного свопа, процентного свопа и валютно-процентного свопа, воплощает в себе последовательность сделок купли-продажи или договоров мены [20].

В российском праве гражданско-правовые договоры делятся, в частности, на односторонние и двусторонние, возмездные и безвозмездные, реальные и консенсуальные. Представляется, что своп является двухсторонне обязывающим (синаллагматическим) договором, поскольку у обеих его сторон имеются как права, так и обязанности. Возмездность и консенсуальность своп-договора также является довольно очевидной. Потенциально релевантным по отношению к свопам является деление договоров на основные и акцессорные. В проекте информационного письма, подготовленного Высшим арбитражным судом РФ [21], нашла отражение точка зрения о том, что хеджирующий своп-договор имеет свойства акцессорной сделки, поскольку основной (хеджируемый) договор определяет судьбу хеджирующего договора, т.е. самого свопа. Этот вопрос заслуживает отдельного изучения, хотя проект информационного письма так и не обрел силу окончательного документа.

Не стоит забывать о делении договоров на меновые и алеаторные, которое имеет в отечественной правовой науке давние традиции. Еще известный дореволюционный цивилист К.П. Победоносцев выделял меновые договоры и договоры о неверном и случайном [22. С. 341]. Специфика этих договоров состоит в том, «что от ненаступления предусмотренного обстоятельства выигрывает одна сторона и одновременно проигрывает другая» [23. С. 569]. Представляется, что признак алеаторности очевидно присущ расчетным своп-договорам, не предполагающим физической поставки базового актива. Поставочные же своп-договоры, такие как сделка валютный своп, являются меновыми, поскольку права и обязанности сторон не зависят от случайного события, которое произойдет в будущем. К числу подобных поставочных договоров помимо валютных свопов относятся товарные свопы, а также своп-договоры на ценные бумаги.

Судебная практика по договорам своп

Судебные споры из договоров своп не являются частым явлением ни в России, ни за ее пределами. Однако в силу широкого использования стандартной документации даже редкие судебные дела по этой тематике вызывают большой интерес как со стороны участников финансовых рынков, так

и среди ученых-юристов, специализирующихся на правовых вопросах, связанных с современной финансовой индустрией. Причиной такого интереса является стандартизация договорной документации, используемой дилерами на рынке своп при заключении финансовых сделок как между собой, так и со своими клиентами. Соответственно, толкование стандартных соглашений, осуществленное судом в конкретном деле, может распространиться на огромный рынок внебиржевых сделок своп и затронуть интересы всех его участников.

Характерным примером резонансного судебного дела, в котором были затронуты гражданско-правовые аспекты сделки своп, стал спор «Агротерминал против Юникредит Банка»¹, дошедший до Высшего арбитражного суда. В этом деле корпоративный клиент коммерческого банка в одностороннем порядке отказался от договора процентного свопа, предусматривавшего обмен плавающими и фиксированными суммами в иностранной валюте в отношении номинальной суммы в 60 миллионов долларов США. Истец воспользовался лазейкой в стандартной документации, предусматривавшей, что каждая из сторон вправе расторгнуть генеральное соглашение, служащее основой для совершения сделок своп, в любое время при отсутствии неисполненных обязательств по генеральному соглашению.

Согласно разделу 5(a)(ii)(1) 2002 ISDA MA, отказ от сделки, заключенной на основе рамочного соглашения, является основанием для осуществления ликвидационного неттинга и вычисления суммы нетто-обязательства. При этом односторонний отказ без каких-либо имущественных последствий не предусмотрен ни 1992 ISDA MA, ни более современным 2002 ISDA MA. Аналогичные положения отсутствуют и в документации «РИСДА» в редакции 2011 г. [24], составленной на основе документации МАСД с ее непосредственного согласия. Однако суд истолковал пункт о расторжении рамочного соглашения таким образом, что односторонний отказ от него является недопустимым исключительно в случаях, когда между сторонами имеются неисполненные обязательства, срок исполнения которых уже наступил. Поскольку платежи по своп-договору должны были осуществиться в будущем и на дату расторжения генерального соглашения неисполненные обязательства между сторонами отсутствовали, судебные инстанции, рассматривавшие данное дело, сочли возможным осуществление отказа от сделки самого рамочного договора и от сделки своп без уплаты нетто-суммы, отражающей рыночную стоимость прекращаемых обязательств. Тем самым возникла угроза для сделок своп, заключенных другими участниками финансового рынка на основе аналогичной стандартной документации.

В более позднем деле «Платинум Недвижимость против Банка Москвы»² были затронуты вопросы более глубокого юридического характера, связан-

¹ Определение ВАС РФ от 23.05.2013 № ВАС-3788/13 по делу № А40-55358/12-100-391.

² Определение Верховного Суда РФ от 13.01.2017 № 305-ЭС16-18465 по делу № А40-168599/2015.

ные с добросовестностью профессиональной стороны договора. Суд признал договор валютно-процентного свопа недействительным, усмотрев наличие злоупотреблений со стороны кредитной организации, выступившей такого рода стороной. В этом споре на первый план вышло не несовершенство договорной документации по ПФИ, а необходимость учета интересов экономической слабой или плохо подготовленной к работе со сложными финансовыми инструментами стороны. Знаковым стал и относительно недавний спор между АО «Русский уголь» и АО «ОТП Банк», возникший из совокупности сделок товарного свопа¹. В этом деле истцом были озвучены известные по более ранним делам аргументы о недобросовестности профессиональной стороны, а также об отсутствии у экспортера угля необходимой экспертизы для заключения подобного рода сделок, которые, впрочем, были отвергнуты судом.

С введением односторонних экономических мер в отношении российских кредитных организаций, которые активно использовали деривативы в своей практике, появился целый ряд дел, в которых российские суды рассматривали споры на основании своей исключительной юрисдикции, предоставленной им ст. 248.1 АПК РФ. В одном из таких дел между сторонами было заключено ISDA MA, а также сделка валютно-процентного свопа². Однако после введения в отношении истца санкций США и ЕС исполнение сделки стало невозможно, поэтому истец и ответчик подписали подтверждение, согласно которому российскому ответчику причитается 101 640 000 руб. в качестве встречного предоставления за прекращение своп-договора. Поскольку инвестиционный банк Goldman Sachs International не произвел этот платеж, суд взыскал данную сумму в пользу ГК Развития «ВЭБ РФ».

Основной массив иностранной судебной практики образуют дела, в которых сделки своп заключаются между публичными и квазипубличными образованиями, с одной стороны, и профессиональными финансовыми институтами – с другой. Первым делом такого рода стало дело *Hazell v. Hammersmith and Fulham London Borough Council*³. Его рассмотрение дошло до английской палаты лордов, где было решено, что местные власти (*local authorities*) не обладают достаточными полномочиями для заключения подобных сделок. После вынесения решения по делу *Hazell v. Hammersmith and Fulham London Borough Council* в государственных английских судах оказалось несколько аналогичных исков по своп-договорам, предъявленных другими муниципальными образованиями⁴.

¹ Определение Верховного Суда РФ от 31.01.2024 № 305-ЭС23-28014 по делу № А40-242450/2022; Решение Арбитражного суда города Москвы от 03.04.2023; постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 23.06.2023; постановление Арбитражного суда Московского округа от 02.10.2023 по делу № А40-242450.

² Решение Арбитражного суда г. Москвы от 27 мая 2024 г. по делу № А40-111546/23-107-846.

³ [1990] 2 WLR 17 (QBD).

⁴ *Westdeutsche Landesbank Girozentrale v Islington LBC* [1996] AC 669, HL; *Kleinwort Benson Ltd v Birmingham City Council* [1996] 4 All ER 733, CA; *Kleinwort Benson v South*

Заключение

Рынок свопов, зародившись в 1980-е гг., занял важное место в современной рыночной экономике. Эти договоры не только позволяют извлечь спекулятивную прибыль в результате изменения процентных ставок и других базисных активов, но и способствуют перераспределению финансовых рисков от одних экономических агентов к другим. В настоящее время именно свопы являются наиболее распространенными разновидностями деривативов, т.е. договоров, являющихся производными финансовыми инструментами. Основываясь на правовой доктрине, выработанной российскими и зарубежными учеными, и используя судебную практику, автором приведена правовая характеристика сделок своп. По нашему мнению, их юридическая природа является различной и зависит от того, является ли своп-контракт поставочной или расчетной сделкой. Если поставочные своп-договоры выступают меновыми сделками, родственными договорам мены или купли-продажи, то расчетные сделки своп носят алеаторный характер.

Список источников

1. Hull J. Options, Futures and Other Derivatives. Fifth edition. Prentice Hall, 2002. 432 p.
2. Груздев О.С. Применение гражданско-правовых договорных конструкций к своп-договору. М. : Юстицинформ, 2021. 250 с.
3. Flavell R.R. Swaps and other derivatives. Wiley, 2012. P. 6.
4. Brathwaite J. The Financial Courts Adjudicating Disputes in Derivatives Markets. Cambridge : Cambridge University Press, 2021. 400 p.
5. ISDA Code of Standard Wording, Assumptions and Provisions for Swaps. URL: <https://www.rbccm.com/assets/rbccm/docs/legal/doddfrank/Documents/ISDALibrary/1986%20Code%20of%20Standard%20Wording%20-%20Assumptions%20and%20Provisions%20for%20Swaps.pdf>
6. Rahmenvertrag für Finanztermingeschäfte. URL: https://bankenverband.de/files/2022-12/RV-FTG-44015_1201_Muster.pdf
7. Master Agreement for Financial Transactions (CMOF). URL: <https://www.ceca.es/eng/cmof/>
8. FBF Master Agreement Relating to Transactions on Forward Financial Markets. URL: <https://www.fbf.fr/fr/convention-cadre-fbf-relative-aux-operations-sur-instruments-financiers-a-terme/>
9. Swiss Master Agreement for Over-the-Counter Derivative Instruments. URL: https://www.swissbanking.ch/_Resources/Persistent/a/b/a/d/abadfc64e9a848e0b1e33de5eaf18fc316cca0a6/SBVg_OTC_SMA_DE.pdf
10. 1992 ISDA Master Agreement (Multi-Currency-Cross Border). URL: <https://www.isda.org/book/1992-isda-master-agreement-multi-currency/>
11. 2002 ISDA Master Agreement. URL: <https://www.isda.org/book/2002-isda-master-agreement-english>
12. 2002 ISDA Master Agreement (French Law). URL: <https://www.isda.org/book/2002-isda-master-agreement-french-law-english/>
13. 2002 ISDA Master Agreement (Irish Law). URL: <https://www.isda.org/book/2002-isda-master-agreement-irish-law-pdf/>

Tyneside MBC [1994] 4 All ER 972; Morgan Grenfell & Co Ltd v Welwyn Hatfield DC [1995] 1 All ER 1, Hobhouse J; Credit Suisse v Allerdale BC [1997] QB 306; Kleinwort Benson v Glasgow CC [1997] 4 All ER 641.

14. Lex Mercatoria – Arbitration in Banking and Finance. URL: https://arbinfinanz.uni-koeln.de/lex-mercatoria_ID13
15. D'Hollander J. La qualification juridique des swaps en droit civil québécois // *Revue juridique Thémis*. 1996. Vol. 30. P. 69–88.
16. Benzler M. *Nettingverbarungen im ausserborslichen Derivatehandel*. Baden-Baden : Nomos Verlagsgesellschaft, 1999. 409 S.
17. Reiner G. *Derivative Finanzinstrumente im Recht*. Baden-Baden: Nomos Verlag, 2002. 465 S.
18. Dalhuisen J.H. *Dalhuisen on Transnational and Comparative Commercial, Financial and Trade Law*. Eighth Edition. Vol. 5: Financial Products and Services. United Kingdom : Bloomsbury Publishing, 2002. 488 p.
19. Benjamin J. *Financial Law*. Oxford : Oxford University Press, 2008. 654 p.
20. Груздев О.С. Гражданско-правовая природа своп-договора // *Право и политика*. 2019. № 7. С. 58–71.
21. Проект Информационного письма Президиума ВАС РФ «Об отдельных вопросах разрешения споров из договоров процентного свопа». URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?searchFilters=&BASENODE=32871-1&bases=&req=doc&ca-cheid=0719A3DF76AE3CBC548138B8DA975DBD&mode=searchcard&base=PNPA&n=2023&rnd=tshxrw#lwe8HYUU7BTy91MF>
22. Победоносцев К.П. *Курс гражданского права*. Третья часть. Договорные обязательства. СПб., 1896.
23. Брагинский М.И., Витрянский В.В. *Договорное право*. Кн. 5 : в 2 т. Т. 2: Договоры о банковском вкладе, банковском счете; банковские расчеты. Конкурс, договоры об играх и пари. 2-е изд., стер. М. : Статут, 2011. 623 с.
24. Примерные условия договора о срочных сделках на финансовых рынках 2011 г. URL: https://new.nfa.ru/upload/iblock/b5e/Standart_docs.pdf

References

1. Hull, J. (2002) *Options, Futures and Other Derivatives*. 5th ed. Prentice Hall.
2. Gruzdev, O.S. (2021) *Primenenie grazhdansko-pravovykh dogovornykh konstruktсий k svop-dogovoru* [Application of civil-law contractual structures to a swap agreement]. Moscow: Yustitsinform.
3. Flavell, R.R. (2012) *Swaps and Other Derivatives*. Wiley. p. 6.
4. Brathwaite, J. (2021) *The Financial Courts Adjudicating Disputes in Derivatives Markets*. Cambridge: Cambridge University Press.
5. *ISDA Code of Standard Wording, Assumptions and Provisions for Swaps*. [Online] Available from: <https://www.rbccm.com/assets/rbccm/docs/legal/doddfrank/Documents/ISDALibrary/1986%20Code%20of%20Standard%20Wording%20-%20Assumptions%20and%20Provisions%20for%20Swaps.pdf>
6. *Rahmenvertrag für Finanztermingeschäfte*. [Online] Available from: https://bankenverband.de/files/2022-12/RV-FTG-44015_1201_Muster.pdf
7. *Master Agreement for Financial Transactions (CMÖF)*. [Online] Available from: <https://www.ceca.es/eng/cmof/>
8. *FBF Master Agreement Relating to Transactions on Forward Financial Markets*. [Online] Available from: <https://www.fbf.fr/fr/convention-cadre-fbf-relative-aux-operations-sur-instruments-financiers-a-terme/>
9. *Swiss Master Agreement for Over-the-Counter Derivative Instruments*. [Online] Available from: https://www.swissbanking.ch/_Resources/Persistent/a/b/a/d/abadfc64e9a848e0b1e33de5eaf18fc316cca0a6/SBVg_OTC_SMA_DE.pdf
10. *1992 ISDA Master Agreement (Multi-Currency-Cross Border)*. [Online] Available from: <https://www.isda.org/book/1992-isda-master-agreement-multi-currency/>

11. 2002 ISDA Master Agreement. [Online] Available from: <https://www.isda.org/book/2002-isda-master-agreement-english>
12. 2002 ISDA Master Agreement (French Law). [Online] Available from: <https://www.isda.org/book/2002-isda-master-agreement-french-law-english/>
13. 2002 ISDA Master Agreement (Irish Law). [Online] Available from: <https://www.isda.org/book/2002-isda-master-agreement-irish-law-pdf/>
14. *Lex Mercatoria – Arbitration in Banking and Finance*. [Online] Available from: https://arbinfinanz.uni-koeln.de/lex-mercatoria_ID13
15. D'Hollander, J. (1996) La qualification juridique des swaps en droit civil Québécois. *Revue juridique Thémis*. 30. pp. 69–88.
16. Benzler, M. (1999) *Nettingverbarungen im auserborslichen Derivatehandel*. Baden-Baden: Nomos Verlagsgesellschaft.
17. Reiner, G. (2002) *Derivative Finanzinstrumente im Recht*. Baden-Baden: Nomos Verlag.
18. Dalhuisen, J.H. (2002) *Dalhuisen on Transnational and Comparative Commercial, Financial and Trade Law*. 8th ed. Vol. 5. United Kingdom: Bloomsbury Publishing.
19. Benjamin, J. (2008) *Financial Law*. Oxford: Oxford University Press.
20. Gruzdev, O.S. (2019) Grazhdansko-pravovaya priroda svop-dogovora [Civil Law Nature of a Swap Agreement]. *Pravo i politi-ka*. 7. pp. 58–71.
21. The Supreme Arbitration Court of the Russian Federation. (n.d.) *Proekt Informatsionnogo pis'ma Prezidiuma VAS RF "Ob otdel'nykh voprosakh razresheniya sporov iz dogovorov protsentnogo svopa"* [Draft Information Letter of the Presidium of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation "On Certain Issues of Resolving Disputes from Interest Rate Swap Agreements"]. [Online] Available from: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?searchFilters=&BASENODE=32871-1&bases=&req=doc&cacheid=0719A3DF76AE3CBC548138B8DA975DBD&mode=searchcard&base=PNPA&n=2023&rnd=tshxrw#lwe8HYUU7BTy91MF>
22. Pobedonostsev, K.P. (1896) *Kurs grazhdanskogo prava* [Civil Law Course]. Vol. 3. St. Petersburg: [s.n.].
23. Braginskiy, M.I. & Vitryanskiy, V.V. (2011) *Dogovornoe parvo* [Contract Law]. Vol. 5. Moscow: Statut.
24. NFA.ru. (2011) *Primernye usloviya dogovora o srochnykh sdelkakh na finansovykh rynkakh 2011 g.* [Model terms of an agreement on forward transactions in financial markets 2011]. [Online] Available from: https://new.nfa.ru/upload/iblock/b5e/Standart_docs.pdf

Информация об авторе:

Клементьев А.П. – кандидат юридических наук, доцент Департамента правового регулирования бизнеса Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (Москва, Россия). E-mail: aklementiev@hse.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

A.P. Klementyev, National University Higher School of Economics (Moscow, Russian Federation). E-mail: aklementiev@hse.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 14.11.2024;
одобрена после рецензирования 05.02.2025; принята к публикации 19.03.2025.

The article was submitted 14.11.2024;
approved after reviewing 05.02.2025; accepted for publication 19.03.2025.

Научная статья
УДК 347
doi: 10.17223/22253513/55/10

Институционализация вспомогательной репродукции человека в российском законодательстве: от проблем к возможностям

Татьяна Владимировна Краснова¹

¹ Тюменский государственный университет, Тюмень, Россия, krasnova-tv@yandex.ru

Аннотация. Анализируются вопросы несоответствия правового инструментария потребностям в регулировании отношений, фактически сложившихся под влиянием развития в медицине современной репродуктивной повестки. Исследованы категории, которые могут иметь значение базовых в механизме правового регулирования и защиты репродуктивных прав, а также их соотношение. Предложено учесть полученные результаты в разработке федерального закона «О вспомогательной репродукции человека».

Ключевые слова: вспомогательная репродукция, вспомогательные репродуктивные технологии, экстракорпоральное оплодотворение, правовое регулирование

Источник финансирования: статья публикуется в рамках реализации проекта НИУ ВШЭ «Зеркальные лаборатории» «Актуальные аспекты прав человека в контексте биоэтики».

Для цитирования: Краснова Т.В. Институционализация вспомогательной репродукции человека в российском законодательстве: от проблем к возможностям // Вестник Томского государственного университета. Право. 2025. № 55. С. 122–137. doi: 10.17223/22253513/55/10

Original article
doi: 10.17223/22253513/55/10

Institutionalization of assisted human reproduction in Russian legislation: from problems to opportunities

Tatiana V. Krasnova¹

¹ Tyumen State University, Tyumen, Russian Federation, krasnova-tv@yandex.ru

Abstract. The article examines the fundamental categories of the sphere of assisted human reproduction for the purposes of its institutionalization in Russian legislation. The law does not have adequate tools and does not have conceptual theoretical developments that meet the needs of regulating relations that develop under the influence of the dynamics of reproductive technologies. There have been no attempts in jurisprudence to systematize the existing factual phenomena belonging to the field of assisted

reproduction. Existing scientific research is based on the search for foreign legal models in order to adapt them. The author has attempted a structural and systematic approach to the legal understanding of the actual relationship. The fundamental categories in the science of human reproduction are analyzed. The correlations of system-forming concepts in the context of their possible legislative consolidation are revealed. The legally significant properties and characteristics of biomedical concepts are determined. The provisions on the fundamental difference of identical terms in the contextual format «method», «technology» or «program» are formulated. A proposal has been made to reset the established social perception of artificial human reproduction. It is proposed to adopt the basic concept of assisted human reproduction in the meaning of any medical care to overcome infertility as the basis for subsequent legal transformations. The criteria for distinguishing manipulations and actions related to assisted reproductive technologies from other types of medical care to overcome infertility are fixed. Methodological conclusions are formulated about the importance of the moment of the emergence and termination of legal relations in the course of ongoing medical programs, including in vitro fertilization programs. The possible components of the surrogacy program are investigated, strategic directions of legal regulation are determined. The features of the gamete donation program are considered. It is concluded that gamete donation has an absolute specificity due to the biological characteristics of the donor material and the procedure for obtaining it, which requires additional research. It is argued that gamete donation should not be artificially separated from the donation institute, which is historically earlier and has independent tasks and principles. The conceptual characteristics of the cryopreservation program and the directions of further research in this area are outlined. It is proposed to consolidate the norms on medical care in the field of assisted reproduction in the Federal Law «On Assisted Human Reproduction». Contradictions on the issue of synchronizing regulatory regulation with family legislation have been resolved. A general conclusion is drawn about the need to create new legal structures for the integration of technological development phenomena into the legal system.

Keywords: medically assisted reproduction, assisted reproductive technology, in vitro fertilization, legal regulation

Financing: The article is published as part of the HSE Mirror Laboratories project «Current Aspects of Human Rights in the Context of Bioethics».

For citation: Krasnova, T.V. (2025) Institutionalization of assisted human reproduction in Russian legislation: from problems to opportunities. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Pravo – Tomsk State University Journal of Law*. 55. pp. 122–137. (In Russian). doi: 10.17223/22253513/55/10

Ретроспективный анализ правового регулирования отношений в сфере вспомогательной репродукции человека показывает, что за сорок лет законодатель не приобрел достаточного методологического багажа и по-прежнему находится в погоне за технологическим прогрессом. Первые успешные результаты вспомогательной репродукции в России привели к рождению человека в 1985 г., тогда под руководством эмбриолога Б.В. Леонова был реализован метод экстракорпорального оплодотворения (ЭКО) [1]. Однако первые нормативные акты Министерства здравоохранения в сфере репродукции 1987 г. касались исключительно искусственной инсеминации спермой донора [2], как и брачно-семейное законодательство, принятое тремя

годами позднее [3]. Метод имплантации эмбриона нашел отражение в законе лишь в 1993 г. в «Основах законодательства Российской Федерации об охране здоровья граждан» [4], был конкретизирован в Приказе Минздрава в 1995 г. [5] и в том же году закреплён в ныне действующем Семейном кодексе Российской Федерации [6]. Дальнейшее совершенствование репродуктивных технологий сопровождалось приказами Минздрава в 2003 и в 2012 гг. и принятием Федерального закона № 323-ФЗ от 21.11.2011 «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» (далее Закон об основах охраны здоровья) [7], который на сегодняшний день включает в себя основной массив правил по применению вспомогательной репродукции.

В отечественной теории права концепции в сфере вспомогательной репродукции человека не возникло, спонтанный и прорывной характер правообразования помешал сложиться выверенным структурированным позициям. Неточности в правовых регламентах предопределили их несоответствие сути регулируемых отношений. К примеру, репродуктологи дают юристам обратную связь о последствиях законодательного закрепления некорректного перевода английского оригинала «artificial insemination» как «искусственное оплодотворение», породившего негативные коннотации в социальном употреблении [8. С. 14].

Характеристики сферы репродуктологии запечатлены в правовых исследованиях как данность на определенном эволюционном этапе. Юридическое сообщество продолжает ими оперировать без оглядки на модификации, происходящие в профессиональной среде. Юридические публикации множатся преимущественно по поводу популярных проблемных аспектов в попытке встроить новые явления в известные правовые конструкции, и немалая их часть к настоящему времени содержательно дублирует своих предшественников. Так, можно видеть, как более двадцати лет посвящены обсуждению правового статуса эмбриона¹. С увеличением количества ретрансляций в юридических публикациях смыслы основополагающих понятий обесценились, что вносит деструктив в научные дискуссии. С этого ракурса интенции юридического мышления к погружению в биомедицинскую

¹ См.: Скорик А.П. Правовой и социальный статус эмбриона человека // Юристы-Правоведы. 2003. № 1 (6). С. 57–59; Митрякова Е.С. Правовой статус эмбриона в России // Обеспечение прав и свобод человека и гражданина : сб. ст. по итогам междунар. науч.-практ. конф. (Тюмень, 17–19 ноября 2005 г.) : в 5 ч. / ред. Г.Н. Чеботарев. Тюмень, 2006. Ч. 5. С. 103–107; Кокорин А.П. Правовое положение человеческого эмбриона в свете развития вспомогательных репродуктивных технологий // ГлаголЪ правосудия. 2012. № 2 (4). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravovoe-polozhenie-chelovecheskogo-embriona-v-svete-razvitiya-vspomogatelnyh-reproduktivnyh-tehnologiy> (дата обращения: 09.09.2024); Дружинина Ю.Ф. Правовой режим эмбриона *in vitro* // Журнал российского права. 2017. № 12. С. 129–140; Белова Д.А. Проблемы правового статуса эмбриона // Семейное и жилищное право. 2020. № 3. С. 6–8. doi: 10.18572/1999-477X-2020-3-6-8; Баранова Е.С. Проблемы определения правового статуса эмбриона в современном праве // Вестник Башкирского института социальных технологий. 2023. № 4 (61). С. 184–188. doi: 10.47598/2078-9025-2023-4-61-184-188

тематику заслуживают поддержки, ведь построить системный взгляд на основе обыденных представлений о предмете правового регулирования – попытка бесперспективная. Поэтому тягу юридического сообщества к «био-медицинским и медико-правовым предметностям» [9] можно приветствовать. Хотя нельзя не согласиться с выводом о том, что «открытость юристов новым биомедицинским потрясениям» [9] на сегодняшний день не связана с наличием «внятных теоретико-медицинских ориентиров» [9]. Это справедливый упрек и объяснение огромному количеству мнений в оппозицию законодателью. Создание концепции, включающей в том числе философский и культурный компоненты, требует предварительного предметного осмысления явлений новой действительности. Этим обусловлено внимание настоящей статьи к систематике категорий медицины в контексте идеи создания института вспомогательной репродукции человека в праве и законодательстве.

Появляясь ситуационно в медицинской практике, категории, впервые задействованные репродуктологами отдельных государств, отличаются от аналогичных иностранных. Закономерны также возникшие в связи с внедрением заимствованных технологических разработок искажения переводных зарубежных терминов. Вот почему международное сообщество в области медицины придает особое значение стандартизации и формированию единого информационного пространства. Регулярная работа специалистов в этом направлении «позволила отразить в Международном словаре терминов и определений в лечении и профилактике бесплодия (далее Глоссарий) более 90 терминов, имеющих принципиальное значение в репродуктологии» [8. С. 14]. При этом в сфере отечественной вспомогательной репродукции уже после утверждения указанного общепринятого документа «в отношении ряда процессов возникли собственные варианты названий, некоторые из них имеют отличия в смысловом наполнении при сравнении с Глоссарием» [10]. Таким образом, перед юриспруденцией стоит задача выявления сути категориального аппарата вспомогательной репродукции, обеспечении соответствия между правовым понятием и спецификой фактического явления.

В настоящий период времени в основу поисков оптимальной модели правового регулирования с серьезной научной заявкой положена категория «искусственная репродукция» [11]. Что представляется спорным, поскольку охваченная этим термином медицинская помощь не является альтернативой «естественной» репродукции, а создает условия для нее. К примеру, индукция овуляции тоже является медицинской помощью в области вспомогательной репродукции, хотя не исключает даже «естественного» процесса зачатия. Акцент на «искусственности» вспомогательной репродукции уже вызвал необоснованные опасения относительно ее направленности на «реконцептуализацию семейных и родственных связей» [12], вышел на первый план и даже в частном случае увел содержание в поле акушерских услуг («искусственное родовспоможение» [13]). В этическом плане, полагаем, необходима перезагрузка сформировавшегося социального восприятия о детях «выращенных в пробирке» в противопоставлении с «обычными» людьми. Это позволит заложить основу идентичности ребенка, фокусируя

направленность вспомогательной репродукции как процесса медицинского влияния на здоровье потенциальных родителей.

Предлагаем принять за основу всех последующих правовых построений категорию «вспомогательная репродукция (ВР)» в значении медицинской помощи в репродукции человека с целью преодоления бесплодия. «Преодоление», точнее, применяемого в настоящее время термина «лечение», поскольку, как уже обращалось внимание в литературе, не любые медицинские вмешательства, направленные на восстановление фертильности, приводят к лечению бесплодия [14]. Медицинская помощь может быть интерпретирована в контексте субъективного конституционного права как «практическая профессиональная медицинская деятельность, осуществляемая в отношении конкретного человека в целях обеспечения его здоровья» [15]. Равная семантическая единица «medically assisted reproduction» часто переводится именно как «вспомогательные репродуктивные технологии», но она значительно объемнее, чем «собственно технологии», будучи «любой медицинской помощью при констатации факта невозможности коитального зачатия, осуществляемой посредством различных процедур, хирургических вмешательств и технологий» [16]. Предлагаем законодательно закрепить дефиницию вспомогательной репродукции, это позволит избежать проблемы соотношения значений «medically assisted reproduction» и «assisted reproductive technology». Понятием ВР будут охвачены существующие и еще развивающиеся методы, направленные на восстановление репродуктивного потенциала, в том числе путем фолликулярной активации [17].

В отличие от вспомогательной репродукции, вспомогательные репродуктивные технологии (ВРТ) – это «все манипуляции *in vitro* с ооцитами, сперматозоидами или эмбрионами человека с целью репродукции» [10]. Тем самым мы сталкиваемся с идентичным рассмотренному выше термину переводом, но привязанным по смыслу к понятию технологии. Нормативно понятие «медицинская технология» не определено, однако можно ориентироваться на рекомендованное международным сообществом: «...методы, способы, приемы профилактики, реабилитации, терапевтические и хирургические процедуры, а также вакцины, лекарства, оборудование» [18. С. 108]. В качестве примеров называют: «ПЭ – перенос эмбриона; ЭКО – технология экстракорпорального оплодотворения, ИКСИ – интрацитоплазмическая инъекция и так далее, поскольку перечень не является исчерпывающим» [10]. Можно заметить, что интерпретацию специфических категорий затрудняют вопросы соотношения общих понятий «технология» и «метод». Если в отношении метода справедливо утверждение о том, что метод – это способ действия для достижения заданного результата, то технология, как более широкое понятие, представляет собой «систему действий с определенным инструментальным набором, в последовательности (алгоритмичности), наиболее эффективно обеспечивающей выполнение поставленной задачи» [18. С. 108]. Для целей правового регулирования представляется достаточной интерпретация метода как «действия», а технологии – как «действия и средств».

Обязательным признаком ВРТ является осуществление *in vitro* fertilization (IVF) – это «последовательность манипуляций, включающая экстракорпоральное оплодотворение яйцеклетки» [10]. В зарубежных источниках дается существенное уточнение о том, что указанные технологии распространяются только на те случаи, когда яйцеклетка изымается из организма женщины с целью дальнейшего оплодотворения и «возвращения» в организм женщины либо с целью пожертвования (донорства) ооцитов: «...все методы лечения или процедуры, которые включают обращение с человеческими ооцитами или эмбрионами» [19]. ART (BPT) не включают в себя процедуры, при которых обрабатываются только сперматозоиды, или процедуры, при которых женщина «принимает лекарства только для стимуляции производства яйцеклеток без намерения извлечь яйцеклетки» [20]. Таким образом, говоря о ВРТ, предлагаем понимать вид медицинской помощи по преодолению бесплодия, включающий в себя систему действий и средств, основанный на применении метода ЭКО – оплодотворение яйцеклетки вне организма женщины. Ключевым идентифицирующим ВРТ критерием является осуществление манипуляций *in vitro*, т.е. вне организма.

По этой причине искусственная инсеминация не относится к ВРТ, принимая во внимание ее иную форму – *in vivo*. Большинство юридических публикаций не дифференцируют данный признак искусственной инсеминации, некоторые ошибочно обозначают ее в качестве метода ВРТ [21]. Это означает, что юридическая наука пока игнорирует определяющий признак предмета правового регулирования, не наделяет его правовым значением. Однако, полагаем, анализируемый критерий должен быть причислен к ряду основополагающих характеристик, способных предопределить значимые с точки зрения регламентации юридические особенности. Раскрытие его концептуального потенциала видится в последующей нормативной конкретизации прав и обязанностей участников правоотношений.

Что касается термина ЭКО, то его содержательная привязка неочевидна. В первую очередь, он применяется по отношению к *методу* оплодотворения вне организма женщины. Однако он же используется по отношению к медицинским *программам* по преодолению бесплодия, в которых предусмотрено применение метода ЭКО. При этом медицинская программа принципиально отлична от метода или технологии, так как может объединять в себе любой набор медицинских манипуляций, в том числе друг от друга независимых. Организующее начало программы исходит из уникальности целереализующего метода программы. Что позволяет относительно обособить программы друг от друга, обозначить их временные границы и описать возможности их взаимодействия. Тем самым теоретически важным является введение понятия «целереализующий метод» как основное действие по выполнению миссии программы. К примеру, в приказе Минздрава России от 31.07.2020 № 803н (далее приказ Минздрава № 803-н) говорится, что «базовой программой ВРТ является экстракорпоральное оплодотворение» [22]. Указанная *программа ЭКО* включает в себя ряд этапов, начиная с овариальной стимуляции. В качестве обязательного этапа программа содержит

«культивирование эмбрионов и перенос их в полость матки» [22], т.е. применение ее целереализующего одноименного *метода* – ЭКО.

Категория медицинских программ не подвергалась анализу в контексте теории правоотношения. Виды медицинских программ нормативно зафиксированы по факту их использования в медицинской практике. Между тем анализ категории медицинских программ представляется значимым, прежде всего, для установления начала и окончания юридической связи участников, для понимания последовательности действий, охваченных общим содержанием. В рамках определенной, специфично наполненной программы реализуются однородные, обусловленные общими принципами отношения. Благодаря их исследованию, мы определяем момент возникновения и прекращения правоотношения, вносим представления о сроках существования того или иного обязательства, проектируем «реперные точки» в структуре юридических механизмов.

Так, в качестве самостоятельной программы в законе представлено суррогатное материнство. Предусмотрено требование об отсутствии генетического родства между суррогатной матерью и ребенком, родившимся вследствие вынашивания ею донорского эмбриона. Своеобразие суррогатного материнства в России обусловлено медиализованным подходом законодателя [23]. Им же последовательно продиктовано отсутствие одиноких мужчин среди потенциальных участников этого вида медицинской помощи по преодолению бесплодия (поскольку невынашивание беременности априори не причина мужского бесплодия). В этой связи претензии о защите прав одиноких мужчин в России на применение суррогатного материнства, полагаем, надуманны [24].

Последние изменения, произошедшие на уровне подзаконных актов и разъяснений Верховного Суда РФ, внесли существенные коррективы по вопросам применения суррогатного материнства. Так, несмотря на приоритет решения суррогатной матери в вопросах установления происхождения ребенка, актуальная позиция законодателя допускает судебное оспаривание ее отказа на запись лиц, предоставивших свой генетический материал [25]. Новый порядок, установленный приказом Минздрава № 803-н, исключив возможности обхода закона с противоправной целью [26], предусмотрел изменения в статусе потенциальных родителей, заключающих договор с суррогатной матерью. Теперь их половые клетки должны быть задействованы в оплодотворении, в связи с чем Конституционный Суд РФ обозначил генетических родителей «фактическими» [27]. Генетически ребенок, рожденный суррогатной матерью, является ребенком от двух родителей (технология «ребенок от трех родителей» [28] подразумевает внедрение в морфологию яйцеклетки и в России не применяется). Трудности вызывает лишь формулировка абз. 2 п. 71 приказа Минздрава № 803-н о том, что не допускается одновременное использование донорских материалов потенциальными матерью и отцом, вступившее в противоречие с п. 9 ст. 55 Закона об охране здоровья. Отсюда берет начало спор о возможности рождения суррогатной

матерью ребенка, не состоящего в генетической связи с одним из своих потенциальных родителей [29]. Полагаем, что замысел законодателя не мог содержать поочередности в требовании родства по следующим обстоятельствам. Так, возможность рождения одинокой женщиной генетически чужого ребенка при помощи суррогатной матери исключена анализируемым приказом. Возможность рождения у одинокого мужчины ребенка от суррогатной матери, как было указано выше, в принципе не предусмотрена. При этом доступность преодоления правовых ограничений, к примеру, посредством заключения бесплодным потенциальным родителем фиктивного брака с донором с целью участия в программе суррогатного материнства, противоречила бы целям правового регулирования. Тем самым мы считаем, что положение о родстве является императивным по отношению к каждому из родителей одновременно.

В теории наблюдается расхождение в наименовании субъектов, управомоченных на получение медицинской помощи по программе суррогатного материнства. Чаще всего упоминаются «супруги-заказчики» [30], по аналогии с договором возмездного оказания услуг, что противоречит существу отношений, постулатом для которых является отсутствие коммерческого характера. С учетом изложенных выводов в отношении анализируемой программы и ее участников предлагаем рабочий вариант формулировки для законодательного закрепления: программа суррогатного материнства – вид медицинской помощи в целях преодоления бесплодия посредством применения ВРТ с участием суррогатной матери и генетических родителей (одинокой генетической матери).

Отдельного внимания заслуживают вопросы донорства. Донорство ооцитов, спермы и эмбрионов отнесено в некогда действовавших актах к числу вспомогательных репродуктивных технологий [10]. Действительно, донорский материал может быть задействован в программах ЭКО. Формализация данного факта чрезвычайно важна в расчете на успешный результат реализованной программы – родительство. Если донорство является анонимным, оно не влечет возникновения родительских прав и обязанностей. Однако для сути *технологии*, мы полагаем, не имеет значения, чей именно материал используется (собственный или донорский). Поэтому донорство гамет не может быть видом вспомогательных репродуктивных технологий. Наоборот, мы утверждаем, что это ВРТ используются для целей программы донорства (яйцеклетки могут быть оплодотворены в лабораторных условиях и переданы для криоконсервации либо имплантации). Представляется, что правоотношения донорства возникают с момента волеизъявления донора в специализированной организации о намерении жертвовать свои материалы и прекращаются в момент передачи последних на хранение в специализированную организацию. Донорство гамет обладает безусловной спецификой, обусловленной биологическими особенностями донорского материала и процедурой его получения, которая нуждается в дополнительном исследовании. Однако оно, по нашему убеждению, является неотъемлемой

составляющей института донорства, возникшего исторически ранее, имеющего самостоятельные задачи и принципы и подчиняется общим канонам этого института. В связи с чем принципиальными его чертами должны быть признаны безвозмездность и возможность отказаться от участия в программе на любом из ее этапов до момента прекращения правоотношения.

Наряду с донорством может быть задействована программа криоконсервации, которая позволяет использовать в дальнейшем половые клетки, их части и эмбрионы. Криоконсервация может быть реализована методом медленного замораживания и более эффективным, по данным современных исследований, методом витрификации. Динамика правоотношений в программе криоконсервации включает действия по замораживанию, хранению и размораживанию. Стадия переноса размороженных эмбрионов реализуется в программе ЭКО. Можно заметить, что интерес репродуктологов в последнее время смещается от приоритета достижения успешной беременности и живорождения в сторону влияния метода на здоровье будущего человека [31]. Кроме того, важно, что теоретически хранение криоконсервированного материала может быть довольно длительным. В этой связи требуется исследование для установления юридических пределов и правил использования размороженного материала с точки зрения безопасности здоровья будущего человека и соблюдения этических требований, контроля кровосмешения, смешения родственных связей между поколениями, передачи наследственных прав на находящийся на хранении эмбрион. Необходимо определить право участия пациента или самостоятельность медицинской организации в выборе между криоконсервацией или использованием свежего материала, выборе метода витрификации (к примеру, между закрытой и открытой системой), распределить ответственность за условия хранения и последующей разморозки, допустить или запретить повторную витрификацию.

В рамках становления института вспомогательной репродукции человека, как «самостоятельного по своему содержанию и последствиям экономического или не имеющего экономического содержания общественного отношения» [32], мы традиционно опираемся на признак законодательный обособленности, сформулированный С.С. Алексеевым [33], со всеми преимуществами такого подхода, и предлагаем консолидировать нормы о медицинской помощи в сфере вспомогательной репродукции в федеральном законе «О вспомогательной репродукции человека». В данном законе считаем необходимым закрепить основные биоэтические принципы, основополагающие категории, системообразующие элементы механизма правового регулирования (существующие и развивающиеся), в том числе рассмотренные в настоящей статье.

Что касается вопроса о синхронизации с семейным законодательством [34], то, по нашему мнению, формирование института вспомогательной репродукции находится за границами отрасли семейного права. Семейный кодекс РФ (ст. 51 и 52) регулирует исследуемый круг отношений рамочно, опираясь на два «краеугольных» понятия: «искусственное оплодотворение» и «имплантация эмбриона» (дополнительно – имплантация эмбриона суррогатной матери).

Попытка многих авторов поддерживать исследования вспомогательной репродукции в контексте образующегося родительства уже получила отрицательную оценку с исчерпывающей аргументацией. Так, Е.Г. Комиссаровой высказан методологически значимый тезис о том, что «семейное право интересует в первую очередь не то, что происходило до рождения ребенка, а то, от чего зависит жизнь родившегося ребенка» [9], «для семейно-правового мышления такое знание выполняет роль вспомогательного...» [9]. Тем самым «для установления оснований происхождения ребенка, рожденного вследствие применения методов вспомогательной репродукции, не имеет принципиального значения особенности его зачатия. В качестве такого юридического факта всегда будет происхождение детей, удостоверенное в установленном законом порядке» [9].

Таким образом, совершение правого регулирования вспомогательной репродукции не требует изменений семейного законодательства более, чем в той части, которая направлена на установление происхождения ребенка для целей ст. 47 СК РФ. Справедливости ради, не будем исключать такую необходимость в дальнейшем, если отечественную науку так или иначе затронут споры о праве ребенка на идентифицирующую информацию [35]; о правах родителей на геномное редактирование детей [36], пределах этих прав [37], о рождении «дизайнерских детей» [38] и др.

На сегодняшний день достаточно исследований, убеждающих в несовпадении феноменов технологического развития, и имеющих правовых форм. Их выводы приводят к умозаключению о невозможности интеграции в правовую систему продуктов системы иного предназначения в «натуральном виде». Представляется необходимым их предварительное измерение правовым мышлением, оценка биомедицинских категорий через матрицу юридических закономерностей. Это предполагает введение дополнительного «стыковочного» этапа, на котором открывается широкий диапазон возможностей создания нового правового инструментария не только в сфере вспомогательной репродукции, но и в других областях инноватики. От описания новых системообразующих категорий до создания глобальных методологических подходов теории права XXI в. [39].

Список источников

1. Большая российская энциклопедия. URL: <https://old.bigenc.ru/medicine/text/2140473> (дата обращения: 19.09.2024).
2. Приказ Министерства здравоохранения СССР от 13 мая 1987 г. № 669 «О расширении опыта по применению метода искусственной инсеминации спермой донора по медицинским показаниям». URL: <https://base.garant.ru/4176154/?ysclid=m1hly2lq39696913097> (дата обращения: 19.09.2024).
3. Основы о браке и семье. 1990. Закон 1501-1. Ст. 17. URL: <https://base.garant.ru/1566140/?ysclid=m1hlzubfyn303911355> (дата обращения: 19.09.2024).
4. Основы законодательства Российской Федерации об охране здоровья граждан от 22.07.1993 № 5487-1. утв. ВС РФ 22.07.1993 № 5487-1.
5. Приказ Минздрава РФ от 28.12.1993 № 301 «О применении метода искусственной инсеминации женщин спермой донора по медицинским показаниям и метода экстракорпорального оплодотворения и переноса эмбриона в полость матки для лечения женского бесплодия» // Минюст РФ. 10.01.1994. № 453.

6. Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 № 223-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 01.01.1996. № 1. Ст. 16.
7. Федеральный закон № 323-ФЗ от 21.11.2011 «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2011. № 48. Ст. 6724; 2019. № 52. Ст. 7770.
8. Аншина М.Б., Долгушина Н.В., Колода Ю.А., Корсак В.С., Савина В.М., Смирнова А.А. Терминология вспомогательных репродуктивных технологий: Международный глоссарий // Проблемы репродукции. 2019. № 25 (1). С. 6–15. doi: 10.17116/gerpro2019250116 (дата обращения: 19.09.2024).
9. Комиссарова Е.Г. Действующая нормативная модель происхождения ребенка в контексте биомедицинских достижений // Lex Russica. 2024. doi: 10.17803/1729-5920.2024.207.2.022-037 (дата обращения: 19.09.2024).
10. Письмо Минздрава России от 05.03.2019 № 15-4/И/2-1908 «О направлении клинических рекомендаций (протокола лечения) «Вспомогательные репродуктивные технологии и искусственная инсеминация»» (вместе с «Клиническими рекомендациями (протоколом лечения)», утв. Российским обществом акушеров-гинекологов 28.12.2018, Российской ассоциацией репродукции человека 21.12.2018) // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 15.09.2024).
11. Богданова Е.Е., Белова Д.А. Искусственная репродукция человека: поиск оптимальной модели правового регулирования. М. : Проспект, 2021. 216 с.
12. Сыманюк Э.Э., Полякова И.Г., Меньшиков А.С. Трансформация семейных связей под влиянием вспомогательных репродуктивных технологий // Quaestio Rossica. 2022. Т. 10, № 2. С. 657–676. doi: 10.15826/qr.2022.2.694
13. Довнар А.Н. Стратегии деторождения в контексте применения ВРТ: новые подходы к решению старых проблем в правовом регулировании // Медицинское право. 2024. № 2. С. 32–35.
14. Петрова Е.В., Михалевич С.И. Основные этапы преодоления бесплодия с использованием программы вспомогательных репродуктивных технологий и ее модификаций // Медицинские новости. 2012. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osnovnye-etapy-preodoleniya-besplodiya-s-ispolzovaniem-programmy-vspomogatelnyh-reproduktivnyh-tehnologiy-i-ee-modifikatsiy> (дата обращения: 10.09.2024).
15. Шарловский К.А. «Выздоровливать отсюда»: конституционно-правовое определение категории «медицинская помощь» // Сравнительное конституционное обозрение. 2024. № 1. С. 4–24.
16. CRISPR and the Future of Fertility Innovation, 23 SMU Sci. & Tech. L. Rev. 31. URL: <https://advance.lexis.com/api/document?collection=analytical-materials&id=urn:contentItem:61FC-R8P1-JWXF-248S-00000-00&context=1516831> (дата обращения: 19.09.2024).
17. Yan Zhang, Xiaomei Zhou, Ye Zhu, Hanbin Wang, Juan Xu, Yiping Su. Current mechanisms of primordial follicle activation and new strategies for fertility preservation // Molecular Human Reproduction. 2021. № 27. doi: 10.1093/MOLEHR/GAAB005
18. Мохов А.А. Стратегически значимые медицинские технологии: правовой аспект // Государство и право. 2020. № 11. С. 106–114.
19. Закон № 102-493 «Об успешности клиники фертильности и сертификации» от 24.10.1992. URL: <https://www.congress.gov/bill/102nd-congress/house-bill/4773/text> (дата обращения: 19.09.2024).
20. What is Assisted Reproductive Technology? URL: <https://www.cdc.gov/art/whatis.html> (дата обращения: 19.09.2024).
21. Лаврентьева Т.В. Особенности правового регулирования вспомогательных методов репродукции человека // Диалог. 2018. № 3 (12). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-pravovogo-regulirovaniya-vspomogatelnyh-metodov-reproduksii-cheloveka> (дата обращения: 09.09.2024).

22. Приказ Минздрава России от 31.07.2020 № 803н «О порядке использования вспомогательных репродуктивных технологий, противопоказаниях и ограничениях к их применению» (зарегистрировано в Минюсте России 19.10.2020 № 60457). Ст. 8 // СПС КонсультантПлюс (дата обращения: 15.09.2024).

23. Кириченко К.А. О двух подходах к пониманию правовой сущности вспомогательных репродуктивных технологий // *Медицинское право*. 2011. № 3. С. 35–41.

24. Хамитова Г.М., Сафиуллина З.А. Правовая проблема суррогатного материнства для одиноких отцов и пути ее решения // *Закон и право*. 2024. № 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravovaya-problema-surrogatnogo-materinstva-dlya-odinokih-ottsov-i-puti-ee-resheniya> (дата обращения: 24.09.2024).

25. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 16.05.2017 № 16 (ред. от 26.12.2017) «О применении судами законодательства при рассмотрении дел, связанных с установлением происхождения детей» // *Бюллетень Верховного Суда РФ*. 2017. № 7.

26. Трубицын М.А., Шумкина Л.И. Проблемы нормативно-правового регулирования в сфере суррогатного материнства // *Медицинское право*. 2023. № 1. С. 24–29.

27. Определение Конституционного Суда РФ от 27.09.2018 № 2318-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы граждан С.Д. и С.Т. на нарушение их конституционных прав пунктом 4 статьи 51, пунктом 3 статьи 52 Семейного кодекса Российской Федерации, пунктом 5 статьи 16 Федерального закона “Об актах гражданского состояния”, частью 9 статьи 55 Федерального закона “Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации”» // СПС «КонсультантПлюс» (документ опубликован не был).

28. Prentice D.A. 3-parent embryos, gene edited babies and the human future // *Issues Law Med*. 2017. № 32 (2). P. 233–240. PMID: 29108146. URL: <https://advance.lexis.com/api/document?collection=analytical-materials&id=urn:contentItem:5PKM-D8J0-00CW-60RW-00000-00&context=1516831/> (дата обращения: 19.09.2024).

29. Митрякова Е.С. Потенциальные родители в договоре суррогатного материнства: сужение круга лиц // *Семейное и жилищное право*. 2023. № 2. С. 14–17.

30. Бурмистрова Е.В. Правовая природа договора суррогатного материнства // *Современное право*. 2023. № 10. С. 74–78.

31. Pantos K., Maziotis E., Trypidi A., Grigoriadis S., Agapitou K., Pantou A., Nikolettos K., Kokkini G., Sfakianoudis K., Pomeroy K.O. et al. The Effect of Open and Closed Oocyte Vitrification Systems on Embryo Development: A Systematic Review and Network Meta-Analysis // *Journal of Clinical Medicine*. 2024. № 13 (9). P. 2651. doi: 10.3390/jcm13092651

32. Якушев В.С. О понятии правового института // *Избранные труды по гражданскому и хозяйственному праву*. Екатеринбург : Бизнес, менеджмент. Право, 2007. 440 с.

33. Алексеев С.С. Собрание сочинений: курс лекций : в 10 т. Т. 3: Проблемы теории права. М. : Статут, 2010. 781 с.

34. Алейникова В.В. Актуальные вопросы правоприменительной практики в сфере вспомогательных репродуктивных технологий // *Закон*. 2022. № 6. С. 126–138. doi: 10.37239/0869-4400-2022-19-6-126-138 (дата обращения: 19.09.2024).

35. Special issue assisted reproduction technology surrogacy, identity, parentage and children's right. URL: <https://advance.lexis.com/api/document?collection=analytical-materials&id=urn:contentItem:61YV-K0W1-FH4C-X0CH-00000-00&context=1516831> (дата обращения: 19.09.2024).

36. Tracey Tomlinson, A CRISPR Future for Gene-Editing Regulation: A Proposal for an Updated Biotechnology Regulatory System in an Era of Human Genomic Editing, 87 *Fordham L. Rev.* 437 (2018). URL: <https://ir.lawnet.fordham.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=5548&context=flr> (дата обращения: 19.09.2024).

37. Tara R. Melillo, Gene Editing and the Rise of Designer Babies, 50 // *Vanderbilt Law Review*. 2021. № 757. URL: <https://scholarship.law.vanderbilt.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1139&context=vjtl> (дата обращения: 19.09.2024).

38. Cwik B. Moving Beyond 'Therapy' and 'Enhancement' in the Ethics of Gene Editing // Camb Q Healthc Ethics. 2019. № 28 (4). P. 695–707. doi: 10.1017/S0963180119000641. PMID: 3152642.

39. Синюков В.Н. Право XX и XXI веков: преемственность и новизна // Lex Russica. 2021. № 2 (171). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravo-xx-i-xxi-vekov-preemstvennost-i-novizna> (дата обращения: 19.09.2024).

References

1. Lomova, M.A. (n.d.) Leonov Boris Vasilyevich. In: *Bol'shaya rossiyskaya entsiklopediya* [The Great Russian Encyclopedia]. [Online] Available from: <https://old.bigenc.ru/medicine/text/2140473> (Accessed: 19th September 2024).

2. USSR Ministry of Health. (1987) *Prikaz Ministerstva zdravookhraneniya SSSR ot 13 maya 1987 № 669 "O rasshirenii opyta po primeneniyu metoda iskusstvennoy inseminatsii spermoy donora po meditsinskim pokazaniyam"* [Order No. 669 of the USSR Ministry of Health of May 13, 1987, "On expanding the experience of using the method of artificial insemination with donor sperm for medical indications"]. [Online] Available from: <https://base.garant.ru/4176154/?ysclid=m1hly2lq39696913097> (Accessed: 19th September 2024).

3. USSR. (1990) *Osnovy o brake i sem'e. 1990. Zakon 1501-1. St. 17* [Fundamentals of Marriage and Family. 1990. Law 1501-1. Art. 17]. [Online] Available from: <https://base.garant.ru/1566140/?ysclid=m1hlzubfyn303911355> (Accessed: 19th September 2024).

4. Russian Federation. (1993) *Osnovy zakonodatel'stva Rossiyskoy Federatsii ob okhrane zdorov'ya grazhdan ot 22.07.1993 goda № 5487-1. utv. VS RF 22.07.1993 № 5487-1* [Fundamentals of the legislation of the Russian Federation on the protection of citizens' health dated July 22, 1993, No. 5487-1, approved by the Supreme Court of the Russian Federation on July 22, 1993, No. 5487-1].

5. Russian Federation. (1994) *Prikaz Minzdrava RF ot 28.12.1993 № 301 "O primenении metoda iskusstvennoy inseminatsii zhenshchin spermoy donora po meditsinskim pokazaniyam i metoda ekstrakorporal'nogo oplodotvoreniya i perenosa embriona v polost' matki dlya lecheniya zhenskogo бесплодия"* [Order No. 301 of the Ministry of Health of the Russian Federation dated December 28, 1993, "On the use of the method of artificial insemination of women with donor sperm for medical indications and the method of in vitro fertilization and embryo transfer into the uterine cavity for the treatment of female infertility"]. *Minyust RF*. 10th January. 453.

6. Russian Federation. (1996) *Semeynyy kodeks Rossiyskoy Federatsii ot 29.12.1995 № 223-FZ* [Family Code of the Russian Federation of December 29, 1995, № 223-FZ]. *Sobranie zakonodatel'stva Rossiyskoy Federatsii*. 1st January. Art. 16.

7. Russian Federation. (2011, 2019) *Federal'nyy zakon № 323-FZ ot 21.11.2011 "Ob osnovakh okhrany zdorov'ya grazhdan v Rossiyskoy Federatsii"* [Federal Law № 323-FZ of November 21, 2011, "On the Fundamentals of Health Protection of Citizens in the Russian Federation"]. *Sobranie zakonodatel'stva Rossiyskoy Federatsii*. 48. Art. 6724; 52. Art. 7770.

8. Anshina, M.B., Dolgushina, N.V., Koloda, Yu.A., Korsak, V.S., Savina, V.M. & Smirnova, A.A. (2019) Terminologiya vspomogatel'nykh reproduktivnykh tekhnologiy: Mezhdunarodnyy glossariy [Terminology of Assisted Reproductive Technologies: International Glossary]. *Problemy reproduksii*. 25(1). pp. 6–15. DOI: 10.17116/repro2019250116

9. Komissarova, E.G. (2024) *Deystvuyushchaya normativnaya model' proiskhozhdeniya rebenka v kontekste biomeditsinskikh dostizheniy* [The current normative model of the origin of the child in the context of biomedical achievements]. *Lex Russica*. DOI: 10.17803/1729-5920.2024.207.2.022-037 (Accessed: 19th September 2024).

10. Ministry of Health of the Russian Federation. (2018) *Pis'mo Minzdrava Rossii ot 05.03.2019 № 15-4/1/2-1908, O napravlenii klinicheskikh rekomendatsiy (protokola lecheniya) "Vspomogatel'nye reproduktivnye tekhnologii i iskusstvennaya inseminatsiya" (vmeste s "Klinicheskimi rekomendatsiyami (protokolom lecheniya))", utv. Rossiyskim obshchestvom akusherov-ginekologov 28.12.2018, Rossiyskoy assotsiatsiyey reproduksii cheloveka 21.12.2018))* [Letter of the Ministry of Health of the Russian Federation dated March 5, 2019, No. 15-4/1/2-1908, On the direction of clinical recommendations (treatment protocol) "Assisted reproductive technologies and artificial insemination" (together with the "Clinical recommendations (treatment protocol)", approved by the Russian Society of Obstetricians and Gynecologists on December 28, 2018, the Russian Association of Human Reproduction on December 21, 2018)]. [Online] Available from: SPS Konsul'tantPlyus (Accessed: 15th September 2024).
11. Bogdanova, E.E. & Belova, D.A. (2021) *Iskusstvennaya reproduksiya cheloveka: poisk optimal'noy modeli pravovogo regulirovaniya* [Artificial human reproduction: search for an optimal model of legal regulation]. Moscow: Prospekt.
12. Symanyuk, E.E., Polyakova, I.G. & Menshikov, A.S. (2022) Transformatsiya semeynykh svyazey pod vliyaniem vspomogatel'nykh reproduktivnykh tekhnologiy [Transformation of family ties under the influence of assisted reproductive technologies]. *Quaestio Rossica*. 10(2). pp. 657–676. DOI: 10.15826/qr.2022.2.694
13. Dovnar, A.N. (2024) Strategii detorozhdeniya v kontekste primeneniya VRT: novye podkhody k resheniyu starykh problem v pravovom regulirovanii [Childbirth strategies in the context of ART: New approaches to solving old problems in legal regulation]. *Meditinskoe pravo*. 2. pp. 32–35.
14. Petrova, E.V. & Mikhalevich, S.I. (2012) Osnovnye etapy preodoleniya besplodiya s ispol'zovaniem programmy vspomogatel'nykh reproduktivnykh tekhnologiy i ee modifikatsiy [The main stages of overcoming infertility using the assisted reproductive technology program and its modifications]. *Meditinskie novosti*. 2. [Online] Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/osnovnye-etapy-preodoleniya-besplodiya-s-ispolzovaniem-programmy-vspomogatelnyh-reproduktivnyh-tehnologiy-i-ee-modifikatsiy> (Accessed: 10th September 2024).
15. Sharlovskiy, K.A. (2024) "Vyzdoravlivat' otsyuda": konstitutsionno-pravovoe opredelenie kategorii "meditsinskaya pomoshch'" ["Recover from here": The constitutional and legal definition of the category "medical care"]. *Sravnitel'noe konstitutsionnoe obozrenie*. 1. pp. 4–24.
16. Carbone, J.R. (2020) CRISPR and the Future of Fertility Innovation. *SMU Science and Technology Law Review*. 31. [Online] Available from: <https://advance.lexis.com/api/document?collection=analytical-materials&id=urn:contentItem:61FC-R8P1-JWXF-248S-00000-00&context=1516831> (Accessed: 19th September 2024).
17. Yan Zhang, Xiaomei Zhou, Ye Zhu, Hanbin Wang, Juan Xu & Yiping Su. (2021) Current mechanisms of primordial follicle activation and new strategies for fertility preservation. *Molecular Human Reproduction*. 27. DOI: 10.1093/MOLEHR/GAAB005
18. Mokhov, A.A. (2020) Strategicheski znachimye meditsinskie tekhnologii: pravovoy aspekt [Strategically significant medical technologies: a legal aspect]. *Gosudarstvo i pravo*. 11. pp. 106–114.
19. USA. (1992) *Zakon № 102-493 "Ob uspekhnosti kliniki fertil'nosti i sertifikatsii" ot 24.10.1992* [Law No. 102-493 "On the Success of a Fertility Clinic and Certification" dated October 24, 1992]. [Online] Available from: <https://www.congress.gov/bill/102nd-congress/house-bill/4773/text>. (Accessed: 19th September 2024).
20. USA. (n.d.) *What is Assisted Reproductive Technology?* [Online] Available from: <https://www.cdc.gov/art/whatis.html> (Accessed: 19th September 2024).
21. Lavrentyeva, T.V. (2018) Osobennosti pravovogo regulirovaniya vspomogatel'nykh metodov reproduksii cheloveka [Legal regulation of assisted methods of human reproduction]. *Dialog*. 3(12). [Online] Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti>

pravovogo-regulirovaniya-vspomogatel'nyh-metodov-reproduksii-cheloveka (Accessed: 9th September 2024).

22. Russian Federation. (2020) *Prikaz Minzdrava Rossii ot 31.07.2020 № 803n "O poryadke ispol'zovaniya vspomogatel'nykh reproduktivnykh tekhnologiy, protivopokazaniyakh i ogranicheniyakh k ikh primeneniyu"* (zaregistrovano v Minyuste Rossii 19.10.2020 № 60457). St. 8 [Order No. 803n of the Ministry of Health of Russia dated July 31, 2020, "On the procedure for using assisted reproductive technologies, contraindications and restrictions on their use" (registered with the Ministry of Justice of Russia on October 19, 2020, No. 60457). Art. 8]. [Online] Available from SPS Konsul'tantPlyus (Accessed: 15th September 2024).

23. Kirichenko, K.A. (2011) O dvukh podkhodakh k ponimaniyu pravovoy sushchnosti vspomogatel'nykh reproduktivnykh tekhnologiy [On two approaches to understanding the legal essence of assisted reproductive technologies]. *Meditsinskoe pravo*. 3. pp. 35–41.

24. Khamitova, G.M. & Safiullina, Z.A. (2024) Pravovaya problema surrogatnogo materinstva dlya odinokikh otsov i puti ee resheniya [Legal problem of surrogate motherhood for single fathers and ways to solve it]. *Zakon i pravo*. 3. [Online] Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravovaya-problema-surrogatnogo-materinstva-dlya-odinokikh-otsov-i-puti-ee-resheniya> (Accessed: 24th September 2024).

25. Russian Federation. (2017) *Postanovlenie Plenuma Verkhovnogo Suda RF ot 16.05.2017 № 16 (red. ot 26.12.2017) "O primeneniі sudami zakonodatel'stva pri rassmotrenii del, svyazan-nykh s ustanovleniem proiskhozhdeniya detey"* [Resolution No. 16 of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of May 16, 2017 (as amended on December 26, 2017) "On the application of legislation by courts when considering cases related to establishing the origin of children"]. *Byulleten' Verkhovnogo Suda RF*. 7.

26. Trubitsyn, M.A. & Shumkina, L.I. (2023) Problemy normativno-pravovogo regulirovaniya v sfere surrogatnogo materinstva [Problems of legal regulation in surrogacy]. *Meditsinskoe pravo*. 2023. № 1. S. 24–29.

27. Russian Federation. (2018) *Opreделение Конституционного Суда РФ от 27.09.2018 № 2318-О, Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы граждан S.D. и S.T. на нарушение их конституционных прав пунктом 4 стат'и 51, пунктом 3 стат'и 52 Семейного кодекса Российской Федерации, пунктом 5 стат'и 16 Федерального закона "Об актах гражданского состояния", част'ю 9 стат'и 55 Федерального закона "Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации"* [Definition No. 2318-O of the Constitutional Court of the Russian Federation dated September 27, 2018, On refusal to accept for consideration the complaint of citizens S.D. and S.T. regarding the violation of their constitutional rights by Paragraph 4 of Article 51, Paragraph 3 of Article 52 of the Family Code of the Russian Federation, Paragraph 5 of Article 16 of the Federal Law "On Acts of Civil Status", Part 9 of Article 55 of the Federal Law "On the Fundamentals of Health Protection of Citizens in the Russian Federation"]. [Online] Available from: SPS Konsul'tantPlyus (the document was not published).

28. Prentice, D.A. (2017) 3-parent embryos, gene edited babies and the human future. *Issues Law Med*. 32(2). pp. 233–240. PMID: 29108146. [Online] Available from: <https://advance.lexis.com/api/document?collection=analytical-materials&id=urn:contentItem:5PKM-D8J0-00CW-60RW-00000-00&context=1516831/> (Accessed: 19th September 2024).

29. Mitryakova, E.S. (2023) Potentsial'nye roditeli v dogovore surrogatnogo materinstva: suzhenie kruga lits [Potential parents in a surrogacy agreement: narrowing the circle of persons]. *Semeynoe i zhilishchnoe pravo*. 2. pp. 14–17.

30. Burmistrova, E.V. (2023) Pravovaya priroda dogovora surrogatnogo materinstva [Legal nature of a surrogacy agreement]. *Sovremennoe pravo*. 10. pp. 74–78.

31. Pantos, K., Maziotis, E., Trypidi, A., Grigoriadis, S., Agapitou, K., Pantou, A., Nikolettos, K., Kokkini, G., Sfakianoudis, K., Pomeroy, K.O. et al. (2024) The Effect of Open and Closed Oocyte Vitriification Systems on Embryo Development: A Systematic Review and

Network Meta-Analysis. *Journal of Clinical Medicine*. 13(9). p. 2651. DOI: 10.3390/jcm13092651

32. Yakushev, V.S. (2007) *Izbrannye trudy po grazhdanskomu i khozyaystvennomu pravu* [// Selected Works on Civil and Economic Law]. Ekaterinburg: Biznes, menedzhment, pravo.

33. Alekseev, S.S. (2010) *Sobranie sochineniy* [Collected Works]. Vol. 3. Moscow: Statut.

34. Aleynikova, V.V. (2022) Aktual'nye voprosy pravoprimeritel'noy praktiki v sfere vspomogatel'nykh reproduktivnykh tekhnologiy [Current Issues of Law Enforcement Practice in the Field of Assisted Reproductive Technologies]. *Zakon*. 6. pp. 126–138. DOI: 10.37239/0869-4400-2022-19-6-126-138

35. Advance.lexis.com. (n.d.) *Special issue assisted reproduction technology surrogacy, identity, parentage and children's right*. [Online] Available from: <https://advance.lexis.com/api/document?collection=analytical-materials&id=urn:contentItem:61YV-K0W1-FH4C-X0CH-00000-00&context=1516831> (Accessed: 19th September 2024).

36. Tomlinson, T. (2018) A CRISPR Future for Gene-Editing Regulation: A Proposal for an Updated Biotechnology Regulatory System in an Era of Human Genomic Editing. *Fordham Law Review*. 87(1). [Online] Available from: <https://ir.lawnet.fordham.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=5548&context=flr> (Accessed: 19th September 2024).

37. Melillo, T.R. (2021) Gene Editing and the Rise of Designer Babies. *Vanderbilt Law Review*. 757. [Online] Available from: <https://scholarship.law.vanderbilt.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1139&context=vjtl> (Accessed: 19th September 2024).

38. Cwik, B. (2019) Moving Beyond 'Therapy' and 'Enhancement' in the Ethics of Gene Editing. *Camb Q Healthc Ethics*. 28(4). pp. 695–707. DOI: 10.1017/S0963180119000641. PMID: 3152642.

39. Sinyukov, V.N. (2021) Pravo XX i XXI vekov: preemstvennost' i novizna [Law of the 20th and 21st Centuries: Continuity and Novelty]. *Lex Russica*. 2(171). pp. 9–20.

Информация об авторе:

Краснова Т.В. – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин Института государства и права Тюменского государственного университета (Тюмень, Россия). E-mail: krasnova-tv@yandex.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

T.V. Krasnova, Tyumen State University (Tyumen, Russian Federation). E-mail: krasnova-tv@yandex.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 20.09.2024;
одобрена после рецензирования 22.01.2025; принята к публикации 19.03.2025.*

*The article was submitted 20.09.2024;
approved after reviewing 22.01.2025; accepted for publication 19.03.2025.*

Научная статья
УДК 340,13:338
doi: 10.17223/22253513/55/11

Правовые и экономические проблемы информационных отношений в структуре сельского хозяйства Кыргызской Республики

Николай Сергеевич Семенов¹, Сергей Рудольфович Семенов²

^{1,2} *Международный университет Кыргызстана, Бишкек, Кыргызстан*

¹ *frindland@mail.ru*

² *ssr2002@list.ru*

Аннотация. Рассмотрены вопросы построения информационных отношений в структуре сельского хозяйства Кыргызской Республики. Проанализированы различные подходы к построению информационной структуры, на основании представленных правовых и экономических проблем, возникших в текущих информационных отношениях управления отрасли. Даны предложения по улучшению и созданию общей правовой и экономической направленности развития информационного управления в сфере сельского хозяйства.

Ключевые слова: информационные отношения, информационная структура, сельское хозяйство, аутсорсинг, нормативные правовые акты

Для цитирования: Семенов Н.С., Семенов С.Р. Правовые и экономические проблемы информационных отношений в структуре сельского хозяйства Кыргызской Республики // Вестник Томского государственного университета. Право. 2025. № 55. С. 138–153. doi: 10.17223/22253513/55/11

Original article
doi: 10.17223/22253513/55/11

Legal and economic problems in the information structure of agriculture in the Kyrgyz Republic

Nikolai S. Semenov¹, Sergei R. Semenov²

^{1,2} *International University of Kyrgyzstan, Bishkek, Kyrgyz Republic*

¹ *frindland@mail.ru*

² *ssr2002@list.ru*

Abstract. Studying information relations, one can note their relevance in the modern information society, where the state automates and digitalizes various processes in the sectors of the national economy. One of these sectors is agriculture, which plays an important role for the Kyrgyz Republic. Lack of industry knowledge, lack of modern technologies in the cultivation of agricultural crops, as well as in the field of information interaction in the industry, including those related to the lack of certain digital skills among the rural population. Weak development of the country's information structure in the regions, lack of computer equipment and communications, including the lack of

a full-fledged Internet connection, becomes an obstacle to the creation and development of a productive industry information structure. Based on the analysis of agriculture in the Kyrgyz Republic, the main legal and economic problems were identified. For example: There is no strategy for the development of agriculture in the Kyrgyz Republic, which should become a single direction for the implementation of the industry. The existing draft Resolution of the Government of the Kyrgyz Republic "On approval of the Strategy for the Development of Agriculture in the Kyrgyz Republic" has an unfinished status; There is no specialized information support service of the state sectoral body in the field of agriculture, capable of developing and implementing new tools for digitalization of the agricultural sector; The ongoing reform of the Ministry of Agriculture of the Kyrgyz Republic leads to chaotic management processes; There is no legal institution of outsourcing, which can give impetus to the development of public-private partnerships, while this legal institution was first laid down in the draft Law "On State and Municipal Services", and then in the draft Entrepreneurial Code, but both projects are currently in a state of stagnation; There is no single portal of agricultural services, which should become a platform for the sale of agricultural products produced by domestic farmers and peasant farms; There is no resource bank of information for consulting support for agricultural production, which should be created at the level of district departments of agricultural development; The electronic network of agriculture has not been developed; Lack of a regulatory act - a provision on state information support in the information structure of the state in the field of agriculture; Reform of the staffing levels of the state sectoral apparatus, etc. Thus, the authors of this article come to the conclusion that a comprehensive approach is needed to develop information relations in the agriculture of the Kyrgyz Republic to create a common information structure of subordinate organizations of the authorized state body.

Keywords: information relations, information structure, agriculture, outsourcing, regulatory legal acts

For citation: Semenov, N.S. & Semenov, S.R. (2025) Legal and economic problems in the information structure of agriculture in the Kyrgyz Republic. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Pravo – Tomsk State University Journal of Law*. 55. pp. 138–153. (In Russian). doi: 10.17223/22253513/55/11

Сельскохозяйственный сектор Кыргызской Республики (КР) является основной составляющей экономики страны, так как 65% населения Кыргызстана проживает в сельской местности и занимается сельским хозяйством, в основном растениеводством и животноводством. Основную структуру сельскохозяйственной отрасли составляют мелкие хозяйства, имеющие в среднем 0,6 га земли в личной собственности. Отмечается - недостаток отраслевых знаний, отсутствие современных технологий при возделывании сельскохозяйственных культур, а также в области информационного взаимодействия в отрасли, в том числе связанных и с отсутствием определенных цифровых навыков у сельского населения. Слабая развитость информационной структуры в регионах, нехватка компьютерного оборудования и средств связи, в том числе и отсутствие полноценной интернет-связи, становятся препятствием для создания и развития продуктивной отраслевой информационной структуры. Современное развитие сельского хозяйства в мире диктует новые подходы к созданию сельскохозяйственных информационных структур, в том числе предусматривающих внутреннее и внешнее развитие

инфраструктуры отрасли, нацеленной на новые рынки при обеспеченности страны продовольствием. Так, в 2023 г., по данным Всемирной продовольственной организации, в КР урожай пшеницы (озимой и яровой) составил 440 тыс. т, ячменя 382 тыс. т, кукурузы 800 тыс. т, общее производство зерновых – 1,6 млн т, что ниже среднего пятилетнего уровня [1]. Засуха, маловодье и малая доступность к поливной воде – все это повлияло на урожайность производимых культур.

В 2024 г. в стране собрали на 7,5% меньше картофеля, чем годом ранее, что связано с сокращением площадей на 8%, снизился сбор табака (33%) и хлопка (27%) [2]. В связи с этим разработка сельскохозяйственной стратегии, учитывающей эти проблемы, заключается в создании единой информационной инфраструктуры отрасли. Создание системы обмена информации на разных уровнях управления окажет влияние на быстрое информирование руководства отрасли о текущей ситуации, что приведет к правильным решениям. Стратегия развития сельского хозяйства должна быть нацелена на оказание помощи в обеспечении роста производительности крестьянских (фермерских) хозяйств (КФХ) страны, даже в не таких сложных рыночных условиях, которые сложились в связи с распространением COVID-19. К числу основных приоритетов должны относиться: реструктуризация и переориентация государственных услуг в области сельского хозяйства с сосредоточением на предоставлении услуг государством и частными компаниями; перенос государственных расходов на поддержку частных товарных рынков, с учетом создания информационных систем и привлечения КФХ. Отраслевому руководству необходимо уделить особое внимание вопросам восстановления ирригационных систем, их эксплуатации и обслуживания на современном информационном уровне, с учетом размещения общей информации в информационной инфраструктуре отрасли; информировать и предлагать кредитное финансирование через сельскохозяйственный банковский сектор; решать вопросы обеспеченности семенами, сельхозтехникой и ГСМ. Сегодня вопрос роста цен на ГСМ в стране является актуальным и первостепенным. Эти меры должны быть дополнены рядом мероприятий, направленных на создание базовой сельской информационной инфраструктуры, где отраслевое планирование и финансирование должно осуществляться совместно с местными государственными органами и, возможно, и на местном уровне, что будет способствовать вовлечению местного населения и получению ими необходимых цифровых навыков, которые нужны для работы в создаваемой информационной инфраструктуре района, области, региона. Это сократит текущие проблемы в отрасли.

В настоящее время при поддержке Фонда «Сорос-Кыргызстан» Министерство водных ресурсов, сельского хозяйства и перерабатывающей промышленности КР (далее Министерство) создает телеграмм-приложение «Дыйкан-Дос» на базе чат-бота, которое должно стать онлайн-помощником фермерам. То есть предложена альтернатива распространённому мессенджеру WhatsApp, где телеграмм-бот предусматривает ссылки на ряд обуча-

ющих каналов и образовательных инструментов, что можно найти в Интернете и без данного приложения, при этом Министерством информационная инфраструктура сельскохозяйственной отрасли не учтена и не создана, нет ни стратегии развития информационной структуры, ни общей связи при оперативной работе в информационных системах управления как с государственными органами, так и с отраслевыми ведомствами. Данное приложение не предусматривает индивидуальную обработку информации фермеров и их связи с государственными порталами услуг. Созданное приложение носит информационный характер, не имеет связи с информационными государственными структурами, в том числе и на уровне отрасли с подведомственными структурами, что не в полной мере решает проблему информатизации отрасли.

За последние годы Министерство КР меняло несколько раз названия своего ведомства, что отражается на структурных подразделениях уполномоченного отраслевого государственного органа, в связи с чем происходит постоянное проведение и изменение функционального анализа подведомственных органов и уточнение задач. Последнее не способствует лучшей эффективности работы уполномоченного отраслевого государственного органа. В настоящее время реформируется информационная система Министерства.

Видение главным уполномоченным отраслевым государственным органом развития отрасли, т.е. упорядочение структуры и функций в целях создания более компактной, высокоэффективной и пользующейся у населения доверием системы управления, в ближайшей перспективе имеет неопределенности, что приводит к некоторым противоречиям и ошибкам отраслевого планирования и развития управления сельскохозяйственного сектора экономики.

На основании Указа Президента КР от 8 февраля 2021 г. «О мерах по развитию агропромышленного комплекса КР» Министерство должно обеспечить и [3]:

- создать информационно-справочную систему, предназначенную для КФХ, для повышения доступа к оперативной информации в сфере сельского хозяйства для физических и юридических лиц услуг на Государственном портале электронных услуг;

- внедрить цифровые технологии в сельском хозяйстве для обеспечения отслеживаемости и безопасности сельскохозяйственной продукции с элементами электронной коммерции;

- внедрить принцип «единого окна» в сельском хозяйстве на базе уполномоченного государственного органа по сельскому хозяйству для обеспечения доступа агробизнеса.

Из данного Указа следует, что создание единого портала сельскохозяйственных государственных услуг должно стать приоритетом цифровизации отрасли и долгосрочной связи Министерства с КФХ. Министерству нужно выработать определенное положение о государственном информационном обеспечении в информационной структуре государства для сферы сельского

хозяйства, которое на текущее время отсутствует и требует разработки. Данное положение должно предусматривать порядок создания и функционирования системы государственного информационного обеспечения в сфере сельского хозяйства республики, иметь доступ всех заинтересованных лиц на базе государственных услуг с использованием информационных технологий. Министерство должно использовать информационные ресурсы подведомственных ему организаций, органов местного самоуправления, организаций и населения страны, обеспечивая автоматизированный сбор, хранение, обработку информации с целью предоставления КФХ информационных услуг. Тем самым Министерство будет предоставлять информационную связь с другими государственными информационными системами в вопросах оказания отраслевых государственных услуг. Информация от Министерства в информационной структуре отрасли должна нести определенную значимость: по нормативным правовым актам, устанавливающим порядок осуществления государственной поддержки сельского хозяйства; уровне таможенных пошлин, объеме тарифных квот и их применении, объемах импорта и экспорта основных видов сельскохозяйственной продукции; о прогнозных и фактических показателях сельскохозяйственной продукции; о средних ценах на реализованную продукцию, где должен осуществляться анализ рынка продовольствия и запасов сельскохозяйственной продукции, удобрений; об эффективности и наличии сельскохозяйственной техники. Так как в аграрной отрасли республики за последние годы произошло усиление и увеличение экономической доли КФХ и личных подсобных хозяйств, в КФХ и личных подсобных хозяйствах наблюдается рост производства при снижении доли сельскохозяйственных предприятий. Личные подсобные хозяйства получают доход от ведения хозяйственной деятельности на приусадебных участках, и тенденция развития их имеет стабильный характер.

Доля государственных и коллективных предприятий в общем объеме ВВП сельского хозяйства в 2022 г. составила 2%, доля КФХ и личных подсобных хозяйств – 94% (уровень 2021 г.). В коллективных сельскохозяйственных предприятиях в 2022 г. произведено продукции на сумму 5 624 млн. сомов, это больше на 49%, чем в 2021 г., в КФХ – на сумму 214 280 млн сомов (+8%), в личных подсобных хозяйствах – на сумму 124 480 млн сомов (+11%), в государственных хозяйствах – на сумму 912 млн сомов (–1,7%). Объем продукции растениеводства в 2022 г. в сравнении с 2021 г. увеличился на 11% за счет сахарной свеклы (86%), бахчевых культур (25%), зерновых (23%), плодово-ягодных (13%), хлопчатника (8%).

Данные (табл. 1, 2) показывают, что КФХ имеют коммерческую направленность и высокую долю производства сельскохозяйственной продукции в стране, поэтому эти хозяйства должны быть наиболее информированными и иметь доступ к государственным порталам электронных услуг, в том числе и отраслевому, для получения оперативной и нужной информации.

Таблица 1

**Производство отдельных видов сельхозпродукции
в личных подсобных хозяйствах, тыс. т**

Продукция	Год							
	2009	2010	2015	2018	2019	2020	2021	2022
Зерно (в весе после доработки)	130,0	117,8	118,8	124,8	126,6	1123,7	88,8	111,5
Картофель	385,6	379,6	437,2	445,7	454,3	458,1	455,4	461,0
Овощи	311,1	314,3	372,1	375,2	400,3	397,9	403,9	444,7
Плоды и ягоды	135,2	125,0	139,8	169,6	180,2	179,3	181,0	187,2
Мясо (в уб. весе)	103,8	92,4	102,0	103,5	109,3	111,3	108,9	114,9
Молоко сырое	798,6	674,1	734,3	781,0	810,2	825,6	850,9	855,8
Яйца (млн шт.)	162,4	146,5	164,9	193,1	194,5	207,3	217,4	205,3
Шерсть	5,7	4,8	5,1	5,5	5,6	5,7	5,6	5,3

Источник: составлено авторами на основе данных НСК КР [4–8].

Таблица 2

**Производство основных видов сельхозпродукции
в крестьянских (фермерских) хозяйствах, тыс. т**

Продукция	Год							
	2009	2010	2015	2018	2019	2020	2021	2022
Зерно (в весе после доработки)	1696,0	1391,6	1531,0	1547,6	1583,6	1663,4	1203,0	1696,0
Хлопок-сырец	47,0	69,3	41,5	69,4	76,2	69,5	63,4	71,2
Табак	11,4	9,3	1,2	1,7	0,8	0,9	1,0	1,1
Сахарная свекла	37,8	114,1	142,0	661,4	633,6	389,3	324,5	428,0
Картофель	991,9	941,8	962,7	982,8	903,2	851,1	817,9	797,3
Овощи	506,3	481,9	669,6	709,1	724,6	722,3	699,3	705,6
Мясо (в уб. весе)	80,3	94,0	104,1	116,6	115,9	118,5	124,2	126,8
Молоко сырое	502,9	670,7	734,4	799,5	810,7	835,4	839,8	871,0
Яйца (млн шт.)	82,3	100,3	141,2	201,7	211,9	226,2	216,4	195,9
Шерсть	5,2	6,0	6,8	7,1	7,1	7,3	7,4	7,4

Источник: составлено авторами на основе данных НСК КР [4–8].

Электронная коммерция в отраслевом секторе экономики КР развита недостаточно и функционирует хаотично, что негативно влияет на экспортный потенциал сельскохозяйственной отрасли. Перестройка системы электронной коммерции для КФХ должна происходить в разработанной в правовом поле информационной структуры отрасли или развиваться параллельным путем на государственном законодательном уровне. Таким образом, в соответствии с текущим развитием информационных отношений в отрасли возникают правовые проблемы, которые требуют решения в следующих направлениях:

1. Отсутствует стратегия развития сельского хозяйства КР (далее Стратегия), которая должна предоставить основные направления развития в данной отрасли. В то же время существует проект данной Стратегии, но в нем не обозначены следующие моменты [9]:

- обязательное развитие информационной инфраструктуры с применением информационных отношений;
- повышение компьютерной грамотности;
- обеспечение интернет-соединением регионов страны;
- широкая цифровизация отрасли (включающая в себя все направления, такие как животноводство, растениеводство и т.д.).

Разработанный проект постановления Правительства КР «Об утверждении Стратегии развития сельского хозяйства КР» предусматривает (задача 3.1) формирование организационно-консультативных центров (ОКЦ), служащих информационной поддержкой для фермеров в регионах, но с расплывчатым их назначением. Будут ли ОКЦ заниматься обучением фермеров или предоставлять информацию о новых сельскохозяйственных культурах? Либо предоставлять консультации на местах по ценовой политике на рынках КР и зарубежья, чтобы фермер мог сориентироваться - что выращивать? Точно не обозначено.

Приоритетом, согласно ч. 2, является разработка и внедрение цифровых решений, способных улучшить сельскохозяйственную отрасль страны. План мероприятий, прилагающийся к Стратегии, не обозначает развитие и применение информационных отношений, что могло бы усилить сервисные услуги, связанные с формированием биржевой деятельности (где фермеры и фермерские хозяйства могут размещать свои товары напрямую через интернет-пространство), кредитной и страховой деятельностью. Часть 4 плана мероприятий предполагает создание системы коммерциализации с возможностью получать доходы на интеллектуальную продукцию. Каким образом это будет происходить? Не обозначено. Рынок интеллектуальной собственности – это результат работы авторов и правообладателей (продавцов) с одной стороны, а также различных субъектов права (покупателей) – с другой. Таким образом, продавцы и покупатели взаимодействуют друг с другом посредством договорных отношений, где роль государства минимизирована. Государство в лице уполномоченного органа – Государственной службы интеллектуальной собственности и инноваций при Кабинете Министров КР (Кыргызпатент) – осуществляет по ч. 8 Положения регистрацию объектов авторского права, ведет государственный реестр прав интеллектуальной собственности, заключает лицензионные договоры, производит сбор, распределение и выплату вознаграждений владельцам авторских прав и смежных прав и т.д. [10]. В функции Министерства функция «вести коммерциализацию с возможностью получать доходы на интеллектуальную продукцию» не входит. Система коммерциализации должна строиться при Кыргызпатенте, который в 2020 г. уже ввел систему «Гиперграф», позволяющую автоматизировать процесс сбора и выплаты авторских гонораров в электронном формате для правообладателей [11]. При этом Кыргызпатент является профильным органом в области прав интеллектуальной собственности. Общими проблемами по ч. 1 стратегии признаются: нехватка финансирования; низкий уровень знаний у руководителей хозяйствующих субъектов в

области агрономии, зооветеринарии, инженерии и экономики; упадок ирригационной системы; низкие показатели урожайности сельскохозяйственных культур и т.д.

2. Отсутствуют электронные реестры сельхозучастков, позволяющие проводить мониторинг и оценку состояния данных земель, в том числе отслеживать в формате онлайн урожайность, использование удобрений, проведение полива. Министерство должно в первую очередь осуществлять информационное взаимодействие как с частниками (фермерами, КФХ), так и с уполномоченными органами власти (Айыл Окмоту, Госрегистр). Развитие информационных отношений государственных органов с КФХ способно устранить информационную асимметричность и предоставить объективную, качественную информацию для роста производства и переработки продукции. Применение современных информационно-программных разработок и общих систем коммуникации в создании интегрированных информационных систем позволяет обеспечить быстрый сбор и размещение информации в базах данных, а также оперативно проводить расчеты в различных интеграционных ресурсах и системах [12. С. 157–158]. Основные направления развития цифрового сельского хозяйства были заложены в п. 4.5 Плана мероприятий по реализации Концепции цифровой трансформации КР на 2024–2028 гг. [13].

3. Отсутствует профильная служба информационной поддержки государственного отраслевого органа в области сельского хозяйства, способного развивать и внедрять новые инструменты цифровизации сельскохозяйственной отрасли. Существующее подструктурное подразделение «Государственное учреждение (ГУ) «АгроСмарт»» Министерства (бывшее госпредприятие) имеет только общее направление развития внутренней структуры самого Центрального аппарата Министерства, но не имеет отраслевого значения [14]. В то же время по п. 11 профильного положения ГУ «АгроСмарт» занимается вопросами развития и обслуживания информационной инфраструктуры Министерства, что может привести к созданию службы информационной поддержки. Немаловажное значение имеет для создания и развития информационной поддержки финансирование из бюджета (в полном объеме). Если существуют проблемы с бюджетным финансированием, то можно развивать аутсорсинг с привлечением частного сектора по обслуживанию государственных и муниципальных органов власти, тем самым обеспечив КФХ доступ к порталам государственных услуг. Данное направление будет способствовать и развитию консультационных услуг в режиме онлайн, что отсутствует в настоящее время, и будет сосредоточено на повышении уровня обслуживания товаропроизводителей. В настоящее время единой отраслевой службы по предоставлению информационных услуг для фермеров нет. Связано это со слабым финансовым положением фермеров, которые не могут оплачивать даже недорогую коммерческую информацию. Распространение и предоставление отраслевой информации в большинстве случаев решается за счет спонсоров, работающих в аграрном секторе [15. С. 30].

4. Отсутствует полноценный анализ целей и функций Министерства. Как следствие – несколько реформ в отрасли. С 2020 по 2021 г. Министерство было преобразовано четыре раза. В 2020 г. Министерство сельского хозяйства преобразовано в Министерство сельского хозяйства, пищевой промышленности и мелиорации, в феврале 2021 г. – в Министерство сельского, водного хозяйства и развития регионов с объединением на его базе государственных органов, таких как Государственное агентство водных ресурсов, Государственное агентство охраны окружающей среды и лесного хозяйства, Государственное агентство по делам местного самоуправления и межэтнических отношений, Государственная инспекция по ветеринарной и фитосанитарной безопасности, Государственное агентство по земельным ресурсам. В мае 2021 г. произошло выделение из общей структуры Министерства сельского, водного хозяйства и развития регионов Государственного комитета по экологии и климату в отдельное ведомство и преобразование данного ведомства в Министерство в ноябре 2021 г. [16. С. 9–10]. В 2024 г. оно было преобразовано в Министерство водных ресурсов, сельского хозяйства и перерабатывающей промышленности [17]. Таким образом, постоянная реформа в области Министерства сельского хозяйства ведет к фрагментарному управленческому процессу, без какой-либо четкой структуры управления, и к отсутствию общего видения развития отрасли.

5. Отсутствует правовой институт аутсорсинга, способный внести разнообразие в правовые отношения национального законодательства. Были попытки ввести данный институт в рамках проекта закона КР «О государственных и муниципальных услугах». В ст. 3 проекта вводилось понятие «аутсорсинг государственных и муниципальных услуг» – передача услуг государственных/муниципальных различным организациям, что позволило бы усилить частный сектор и разгрузить публичный сектор [18]. Сам процесс передачи услуг определялся Правительством КР с обозначением вида услуг, его классификации и т.д. Данный проект закона был одобрен Правительством КР и направлен в Жогорку Кенеш, где был приостановлен. В 2018–2019 гг. была попытка сформировать проект Предпринимательского кодекса КР, где предметом регулирования станла бы предпринимательская и инвестиционная деятельность, которая должна поддерживаться со стороны государства [19. С. 103]. При этом был разработан целый раздел, касающийся института аутсорсинга со своими субъектами (аутсорси и аутсорсер), порядок передачи отдельных государственных/муниципальных услуг на аутсорсинг, проведение конкурса, рассмотрение заявок, ведение мониторинга, прекращение деятельности и т.д. В настоящее время проект Предпринимательского кодекса КР находится в Министерстве экономики и коммерции КР. Ранее проект должен был быть направлен Правительством в Жогорку Кенеш до 30 мая 2019 г., но до сих пор никаких действий по нему нет [19. С. 98–99]. Принятие Предпринимательского кодекса КР позволило бы расширить возможности правовых отношений в сельском хозяйстве, с обязательной фокусировкой на решение проблем обеспечения государствен-

ных органов и органов местного самоуправления. В будущем положительными результатами с принятием данного института могут стать улучшение качества услуг и снижение затрат для публичного сектора, стабильный доход, большая конкуренция, мультиформатность сотрудничества для частного сектора.

6. Отсутствует единый портал сельскохозяйственных услуг, который становится площадкой для фермеров и фермерских хозяйств по покупке/продаже сельскохозяйственной продукции, агротехники, ветеринарных препаратов, удобрений и т.д. В его функции можно включить интернет-магазины, блоги, энциклопедии сельскохозяйственных товаров, контакты и адреса сельскохозяйственных ассоциаций и союзов. Кроме того, такой портал может нести в себе функции маркетинга того или иного товара, произведенного в регионах, и предоставлять возможности по нахождению новых рынков сбыта как в рамках интеграционных объединений (ЕАЭС, СНГ), так и в остальных странах мира.

7. Отсутствует ресурсный банк информации для консультационного обеспечения сельскохозяйственного производства, который должен быть создан на уровне районных управлений аграрного развития (РУАРов). При этом Министерство должно повышать уровень обслуживания товаропроизводителей и доводить до них всю необходимую информацию в области сельского хозяйства [20. С. 27–28]. РУАРы могут взять на себя роль информационно-консультационных служб и начать процесс внедрения и предоставления электронных услуг, что повысит осведомленность фермеров и фермерских хозяйств на местах.

8. Не разработана единая электронная сеть сельского хозяйства. Разработка данного направления позволит сформировать единый документооборот, выработать реестр государственных услуг в области сельского хозяйства.

9. Сокращение штатной численности государственного отраслевого уполномоченного органа. 29 июня 2021 г. Президент издал Указ о сокращении штатной численности государственного аппарата до 30% [21]. В соответствии с этим Указом Кабинет Министров КР начал вносить изменения в постановление Правительства КР от 22 августа 2011 г. № 473, меняя численность персонала [22]. Например, в министерствах, комитетах и органах государственной власти сократили советников и помощников глав ведомств, оставив по одной единице, кроме Министерства экономики и коммерции КР, где установлена штатная численность в размере двух советников и двух помощников [23]. Министерством данный процесс затягивается, насколько будет эффективна данная оптимизация – покажет время.

Предложения:

1. Доработать и принять проект стратегии развития сельского хозяйства КР. Включить в итоговый акт информационные отношения и цифровизацию отрасли с учетом обязательного финансирования.

2. Создать электронные реестры сельхозучастков.

3. Оптимизировать профильную службу информационной поддержки сельского хозяйства.

4. Завершить реформу уполномоченного органа в области сельского хозяйства и перейти к функционирующей структуре.

5. Внедрить правовой институт аутсорсинга, что позволит расширить правовые отношения в рамках схемы «публичный – частный сектор». Реализовать это можно посредством рассмотрения и принятия проекта Предпринимательского кодекса КР.

6. Создать единый портал сельскохозяйственных услуг. Разработать нормативный правовой акт – положение о государственном информационном обеспечении в информационной структуре государства в сфере сельского хозяйства.

7. Создать ресурсный банк информации для консультационного обеспечения сельскохозяйственного производства на уровне РУАРов.

8. Создать электронную сеть сельского хозяйства.

9. Реформировать штатную численность Министерства и его подведомственных структур.

В настоящее время сельское хозяйство КР имеет ряд проблем, которые должны решаться на уровне Президента КР и Кабинета Министров КР, особенно внимание следует уделить развитию информационных отношений в рамках цифровизации отрасли. Цифровизация должна носить системный характер, а не временный. Последним примером служит Указ Президента КР от 21 июля 2021 г., направленный на формирование Наблюдательного совета по вопросам цифровизации при Президенте КР, который будет курировать цифровую трансформацию в области взаимодействия государственных органов, проектов и программ в этой сфере [24].

Список источников

1. Global information and early warning system // Kyrgyzstan 2023. FAO UN. URL: <https://www.fao.org/giews/countrybrief/country.jsp?code=KGZ&lang=en> (дата обращения: 20.12.2024).

2. В Кыргызстане в 2024 г. Снизился урожай картофеля // Kaktus media. URL: https://kaktus.media/doc/517092_v_kyrgyzstane_v_2024_gody_snizilsia_yrojaj_kartofelia_nazvany_prichiny.html (дата обращения: 20.12.2024).

3. Указ Президента Кыргызской Республики «О мерах по развитию агропромышленного комплекса Кыргызской Республики». Принят от 8 февраля 2021 г. УП № 25. URL: <https://cbd.minjust.gov.kg/430381/edition/1041448/ru> (дата обращения: 20.12.2024).

4. Базы данных Национального Статистического Комитета КР. URL: <http://stat.kg/ru/publications/collection/> (дата обращения: 20.12.2024).

5. Сельское хозяйство Кыргызской Республики 2018–2022 г. Бишкек : НСК КР, 2023. 99 с.

6. Статистический ежегодник Кыргызстан в Цифрах (2014 г.). Бишкек : НСК КР, 2014. 341 с.

7. Статистический ежегодник Кыргызстан в Цифрах (2019 г.). Бишкек : НСК КР, 2019. 334 с.

8. Статистический ежегодник Кыргызстан в Цифрах (2023 г.). Бишкек : НСК КР, 2024. 397 с.

9. Проект Постановления Правительства Кыргызской Республики «Об утверждении Стратегии развития сельского хозяйства Кыргызской Республики» // Правительство Кыргызской Республики. URL: <https://www.gov.kg/ru/npa/s/2594> (дата обращения: 20.12.2024).

10. Положение о Государственной службе интеллектуальной собственности и инноваций при Правительстве Кыргызской Республики. Утверждено Постановлением Правительства Кыргызской Республики от 28 февраля 2017 г. № 126. URL: <http://patent.kg/ru/about-us-2/regulation/> (дата обращения: 20.12.2024).

11. Кыргызпатент автоматизировал сбор и выплату авторских гонораров. Государственная служба интеллектуальной собственности и инноваций при Министерстве экономики и финансов Кыргызской Республики. URL: <http://patent.kg/ru/2021/02/16/barometr-kg-%D0%BA%D1%8B%D1%80%D0%B3%D1%8B%D0%B7%D0%BF%D0%B0%D1%82%D0%B5%D0%BD%D1%82-%D0%B0%D0%B2%D1%82%D0%BE%D0%BC%D0%B0%D1%82%D0%B8%D0%B7%D0%B8%D1%80%D0%BE%D0%B2%D0%B0%D0%BB-%D1%81%D0%B1%D0%BE/> (дата обращения: 20.12.2024).

12. Семенов С.Р., Семенов Н.С. Формирование экономических и информационных отношений в сельскохозяйственном секторе Кыргызской Республики // Вестник Нац. акад. наук Беларуси. Сер. аграр. наук. 2021. Т. 59, № 2. С. 151–159. doi: 10.29235/1817-7204-2021-59-2-151-159

13. План мероприятий по реализации Концепции цифровой трансформации Кыргызской Республики на 2024–2028 гг. Утвержден Распоряжением Кабинета Министров КР от 23 июля 2024 г. № 444-р. URL: <https://cbd.minjust.gov.kg/57-19271/edition/14721/ru> (дата обращения: 20.12.2024).

14. Положение о государственном учреждении «АгроСмарт» при Министерстве водных ресурсов, сельского хозяйства и перерабатывающей промышленности Кыргызской Республики. Утверждено Постановлением Кабинета Министров Кыргызской Республики от 6 сентября 2024 г. № 544. URL: <https://cbd.minjust.gov.kg/7-33151/edition/17627/ru> (дата обращения: 20.12.2024).

15. Семенов С.Р., Семенов Н.С. Развитие информационных и консультационных услуг в системе информационных отношений сельскохозяйственной отрасли Кыргызской Республики // Вестник Нац. акад. наук Беларуси. Сер. аграр. наук. 2022. Т. 60, № 1. С. 23–34. doi: 10.29235/1817-7204-2022-60-1-23-34

16. Семенов С.Р., Семенов Н.С. Экономический и правовой потенциал сельскохозяйственной отрасли Кыргызской Республики в условиях цифрового развития общества // Вестник Нац. акад. наук Беларуси. Сер. аграр. наук. 2023. Т. 61, № 1. С. 7–21. doi: 10.29235/1817-7204-2023-61-1-7-21

17. Положение о Министерстве водных ресурсов, сельского хозяйства и перерабатывающей промышленности Кыргызской Республики. Утверждено Постановлением Кабинета Министров КР от 7 марта 2024 г. № 98. URL: <https://cbd.minjust.gov.kg/230004108/edition/5875/ru> (дата обращения: 20.12.2024).

18. О проекте Закона Кыргызской Республики «О государственных и муниципальных услугах». Постановление Правительства Кыргызской Республики от 30 апреля 2012 г. № 264. URL: <http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/93554?cl=ru-ru> (дата обращения: 20.12.2024).

19. Ганиева Т.И. Стратегия будущего – предпринимательский кодекс Кыргызской Республики // Российское предпринимательство: от мануфактуры к цифровой экономике и кластерным конструкциям : сб. материалов II Всерос. Морозовских Чтений, Орехово-Зуево, 27–28 сентября 2019 г. Орехово-Зуево : Государственный гуманитарно-технологический университет, 2019. С. 98–105.

20. Семенов С.Р. Совершенствование информационного обеспечения в управлении сельским хозяйством Кыргызской Республики. Бишкек : Международный университет Кыргызстана, 2021. 170 с.

21. Указ Президента Кыргызской Республики «О сокращении численности государственного аппарата». Принят от 29 июня 2021 г. № 278. URL: http://www.president.kg/ru/sobytiya/ukazy/19934_podpisan_ukaz_osokrashenii_chislennosti_gosudarstvennogo_apparata (дата обращения: 20.12.2024).

22. О внесении изменений в некоторые решения Правительства Кыргызской Республики по вопросам предельной штатной численности государственных органов исполнительной власти Кыргызской Республики. Постановление Кабинета Министров Кыргызской Республики от 8 июля 2021 г. № 63. URL: <https://www.gov.kg/ru/npa/s/3190> (дата обращения: 20.12.2024).

23. О внесении изменения в постановление Правительства Кыргызской Республики «О предельной штатной численности министерств, административных ведомств и иных государственных органов Кыргызской Республики» от 22 августа 2011 года № 473. Постановление Кабинета Министров Кыргызской Республики от 7 июля 2021 г. № 59. URL: <https://www.gov.kg/ru/npa/s/3189> (дата обращения: 20.12.2024).

24. Указ Президента Кыргызской Республики «О дальнейших мерах цифровой трансформации Кыргызской Республики». Принят от 21 июля 2021 г. № 305. URL: http://www.president.kg/ru/sobytiya/ukazy/20136_podpisan_ukaz_odalneyshih_merakh_cifrovoy_transformacii_kirgizskoy_respubliki (дата обращения: 20.12.2024).

References

1. The Kyrgyz Republic. (2023) *Global information and early warning system*. [Online] Available from: <https://www.fao.org/giews/countrybrief/country.jsp?code=KGZ&lang=en> (Accessed: 20th December 2024).

2. Kaktus media. (2024) *V Kyrgyzstane v 2024 g. snizilsya urozhay kartofelya* [Potato harvest decreased in Kyrgyzstan in 2024]. [Online] Available from: https://kaktus.media/doc/517092_v_kyrgyzstane_v_2024_gody_snizilsia_yrojay_kartofelia_nazvany_prichiny.html (Accessed: 20th December 2024).

3. The Kyrgyz Republic. (2021) *Ukaz Prezidenta Kyrgyzskoy Respubliki "O merakh po razvitiyu agropromyshlennogo kompleksa Kyrgyzskoy Respubliki"*. Prinyat ot 8 fevralya 2021 g. UP № 25 [Decree of the President of the Kyrgyz Republic "On measures to develop the agro-industrial complex of the Kyrgyz Republic." Adopted on February 8, 2021. UP No. 25]. [Online] Available from: <https://cbd.minjust.gov.kg/430381/edition/1041448/ru> (Accessed: 20th December 2024).

4. The Kyrgyz Republic. (n.d.) *Bazy dannykh Natsional'nogo Statisticheskogo Komiteta KR* [Databases of the National Statistical Committee of the Kyrgyz Republic]. [Online] Available from: <http://stat.kg/ru/publications/collection/> (Accessed: 20th December 2024).

5. The Kyrgyz Republic. (2023) *Sel'skoe khozyaystvo Kyrgyzskoy Respubliki 2018–2022 g.* [Agriculture of the Kyrgyz Republic 2018–2022]. Bishkek: NSC KR.

6. The Kyrgyz Republic. (2014) *Statisticheskyy ezhegodnik Kyrgyzstan v Tsifrakh (2014 g.)* [Statistical Yearbook Kyrgyzstan in Figures (2014)]. Bishkek: NSK KR.

7. The Kyrgyz Republic. (2019) *Statisticheskyy ezhegodnik Kyrgyzstan v Tsifrakh (2019 g.)* [Statistical Yearbook Kyrgyzstan in Figures (2019)]. Bishkek: NSK KR.

8. The Kyrgyz Republic. (2024) *Statisticheskyy ezhegodnik Kyrgyzstan v Tsifrakh (2023 g.)* [Statistical Yearbook Kyrgyzstan in Figures (2023)]. Bishkek: NSK KR.

9. The Kyrgyz Republic. (n.d.) *Proekt Postanovleniya Pravitel'stva Kyrgyzskoy Respubliki "Ob utverzhdenii Strategii razvitiya sel'skogo khozyaystva Kyrgyzskoy Respubliki"* [Draft Resolution of the Government of the Kyrgyz Republic "On Approval of the Strategy for the Development of Agriculture of the Kyrgyz Republic"]. [Online] Available from: <https://www.gov.kg/ru/npa/s/2594> (Accessed: 20th December 2024).

10. The Kyrgyz Republic. (2017) *Polozhenie o Gosudarstvennoy sluzhbe intellektual'noy sobstvennosti i innovatsiy pri Pravitel'stve Kyrgyzskoy Respubliki*. Utverzhdeno Postanovleniem Pravitel'stva Kyrgyzskoy Respubliki ot 28 fevralya 2017 g. № 126 [Regulation on the State

Service for Intellectual Property and Innovation under the Government of the Kyrgyz Republic. Approved by the Resolution of the Government of the Kyrgyz Republic dated February 28, 2017, No. 126]. [Online] Available from: <http://patent.kg/ru/about-us-2/regulation/> (Accessed: 20th December 2024).

11. The Kyrgyz Republic. (n.d.) *Kyrgyzpatent avtomatiziroval sbor i vyplatu avtorskikh gonorarov. Gosudarstvennaya sluzhba intellektual'noy sobstvennosti i innovatsiy pri Ministerstve ekonomiki i finansov Kyrgyzskoy Respubliki* [Kyrgyzpatent automated the collection and payment of royalties. State Service for Intellectual Property and Innovations under the Ministry of Economy and Finance of the Kyrgyz Republic]. [Online] Available from: <http://patent.kg/ru/2021/02/16/barometr-kg-%D0%BA%D1%8B%D1%80%D0%B3%D1%8B%D0%B7%D0%BF%D0%B0%D1%82%D0%B5%D0%BD%D1%82-%D0%B0%D0%B2%D1%82%D0%BE%D0%BC%D0%B0%D1%82%D0%B8%D0%B7%D0%B8%D1%80%D0%BE%D0%B2%D0%B0%D0%BB-%D1%81%D0%B1%D0%BE/> (Accessed: 20th December 2024).

12. Semenov, S.R. & Semenov, N.S. (2021) Formirovanie ekonomicheskikh i informatsionnykh otnosheniy v sel'skokhozyaystvennom sektore Kyrgyzskoy Respubliki [Formation of Economic and Information Relations in the Agricultural Sector of the Kyrgyz Republic]. *Vestnik Nats. akad. navuk Belarusi. Ser. agrar. navuk.* 59(2). pp. 151–159. DOI: 10.29235/1817-7204-2021-59-2-151-159

13. The Kyrgyz Republic. (2024) *Plan meropriyatiy po realizatsii Kontseptsii tsifrovoy transformatsii Kyrgyzskoy Respubliki na 2024–2028 gg. Utverzhden Rasporyazheniem Kabineta Ministrov KR ot 23 iyulya 2024 g. № 444-r* [Action Plan for the Implementation of the Digital Transformation Concept of the Kyrgyz Republic for 2024–2028. Approved by the Order of the Cabinet of Ministers of the Kyrgyz Republic dated July 23, 2024, No. 444-r]. [Online] Available from: <https://cbd.minjust.gov.kg/57-19271/edition/14721/ru> (Accessed: 20th December 2024).

14. The Kyrgyz Republic. (2024) *Polozhenie o gosudarstvennom uchrezhdenii "AgroSmart" pri Ministerstve vodnykh resursov, sel'skogo khozyaystva i pererabatyvayushchey promyshlennosti Kyrgyzskoy Respubliki. Utverzhdeno Postanovleniem Kabineta Ministrov Kyrgyzskoy Respubliki ot 6 sentyabrya 2024 g. № 544* [Regulation on the state institution "AgroSmart" under the Ministry of Water Resources, Agriculture and Processing Industry of the Kyrgyz Republic. Approved by the Resolution of the Cabinet of Ministers of the Kyrgyz Republic dated September 6, 2024 No. 544]. [Online] Available from: <https://cbd.minjust.gov.kg/7-33151/edition/17627/ru> (Accessed: 20th December 2024).

15. Semenov, S.R. & Semenov, N.S. (2022) Razvitie informatsionnykh i konsultatsionnykh uslug v sisteme informatsionnykh otnosheniy sel'skokhozyaystvennoy otrasli Kyrgyzskoy Respubliki [Development of information and consulting services in the system of information relations of the agricultural sector of the Kyrgyz Republic]. *Vestnik Nats. akad. navuk Belarusi. Ser. agrar. navuk.* 60(1). pp. 23–34. DOI: 10.29235/1817-7204-2022-60-1-23-34

16. Semenov, S.R. & Semenov, N.S. (2023) Ekonomicheskiy i pravovoy potentsial sel'skokhozyaystvennoy otrasli Kyrgyzskoy Respubliki v usloviyakh tsifrovogo razvitiya obshchestva [Economic and legal potential of the agricultural sector of the Kyrgyz Republic in the context of digital development of society]. *Vestnik Nats. akad. navuk Belarusi. Ser. agrar. navuk.* 61(1). pp. 7–21. DOI: 10.29235/1817-7204-2023-61-1-7-21

17. The Kyrgyz Republic. (2024) *Polozhenie o Ministerstve vodnykh resursov, sel'skogo khozyaystva i pererabatyvayushchey promyshlennosti Kyrgyzskoy Respubliki. Utverzhdeno Postanovleniem Kabineta Ministrov KR ot 7 marta 2024 g. № 98* [Regulation on the Ministry of Water Resources, Agriculture and Processing Industry of the Kyrgyz Republic. Approved by the Resolution of the Cabinet of Ministers of the Kyrgyz Republic dated March 7, 2024, No. 98]. [Online] Available from: <https://cbd.minjust.gov.kg/230004108/edition/5875/ru> (Accessed: 20th December 2024).

18. The Kyrgyz Republic. (2012) *O proekte Zakona Kyrgyzskoy Respubliki "O gosudarstvennykh i munitsipal'nykh uslugakh."* *Postanovlenie Pravitel'stva Kyrgyzskoy Respubliki ot 30 aprelya 2012 g. № 264.* [On the draft Law of the Kyrgyz Republic "On state and municipal services". Resolution of the Government of the Kyrgyz Republic dated April 30, 2012 No. 264]. [Online] Available from: <http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/93554?cl=ru-ru> (Accessed: 20th December 2024).

19. Ganieva, T.I. (2019) *Strategiya budushchego – predprinimatel'skiy kodeks Kyrgyzskoy Respubliki* [Strategy of the Future – the Entrepreneurial Code of the Kyrgyz Republic]. *Rossiyskoe predprinimatel'stvo: ot manufakturny k tsifrovoy ekonomike i klasternym konstruktivam* [Russian Entrepreneurship: from Manufacturing to the Digital Economy and Cluster Structures]. Proc. of the Second Morozov Readings. Orekhovo-Zuevo, September 27–28, 2019. Orekhovo-Zuevo: State University for Humanities and Technology. pp. 98–105.

20. Semenov, S.R. (2021) *Sovershenstvovanie informatsionnogo obespecheniya v upravlenii sel'skim khozyaystvom Kyrgyzskoy Respubliki* [Improving Information Support in Agricultural Management in the Kyrgyz Republic]. Bishkek: International University of Kyrgyzstan.

21. The Kyrgyz Republic. (2021) *Ukaz Prezidenta Kyrgyzskoy Respubliki "O sokrashchenii chislennosti gosudarstvennogo apparata."* *Prinyat ot 29 iyunya 2021 g. № 278* [Decree of the President of the Kyrgyz Republic "On Reducing the Number of State Apparatus". Adopted on June 29, 2021, No. 278]. [Online] Available from: http://www.president.kg/ru/sobytiya/ukazy/19934_podpisan_ukaz_osokrashenii_chislennosti_gosudarstvennogo_apparata (Accessed: 20th December 2024).

22. The Kyrgyz Republic. (2021) *O vnesenii izmeneniy v nekotorye resheniya Pravitel'stva Kyrgyzskoy Respubliki po voprosam predel'noy shtatnoy chislennosti gosudarstvennykh organov ispolnitel'noy vlasti Kyrgyzskoy Respubliki.* *Postanovlenie Kabineta Ministrov Kyrgyzskoy Respubliki ot 8 iyulya 2021 g. № 63* [On amendments to some decisions of the Government of the Kyrgyz Republic on the maximum staffing levels of state executive bodies of the Kyrgyz Republic. Resolution of the Cabinet of Ministers of the Kyrgyz Republic dated July 8, 2021, No. 63]. [Online] Available from: <https://www.gov.kg/ru/npa/s/3190> (Accessed: 20th December 2024).

23. The Kyrgyz Republic. (2021) *O vnesenii izmeneniya v postanovlenie Pravitel'stva Kyrgyzskoy Respubliki "O predel'noy shtatnoy chislennosti ministerstv, administrativnykh vedomstv i inyykh gosudarstvennykh organov Kyrgyzskoy Respubliki"* *ot 22 avgusta 2011 goda № 473.* *Postanovlenie Kabineta Ministrov Kyrgyzskoy Respubliki ot 7 iyulya 2021 g. № 59* [On Amendments to the Resolution of the Government of the Kyrgyz Republic "On the Maximum Staffing Level of Ministries, Administrative Departments and Other State Bodies of the Kyrgyz Republic" dated August 22, 2011, No. 473. Resolution of the Cabinet of Ministers of the Kyrgyz Republic dated July 7, 2021, No. 59]. [Online] Available from: <https://www.gov.kg/ru/npa/s/3189> (Accessed: 20th December 2024).

24. The Kyrgyz Republic. (2021) *Ukaz Prezidenta Kyrgyzskoy Respubliki "O dal'neyshikh merakh tsifrovoy transformatsii Kyrgyzskoy Respubliki."* *Prinyat ot 21 iyulya 2021 g. № 305* [Decree of the President of the Kyrgyz Republic "On Further Measures of Digital Transformation of the Kyrgyz Republic." Adopted on July 21, 2021, No. 305]. [Online] Available from: http://www.president.kg/ru/sobytiya/ukazy/20136_podpisan_ukaz_odalneyshih_merakh_cifrovoy_transformatsii_kirgizskoy_respubliki (Accessed: 20th December 2024).

Информация об авторах:

Семенов Н.С. – кандидат юридических наук, и.о. доцента кафедры юриспруденции и международного права Международного университета Кыргызстана (Бишкек, Кыргызстан). E-mail: frindland@mail.ru.

Семенов С.Р. – кандидат экономических наук, и.о. доцента кафедры международного бизнеса Международного университета Кыргызстана (Бишкек, Кыргызстан). E-mail: ssr2002@list.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

S.N. Sergeevich, PhD in Law, Acting Associate Professor of the Department of Jurisprudence and International Law of the International University of Kyrgyzstan. E-mail: frindland@mail.ru

S.R. Semenov, PhD in Economics, Acting Associate Professor of the Department of International Business of the International University of Kyrgyzstan. E-mail: ssr2002@list.ru

The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 21.12.2024;
одобрена после рецензирования 22.02.2025; принята к публикации 19.03.2025.*

*The article was submitted 21.12.2024;
approved after reviewing 22.02.2025; accepted for publication 19.03.2025.*

Научная статья

УДК 347.1

doi: 10.17223/22253513/55/12

Добросовестность в гражданском праве: законодательство, доктрина, судебная практика

Лариса Владимировна Щенникова¹

¹ *Кубанский государственный университет, Краснодар, Россия,
shchennikova_larisa@mail.ru*

Аннотация. Автор, основываясь на многочисленных работах российских и зарубежных цивилистов, последовательно выделяет сущностные характеристики, из которых складывается современное понятие добросовестности в гражданском праве. Доказывается, что в отсутствии точного законодательного определения именно добросовестность составляет этическую ценность, позволяя исправлять проявления несправедливости в отдельных случаях благодаря судебной практике и выступая общим ориентиром для развития гражданского законодательства. Анализируется судебная практика российских судов, а также судов Канады, ЮАР, ОАЭ и Нигерии.

Ключевые слова: гражданское законодательство, основные начала, добросовестность, разумность, справедливость, судебная практика

Для цитирования: Щенникова Л.В. Добросовестность в гражданском праве: законодательство, доктрина, судебная практика // Вестник Томского государственного университета. Право. 2025. № 55. С. 154–168. doi: 10.17223/22253513/55/12

Original article

doi: 10.17223/22253513/55/12

Good faith in civil law: legislation, doctrine, case law

Larisa V. Shchennikova¹

¹ *Kuban State University, Krasnodar, Russian Federation, shchennikova_larisa@mail.ru*

Abstract. The purpose of this publication is to provide a comprehensive analysis of the current civil legislation, legal doctrine, and modern case law with regard to the understanding of the obligation of good faith and its implementation in the practice of property relations between participants in civil turnover.

In this context, the author sets the following objectives: to evaluate the results of the modernization of codified civil legislation from the perspective of this requirement; to construct a collective image of the category of good faith as an outcome of scholarly inquiry; and to demonstrate, using specific examples from both Russian and foreign case law, the challenges of applying this requirement in the texts of adopted judicial decisions.

The article is based on the analysis of publications by Russian and foreign civil law scholars, including researchers from the USA, Germany, Canada, South Africa, and Nigeria.

In the course of the study, general scientific methods were employed, including analysis, synthesis, induction and deduction, comparison, and abstraction, as well as specific legal methods, including comparative legal analysis, systemic interpretation, and legal modeling.

The article arrives at the following conclusions:

1. Since good faith, in a broad philosophical sense, consists in preserving human dignity, attentiveness to the higher aspirations of the spirit and life, the scholarly exploration of this concept carries significant educational value. It inspires new generations to engage in scientific inquiry and to uphold and enrich moral ideals.

2. It can be stated that the objective of modernizing civil legislation—namely, the consistent incorporation of the principle of good faith into its content—has been achieved.

3. In its positive form, which characterizes the behavior of participants in civil transactions, good faith encompasses the requirements of honesty, trust, benevolence, truthfulness, diligence, impartiality, integrity, humanity, solidarity, and equality.

In its negative form, good faith implies a prohibition on obtaining unjust advantages and on abusive conduct by participants in civil turnover.

4. The obligation of good faith enables contracting parties, with the assistance of judicial authorities, to prevent the imposition of excessively broad obligations by the other party—particularly in cases involving financial institutions. It also protects implied or ancillary obligations, including those arising from the nature of the transaction, and serves to strengthen the stability of contracts that conform to moral standards and good conscience.

5. In the absence of a precise statutory definition, the concept of good faith possesses ethical value, allowing courts to remedy instances of injustice on a case-by-case basis and serving as a general guiding principle for the development of civil legislation.

Keywords: civil legislation, fundamental principles, good faith, reasonableness, fairness, case law

For citation: Shchennikova, L.V. (2025) Good faith in civil law: legislation, doctrine, case law. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Pravo – Tomsk State University Journal of Law*. 55. pp. 154–168. (In Russian). doi: 10.17223/22253513/55/12

Только разум, наука, воля, совесть возвышают человека. Думать, что можно иначе возвыситься, может только глупец.

Абай Кунанбаев [1]

Об общеправовом аспекте исследуемого понятия

Разговор о добросовестности начну с упоминания исследования В.А. Кожевникова, русского философа, историка культуры и публициста, которое увидело свет в 1909 г. и было названо «О добросовестности в вере и неверии» [2]. Внимание именно на эту работу обратили мои студенты, и я открыла для себя очень широкий взгляд на категорию добросовестности, высказанный в начале XX в. философом, которого Н.А. Бердяев не без основания называл «человеком необъятной учёности» [3]. В концепции В.А. Кожевникова добросовестность для человека сродни вере и связана с общим поиском смысла жизни. «Сам поиск, – говорил учёный, – болезнен и мучителен, но важно добросовестно пережить выпавшие на долю и человека, и общества страдания, сохранив своё достоинство» [2. С. 1].

Таким образом, добросовестность в широком философском смысле и состоит в сохранении человеческого достоинства. Достойная жизнь, по мнению В.А. Кожевникова, предполагает равнодушие к высшим запросам духа и жизни, стремление к идеалам, нравственную энергию и дисциплину. Невозможно сохранить достоинство, если пребываешь в «нравственной апатии и неряшливости», если ты «живёшь на авось», дремлешь и расслаблен [2. С. 5]. Вот почему с широты философского взгляда добросовестность можно было связать с развитием науки. И эта сторона добросовестности называлась учёным «умственной добросовестностью». Добросовестный человек не вправе, подчёркивал В.А. Кожевников, уклоняться от активных научных поисков истины и ради самого себя, и ради всего человечества. Он должен видеть проблемы, в них вникать, «сродниться» с ними, классифицировать, настойчиво добиваясь результатов, превращая неясное в доказанные научные факты. Отказ от человеческого достоинства, а значит, добросовестности как принципа своей жизни хотя бы одним человеком может привести в концепции философа к катастрофическим последствиям, вплоть до уничтожения всего человеческого рода. Таким образом, в исследованиях проблемы добросовестности заложен большой воспитательный смысл, настраивающий новое поколение на труд научных поисков, преумножение нравственных идеалов и сохранение так необходимого и отдельному человеку, и всему обществу – достоинства.

Добросовестность в российском гражданском законодательстве

Сегодня добросовестность, без преувеличения, стала своеобразным знаменем гражданско-правового регулирования. Более двух десятков статей кодифицированного гражданского закона России о ней специально упоминают. Помимо общего призыва к участникам гражданских правоотношений действовать добросовестно (п. 3 ст. 1 Гражданского кодекса Российской Федерации) [4], законодатель красной нитью проводит данное требование практически через все гражданско-правовые институты, устанавливая общую презумпцию добросовестности (п. 5 ст. 10 ГК РФ). Добросовестным, по букве закона, необходимо быть при применении аналогии права (п. 2 ст. 6 ГК РФ). О добросовестности неизменно упоминается в диспозициях гражданско-правовых норм, закрепляющих обязанности законных представителей. Институт юридических лиц также основывается на требовании добросовестности. Несоблюдение требования добросовестности, по логике законодателя, связано напрямую с институтом недействительности сделок. Вот почему о ней упоминает п. 1 ст. 167 ГК РФ, устанавливая общие последствия недействительности сделки. Важность этого требования подчёркивается в п. 2 ст. 179 ГК РФ в связи с уточнением понимания сделок, заключённых под влиянием обмана. О добросовестности говорят и нормы вещного права. Так, п. 1 ст. 220 ГК РФ призывает к добросовестности лиц, осуществляющих переработку движимой вещи для себя. Приобрести право собственности по давности в соответствии с п. 1 ст. 234 ГК РФ возможно только при

условии добросовестности владения. Как представляется, особое значение требованию добросовестного поведения придают нормы обязательственного права. И это касается как общих положений об обязательствах, так и норм, регулирующих отдельные виды обязательств (п. 3 ст. 602 ГК РФ, ст. 662 ГК РФ). Не составляют исключения в части призыва сторон к добросовестным действиям нормы наследственного и интеллектуального права. Важно отметить, что проведенная в России модернизация гражданского законодательства одной из главных целей видела последовательное введение именно начала добросовестности в содержание гражданско-правового регулирования. И можно констатировать, что поставленная цель была достигнута.

Цивилистическая доктрина о понятии добросовестности

Проблема поисков содержания категории добросовестности волновала представителей гражданско-правовой науки, без преувеличения, на протяжении веков, однако точка, свидетельствующая об её исследованности, так и не была поставлена. Вот почему представляется важным обратиться к опыту накопленных определений данного понятия, при этом особое внимание уделив достижениям зарубежной цивилистики в этом вопросе. Важно отметить, что процессы активного поиска понимания добросовестности сегодня затрагивают широкий круг стран, включая в том числе Южно-Африканскую республику (ЮАР), Объединенные Арабские Эмираты (ОАЭ) и Нигерию. Изучение литературы, касающейся опыта закрепления понимания добросовестности в законодательствах этих стран, а также его судебного применения, позволит расширить известный круг доктринальных источников, углубив понимание исследуемой категории. Итак, из каких характеристик складывалось цивилистической доктриной понимание добросовестности в гражданском праве.

В-первую очередь, это честность, а точнее, «честное исполнение своих обязанностей». Именно так характеризует добросовестность словарь С.И. Ожегова [5. С. 145]. На этой характеристике настаивал и М.М. Агарков [6. С. 375].

Вторая черта – это доверие, которое, как утверждали учёные, каждый участник гражданско-правовых отношений должен оправдывать и без которого невозможно совершение гражданско-правовых сделок.

Третья составляющая требования добросовестности состоит в доброжелательстве. Об этой характеристике добросовестности писал И.Б. Новицкий [7. С. 60].

Четвертым элементом возможно назвать правдивость, на чём настаивал В.И. Даль в своём толковом словаре. Великий энциклопедист о добросовестности писал в значении праводушия, правдивости и даже «строгой благобязненности» в поступках [8. С. 445].

В-пятых, добросовестность предполагает соблюдение нравственного принципа взаимности. На этой характеристике настаивали А. Жалинский и А. Рёрихт [9].

Шестая характеристика может быть связана с достоверным информированием. На этой стороне добросовестности настаивал М.Г. Розенберг [10. С. 44].

В-седьмых, добросовестность возможно также связать с не причинением участниками гражданского оборота вреда. На эту характеристику обращал внимание В.А. Белов [11. С. 50].

Восьмым сущностным проявлением добросовестности можно назвать «поиск справедливости», о чем писал Д.В. Дождев [12. С. 221].

Всегда была очевидна и так называемая субъективная добросовестность лица, которое не знало и не должно было знать о фактах, имеющих существенное значение. Этот признак в авторской системе составит девятую строчку. На него, в частности, обращали внимание в своих работах Е. Богданов [13] и С.А. Краснова [14]. В качестве завершающего «аккорда» в системе характеристик добросовестности приведем подход Роберта Колба. В представлении данного автора добросовестность в международно-правовых документах имеет триединую сущность, употребляясь в значении юридического факта, стандарта для оценки адекватности поведения, а также общего принципа, защищающего законные ожидания [15].

А сейчас обратимся к исследованиям зарубежных цивилистов последних лет, которые также предметом своего анализа избрали категорию «добросовестность». Так, Башар Хикмет Малкави, профессор Аризонского университета, в своём исследовании, посвященном особенностям действия принципа добросовестности в законодательстве ОАЭ, подчеркнул, что большинство известных его определений имеет одно и то же значение [16]. Однако, рассуждает профессор, следует различать две формы добросовестности: позитивную и негативную. Позитивная предполагает обязательства сторон действовать честно, умеренно, в духе сотрудничества. Негативная форма представляет собой упущение в определенном действии или поведении, т.е. то, к чему сторона не должна стремиться, поскольку эта форма означает несправедливое преимущество, злоупотребление правами, что неизбежно приводит к возникновению конфликтов. В содержании добросовестности Малкави включает также требование ведения бизнеса с полным раскрытием информации, а также разумность как объективный стандарт для оценки поведения сторон. Обращает на себя внимание также подход к определению добросовестности как «состоянию ума», состоящему, во-первых, в честности убеждений и целей; во-вторых, в верности своему долгу или обязательству; в-третьих, в соблюдении разумных стандартов честного ведения дел; наконец, в отсутствии намерения обмануть или получить недобросовестную выгоду. Думается, что именно такое «состояние ума» участников гражданско-правовых отношений важно обеспечить с помощью эффективного гражданско-правового регулирования и адекватной правоприменительной и в первую очередь судебной практики.

Проблеме «максимальной добросовестности» посвятили свои исследования учёные из Германии, Кевин Борк и Манфред Вандт [17]. Доминирующее значение принципа добросовестности данные авторы объяснили невозможностью для законодателя предсказать все возможные ситуации, что и вынуждает его использовать абстракции, включая требование добросовестности. Добросовестность важна как инструмент, применяющий справедливость в каждом отдельном случае, исправляя тем самым «недостатки статутного права». Концептуальным компонентом добросовестности, уверенно замечают авторы, ссылаясь на § 242 Германского гражданского уложения, являются преданность и вера.

Исследовательский интерес представляет собой также работа Эндрю Хатчисона, ассоциированного профессора в Университете Кейптауна. Он размышляет об уникальной южноафриканской перспективе использования местных ценностей, отраженных в термине «убунту», как дополнения к требованию добросовестности, используемого при заключении контрактов в ЮАР. Добросовестность учёный рассматривает как этическую ценность, контролирующий принцип, основанный на стандартах порядочности и справедливости, лежащих в основе договорного права [18]. Добросовестность в концепции данного автора выполняет творческую, контролирующую, узаконивающую и объясняющую функции. Она служит «призмой», через которую приходит понимание сути заключенных контрактов, выражаясь в принципе взаимности. Особенностью добросовестности в ЮАР является существование народного термина «убунту», в котором отражается уникальный южноафриканский взгляд на договорное право. Концепция «убунту» подчёркивает общинный характер общества и несёт в себе идеи гуманности, социальной справедливости, беспристрастности, групповой солидарности, сострадания, уважения человеческого достоинства и приверженность нормам коллективного единства. В Южно-Африканской республике традицией является правило, гласящее, что «человек является человеком через других людей», а значит, его благополучие зависит от группы. В этом и заключается суть требования «убунту», которое было удостоено включения в список конституционных ценностей и стало активно упоминаться в решениях Конституционного суда.

Обращает на себя внимание и работа Олабиси Д. Акинкугбе, доцента школы права Университета Далхаузи в городе Галифаксе (Канада), получившего юридическое образование в Университете Лагоса (Нигерия). Нелучайно в своём исследовании автор говорит о добросовестности в соответствии с законодательством Нигерии [19]. Нигерия сегодня представляется собой развивающуюся экономику, в которой имеет место неравенство и дисбаланс в коммерческих сделках, однако и в этой стране принцип добросовестности пробивает себе дорогу в судебной практике, особенно широко, как отмечает автор, в судах первой инстанции. Понятие добросовестности, отмечается Олабиси Д. Акинкугбе, лишено точного определения, что не мешает его широкому и разнообразному применению в договорном

праве. Принцип добросовестности в этой стране включает в себя также честность, однако этим требованием он не ограничивается. Проявлением добросовестности здесь являются и другие «абстрактные ценности», включая справедливость, разумность, беспристрастность и равноправие. Кроме того, добросовестность, подчёркивается в исследовании, служит для того, чтобы исключить возможность проявления разнообразных форм недобросовестности, вытекающих из нечестной цели или моральных предрассудков. Добросовестность, таким образом, «заполняя пробелы», служит объективным стандартом, основанным на порядочности, справедливости и разумности общества.

Итак, подводя некоторые итоги, можно заключить, что хотя понятие добросовестности и не имеет точного законодательного определения, оно обладает этической ценностью, служа торжеству справедливости. Требование добросовестности позволяет исправлять проявление несправедливости в отдельных случаях благодаря судебной практике и служит общим ориентиром для развития гражданского законодательства. В своей позитивной форме, характеризующей поведение участников гражданского оборота, добросовестность включает требование честности, доверительности, доброжелательности, правдивости, заботливости, беспристрастности, порядочности, гуманности, солидарности и равноправия. Добросовестность в негативной форме предполагает запрет достижения неоправданных преимуществ и злоупотреблений участниками гражданско-правовых отношений. Кроме того, очевидной становится общая задача и гражданского законодательства, и судебной практики, состоящая в превращении добросовестности в «состояние ума» всякого и каждого участника гражданского оборота.

Добросовестность в отражении зарубежной судебной практики

Изучение судебной практики представляет большой научный интерес ввиду особой индивидуальности каждого конкретного из рассмотренных судами дел. Эти примеры как будто окрашены особыми красками, что позволяет судам демонстрировать не только знания закона, но и особый правовой интеллект, отражающий их «умственный и нравственный ценз». Остановлю внимание на четырёх примерах дел, рассмотренных судами Канады, ЮАР, ОАЭ, Нигерии. Первое дело будет основано на решении Верховного суда Канады, принятом в 2018 г. и получившем название «дело Черчилл-Фолс» [20]. Фабула дела такова. Компанией «Черчилл-Фолс» был задуман большой проект, связанный с использованием гидроэнергетического потенциала реки Черчилл (самая длинная река в Атлантической Канаде). Для реализации проекта потребовалось его финансирование и последующая закупка электроэнергии на условиях «бери и плати». «Черчилл-Фолс» удалось уговорить компанию Hydro-Québec (в дальнейшем – штаб-квартира) отложить реализацию собственных гидроэнергетических проектов, заключив контракт, обеспечивающий правовую и финансовую основы для проекта

«Черчилл-Фолс». Это был огромный проект, включавший выпуск облигаций, строительство крупнейшей на тот момент электростанции в мире, а также линий электропередач для транспортировки электроэнергии на расстояние около 1 300 км. Помимо инвестирования капитала и предоставления неограниченной гарантии завершения строительства, штаб-квартира обязалась закупать в течение 65 лет практически всю электроэнергию, которую будет производить станция, независимо от того, нужна она ей или нет. Такое обязательство на условиях «бери и плати» позволило «Черчилл-Фолс» использовать долговое финансирование для покрытия всех затрат на строительство. Однако впоследствии на энергетическом рынке Северной Америки произошли серьёзные изменения, что привело к существенному увеличению рыночной цены на электроэнергию. «Черчилл-Фолс» в связи с этим, обратившись в судебные органы, потребовала от штаб-квартиры пересмотра условия ценообразования контракта, сославшись на принцип добросовестности. По мнению истца, фундаментальные изменения на энергетическом рынке были непредвиденными и нарушили равновесие. Из общей же обязанности добросовестности, закреплённой в законодательстве Квебека, прибыль необходимо перераспределить и разделить более справедливо.

Дело дошло до Верховного суда Канады, который большинством голосов (7:1) постановил, что штаб-квартира не была обязана пересматривать контракт, который предоставил ей существенные и непредвиденные выгоды. В своем решении суд указал, что, хотя принцип добросовестности и может служить для защиты равновесия сторон контракта, в случае возникновения реальных трудностей у одной из сторон, он не должен использоваться для изменения равновесия и навязывания новой сделки. Целью, лежащей в основе принципа добросовестности, как было подчёркнуто в решении суда, является обеспечение того, чтобы каждая из договаривающихся сторон получила выгоду, на которую имеет право по договору. Таким образом, добросовестность служит «исправительному правосудию», позволяя защищать согласованное договорное равновесие и обеспечивать правовую защиту, когда поведение стороны нарушает это равновесие. В данном же случае «Черчилл-Фолс» попыталась использовать обязанность добросовестного поведения как средство справедливого распределения, а в эту сферу, как отметил суд, всегда следует «вступать с большой осторожностью».

Второй пример приведём из судебной практики ЮАР. Суды этой страны при рассмотрении дел исходят из правил публичной политики, которые призывают контролировать и исправлять условия контрактов, признаваемых недобросовестными. В деле «Сасфин против Бьюкса» суд решил аннулировать акт уступки банку балансовых долгов физического лица [21]. Условия контракта были признаны противоречащими государственной политике и, как следствие, недействительными. Суд подчеркнул, что широкие полномочия, предоставляемые контрактом банку, следует рассматривать как частный случай проявления недобросовестности. Фактически такие условия, как было подчёркнуто в решении, превращают должника в «раба финансиста».

С похожей ситуацией сталкивается и судебная практика в нашей стране, что свидетельствует о транснациональной тенденции злоупотребления финансовыми организациями своими гражданскими правами.

Третий пример будет основан на судебной практике ОАЭ. Суды этой страны активно поддерживают так называемые «подразумеваемые» обязательства добросовестности. Это означает, что любой контракт должен исполняться в соответствии с его условиями и добросовестно. Добросовестность при этом предполагает, что договаривающаяся сторона связана не только тем, что прямо указано в контракте, но и условиями, которые рассматриваются как вспомогательные к нему в соответствии с обычаями и характером сделки. Ярким примером, подтверждающим данную правовую позицию, может служить случай с водителем такси. Суд в своём решении подчеркнул, что данное обязательство предполагает не только и не столько перевозку пассажира из одного пункта в другой. Требование добросовестности предполагает обязанность водителя использовать кратчайшую и при этом самую легкую дорогу [16].

Наконец, последний пример приведем из судебной практики Нигерии. В деле «Уильямс против Уильямса» спор возник между братьями в отношении имущества умершего отца [19]. В связи с возникшим конфликтом братья прибегли к посредничеству и впоследствии заключили соглашение, которым подтвердили, что их отец умер, не оставив завещания и отменив все завещательные распоряжения, сделанные им перед смертью. Соглашение содержало формулу раздела имущества и предусматривало, что любой спор, возникающий в связи с этим, будет передан в арбитраж. Впоследствии некоторые из братьев заявили, что обнаружили голографическое завещание и передали его в секретариат суда с просьбой привести завещание в исполнение. Остальные братья выступили против и обратились в суд с просьбой передать иск в арбитраж, как было согласовано. Суд в принятом решении подчеркнул, что заключенное семейное соглашение соответствует нормам морали и чистой совести, а потому в случае любого последующего развития событий, в том числе обнаружения голографического завещания, должно неукоснительно соблюдаться.

Итак, обязательство (или принцип) добросовестности позволяет контрагентам, во-первых, с помощью судебных органов предотвращать навязывание другой стороной самых широких правомочий (особенно это касается финансовых организаций). Во-вторых, требование добросовестности при поддержке судебных органов защищает подразумеваемые или дополнительные обязательства, связанные в том числе с характером сделки. Наконец, добросовестность как требование законодательства служит укреплению стабильности договоров, соответствующих нормам морали и доброй совести. Однако суды отказывают в применении принципа, если его пытаются использовать как средство «распределительного правосудия», на деле изменяющего распределение выгод, установленных заключенным договором.

Добросовестность в отражении практики судов Российской Федерации

Нельзя, конечно же, оставить вне поля исследования и практику судов нашей страны с тем, чтобы сделать вывод о том, насколько активны ответственные судебные инстанции в применении требования добросовестности при рассмотрении и разрешении гражданских дел. Остановим внимание на трёх делах, ставших предметом рассмотрения Верховного Суда Российской Федерации в 2023 г. Первое было связано с иском К.Р. Штирца к «Банку ВТБ» и «Сбербанку России» о признании исполненным кредитного договора [22]. Как было установлено судебными инстанциями, К.Р. Штирц заключил с ПАО «Банк ВТБ» договор потребительного кредита на сумму 560 800 руб. Через некоторое время, погасив часть кредита и узнав о размере своей задолженности, К.Р. Штирц подал заявление о полном досрочном погашении кредита. При этом он обратился за рефинансированием в ПАО «Сбербанк России», в связи с чем последний перечислил ответчику 402 588 руб., правда, с задержкой ввиду неточного заполнения банковских реквизитов. Впоследствии оказалось, что общая задолженность за два дня задержки выросла на 295 руб., что явилось основанием для возврата денежных средств и отказа в признании исполнения всего обязательства по кредитному договору. Нижестоящие инстанции – Соликамский городской суд, Пермский краевой суд и Седьмой кассационный суд общей юрисдикции – отказали в требовании признать кредитный договор исполненным, сославшись на то, что возвращение денежных средств по платежному поручению явилось следствием неправильного заполнения истцом банковских реквизитов. Иной взгляд на оценку фактических обстоятельств высказал Верховный Суд Российской Федерации, применив при этом в качестве решающего аргумента принцип добросовестности. Верховный Суд РФ указал, что поступление денежных сумм в размере, недостаточном для полного погашения гражданином кредита, не является препятствием для их зачисления в установленном порядке и в установленный срок в счёт частичного досрочного погашения кредита. Кроме того, подчеркнула высшая судебная инстанция, ответственность за правильное указание банковских реквизитов лежит не на гражданине-потребителе, а на банке как профессиональном участнике этих отношений. Следовательно, в действиях банка не усматривается реализация требования добросовестности, на что не обратили внимание и не дали надлежащую правовую оценку нижестоящие инстанции. Верховный Суд РФ, отменив все состоявшиеся по делу решения, направил его на новое рассмотрение.

Второе дело было рассмотрено по иску гражданки Е. к ООО «Х. К. Банк» (в дальнейшем – банк) о признании кредитного договора ничтожным [23]. Фабула этого резонансного дела такова. Работники банка, воспользовавшись доверием и легкомысленностью гражданки Е., уговорили её подключиться к услуге «Интернет-банк», дающей возможность заключать кредитный договор дистанционно. Не вдаваясь в детали процедуры дистанционного заключения данного договора, гражданка Е. не могла даже

предположить, что станет субъектом долгового обязательства посредством простого нажатия четырехзначного номера в своем телефоне. Тем не менее, не проявив должной осмотрительности, на полученное от банка SMS-сообщение, где назначение введенного кода было указано латинскими буквами, она автоматически ввела код, который ей было рекомендовано ввести. Негативные последствия не заставили себя долго ждать. Она не только оказалась должником банка на значительную сумму денег (205 904 руб.), но и фактически данную сумму не получила, так как деньги автоматически были переведены в другой банк и списаны. Конечно, она обратилась в полицию и одновременно в суд с требованием о признании заключенного договора ничтожным. При всей, казалось бы, очевидности недобросовестности поведения кредитной организации, Савеловский районный суд, а затем и Московский городской суд в иске отказали. Судебные инстанции сослались на формальное соблюдение требований, предъявляемых к заключению сделки с использованием аналога собственноручной подписи. Вердикт судебных инстанций был таков, что все переводы денежных средств, в том числе их итоговое списание, произошли по собственному распоряжению истицы.

Верховный Суд РФ оценил данную ситуацию иначе. Высшая судебная инстанция подробно в своем определении описала необходимые стадии заключения договора потребительского кредита, которые в конкретном случае не были соблюдены. Действия банка были квалифицированы как недобросовестные, не учитывающие права и законные интересы потребителя. Верховный Суд РФ подчеркнул, что добросовестность финансовой организации предполагает и учет интересов контрагента, и обеспечение безопасности дистанционного предоставления услуг. Таким образом, именно обязательство добросовестности, которое Верховный Суд РФ счел не соблюденным, явилось основанием для отмены всех состоявшихся по данному делу решений и направлению его на новое рассмотрение. Приведенные примеры очень напоминают ситуацию из судебной практики ЮАР и вывод, призывающий не допускать превращения потребителя кредитных услуг в «раба финансиста».

И третье дело было рассмотрено по иску гражданина Г. к гражданину Ф. о признании заключенного договора купли-продажи автомобиля недействительным [24]. Фабула этого дела, кстати, весьма распространенного в современной судебной практике, такова. Между истцом и ответчиком был заключен договор купли-продажи автомобиля. Возникшее обязательство было исполнено, в связи с чем покупатель обратился за регистрацией купленного транспортного средства. И здесь выяснилось, что автомобиль находится в залоге. Как оказалось, залог был сделан в связи с получением гражданином Ф. кредита. Конечно, он знал об обременении продаваемой вещи, но об этом покупателю не сообщил. Гражданин Г. потребовал от Ф. погашения кредита, и заявил, что в противном случае будет требовать признания заключенного договора недействительным. Получив отказ, гражданин Г. обратился в суд с требованием о признании заключенного договора недействительным и применении последствий недействительности сделки. Суд пер-

вой инстанции предъявленные требования удовлетворил, однако вышестоящие инстанции с этим выводом не согласились. Отменяя решение, они сослались на отсутствие умысла у гражданина Ф. на совершение обмана. Умолчание об обстоятельствах, имеющих существенное значение, суды не оценили как очевидное проявление недобросовестности продавца. Иную позицию занял Верховный Суд Российской Федерации. И здесь главным аргументом для него стал принцип добросовестности и его несоблюдение участником сделки. Умолчание об обстоятельствах, имеющих для покупателя существенное значение, Верховный Суд РФ расценил как проявление недобросовестности и со ссылкой на принцип отменил все состоявшиеся по делу решения, отправив его на новое рассмотрение.

Итак, можно сделать вывод, что требование добросовестности становится всё более актуальным в практике высшей судебной инстанции нашей страны. К сожалению, такой вывод нельзя сделать по отношению к нижестоящим инстанциям, решения и постановления которых в связи с неприменением принципа добросовестности Верховный Суд РФ вынужден отменять. Однако перспективы неукоснительного проведения в жизнь требования добросовестности со стороны российской судебной системы очевидны. И это позволяет с оптимизмом и верой смотреть в будущее, в котором участники гражданского оборота по призыву В.А. Кожевникова «страхнут с себя оковы нравственной апатии и неряшливости», сроднившись с нравственными установками доброй совести. Ведь только так, как утверждал классик казахской литература Абай Кунанбаев, и может возвыситься человек.

Список источников

1. Абай Кунанбаев: 10 афоризмов казахского поэта и философа. URL: <https://eksmo.ru/articles/abay-kunanbaev-10-aforizmov-kazakhskogo-poeta-i-filosofa--ID3109636/> (дата обращения: 08.05.2024).
2. Кожевников В.А. О добросовестности в вере и неверии. СПб. : Лань, 2013. 16 с.
3. Смолин М.Б. Отношение социализма к религии вообще и к христианству в частности. URL: https://moskvam.ru/publications/publication_1722.html (дата обращения: 08.05.2024).
4. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ // Российская газета. 1994. № 238-239.
5. Ожегов С.И. Словарь русского языка: около 57 000 слов / под ред. Н.Ю. Шведовой. 10-е изд., стер. М. : Сов. энциклопедия, 1973. 846 с.
6. Агарков М.М. Проблема злоупотребления правом в советском гражданском праве // Избранные труды по гражданскому праву : в 2 т. М. : Центр ЮрИнфоР, 2002. Т. 2. 489 с.
7. Новицкий И.Б. Принцип доброй совести в проекте обязательственного права // Вестник гражданского права. 1916. № 6. С. 59–66.
8. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. / предисл. А.М. Бабкина. 7-е изд. М. : Рус. яз., 1978. Т. 1. 688 с.
9. Жалинский А., Рёрихт А. Введение в немецкое право. М. : Спарк, 2001. 767 с.
10. Розенберг М.Г. Международная купля-продажа товаров. Комментарий к правовому регулированию и практике разрешения споров. М. : Статут, 2003. 323 с.
11. Белов В.А. Добросовестность, разумность, справедливость как принципы гражданского права // Законодательство. 1998. № 8. С. 49–52.

12. Дождев Д.В. Европейская традиция частного права: исследования по римскому и сравнительному праву : в 2 т. М. : Статут, 2021. Т. 1. 457 с.
13. Богданов Е. Категория «добросовестности» в гражданском праве // Российская юстиция. 1999. № 9. С. 13–15.
14. Краснова С.А. Определение понятия «добросовестность» в российском гражданском праве // Журнал российского права. 2003. № 3. С. 62–67.
15. Kolb R. Principles as Sources of International Law (with Special Reference to Good Faith) // Netherlands International Law Review. 2006. № 53. P. 1–36.
16. Malkawi B.H. Good Faith Under the CISG and UAE Law. URL: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=3382725#paper-references-widget (дата обращения: 08.05.2024).
17. Bork K., Wandt M. «Utmost» good faith in German contract law // ZVersWiss. 2020. № 109. P. 243–254.
18. Hutchison A. Good Faith In Contract: A Uniquely South African Perspective // Journal of Commonwealth Law. 2019. Vol. 1. P. 227–271.
19. Akinkugbe D.O. To Recognize or Not? Good Faith Under Nigerian Law of Contract // Journal of Commonwealth Law. 2019. Vol. 1. P. 363–402.
20. Churchill Falls (Labrador) Corp. v. Hydro-Québec. URL: <https://www.canlii.org/en/ca/scc/doc/2018/2018scc46/2018scc46.html> (дата обращения: 08.05.2024).
21. Sasfin (Proprietary) Limited And Hendrik Johannes Stefanus Beukes. URL: <https://www.saflii.org/za/cases/ZASCA/1988/94.html> (дата обращения: 08.05.2024).
22. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 19.12.2023 по делу № 44-КГ23-18-К7. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=797686#5xeAM9UVmCtbUFc5> (дата обращения: 08.05.2024).
23. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 17.01.2023 № 5-КГ22-121-К2. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=748987#RtlCM9UCQ70lvG071> (дата обращения: 08.05.2024).
24. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 14.11.2023 № 16-КГ23-57-К4. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=792615#TEmEM9UyGcoFrZPF1> (дата обращения: 08.05.2024).

References

1. Abai Kunanbayev. (2018) *Abay Kunanbaev: 10 aforizmov kazakhskogo poeta i filosofa* [Abai Kunanbayev: 10 aphorisms of the Kazakh poet and philosopher]. [Online] Available from: <https://eksmo.ru/articles/abay-kunanbaev-10-aforizmov-kazakhskogo-poeta-i-filosofa--ID3109636/> (Accessed: 8th May 2024).
2. Kozhevnikov, V.A. (2013) *O dobrosovestnosti v vere i neverii* [On conscientiousness in faith and unbelief]. St. Petersburg: Lan'.
3. Smolin, M.B. (2017) *Otnoshenie sotsializma k religii voobshche i k khristianstvu v chastnosti* [The attitude of socialism to religion in general and to Christianity in particular]. [Online] Available from: https://moskvam.ru/publications/publication_1722.html (Accessed: 8th May 2024).
4. Rossiyskaya gazeta. (1994) Grazhdanskiy kodeks Rossiyskoy Federatsii (chast' pervaya) ot 30.11.1994 № 51-FZ [Civil Code of the Russian Federation (Part One) of November 30, 1994, No. 51-FZ]. № 238-239.
5. Ozhegov, S.I. (1973) *Slovar' russkogo yazyka* [Dictionary of the Russian Language]. 10th ed. Moscow: Sovetskaya entsiklopediya.
6. Agarkov, M.M. (2002) *Izbrannye trudy po grazhdanskomu pravu* [The Problem of Abuse of Rights in Soviet Civil Law]. Vol. 2. Moscow: Tsentr YurInfoR.

7. Novitskiy, I.B. (1916) Printsip dobroy sovesti v proekte obyazatel'stvennogo prava [The Principle of Good Conscience in the Draft Law of Obligations]. *Vestnik grazhdanskogo prava*. 6. pp. 59–66.

8. Dal, V.I. (1978) *Tolkovyy slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka* [Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language]. 7th ed. Vol. 1. Moscow: Russkiy yazyk.

9. Zhalinskiy, A. & Rerikht, A. (2001) *Vvedenie v nemetskoe parvo* [Introduction to German Law]. Moscow: Spark.

10. Rozenberg, M.G. (2003) *Mezhdunarodnaya kuplya-prodazha tovarov. Kommentariy k pravovomu regulirovaniyu i praktike razresheniya sporov* [International Sale and Purchase of Goods. Commentary on Legal Regulation and Dispute Resolution Practice]. Moscow: Statut.

11. Belov, V.A. (1998) Dobrosovestnost', razumnost', spravedlivost' kak printsipy grazhdanskogo prava [Good Faith, Reasonableness, and Justice as Principles of Civil Law]. *Zakonodatel'stvo*. 8. pp. 49–52.

12. Dozhdev, D.V. (2021) *Evropeyskaya traditsiya chastnogo prava: issledovaniya po rimskomu i sravnitel'nomu pravu: v 2 t.* [The European Tradition of Private Law: Studies on Roman and Comparative Law: in 2 vols]. Vol. 1. Moscow: Statut.

13. Bogdanov, E. (1999) Kategoriya “dobrosovestnosti” v grazhdanskom prave [The Category of “Good Faith” in Civil Law]. *Rossiyskaya yustitsiya*. 9. pp. 13–15.

14. Krasnova, S.A. (2003) Opredelenie ponyatiya “dobrosovestnost” v rossiyskom grazhdanskom prave [Definition of the Concept of “Good Faith” in Russian Civil Law]. *Zhurnal rossiyskogo prava*. 3. pp. 62–67.

15. Kolb, R. (2006) Principles as Sources of International Law (with Special Reference to Good Faith). *Netherlands International Law Review*. 53. pp. 1–36.

16. Malkawi, B.H. (n.d.) *Good Faith Under the CISG and UAE Law*. [Online] Available from: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=3382725#paper-references-widget (Accessed: 8th May 2024).

17. Bork, K. & Wandt, M. (2020) “Utmost” good faith in German contract law. *ZVersWiss*. 109. pp. 243–254.

18. Hutchison, A. (2019) Good Faith In Contract: A Uniquely South African Perspective. *Journal of Commonwealth Law*. 1. pp. 227–271.

19. Akinkugbe, D.O. (2019) To Recognize or Not? Good Faith Under Nigerian Law of Contract. *Journal of Commonwealth Law*. 1. pp. 363–402.

20. Canada. (2018) *Churchill Falls (Labrador) Corp. v. Hydro-Québec*. [Online] Available from: <https://www.canlii.org/en/ca/scc/doc/2018/2018scc46/2018scc46.html> (Accessed: 8th May 2024).

21. South Africa: Supreme Court of Appeal. (1988) *Sasfin (Proprietary) Limited And Hendrik Johannes Stefanus Beukes*. [Online] Available from: <https://www.saflii.org/za/cases/ZASCA/1988/94.html> (Accessed: 8th May 2024).

22. Russian Federation. (2023) *Opredelenie Sudebnoy kollegii po grazhdanskim delam Verkhovnogo Suda Rossiyskoy Federatsii ot 19.12.2023 po delu № 44-KG23-18-K7* [Determination of the Judicial Collegium for Civil Cases of the Supreme Court of the Russian Federation dated December 19, 2023, Case No. 44-KG23-18-K7]. [Online] Available from: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=797686#5xeAM9UVmCtbUFc5> (Accessed: 8th May 2024).

23. Russian Federation. (2023) *Opredelenie Sudebnoy kollegii po grazhdanskim delam Verkhovnogo Suda Rossiyskoy Federatsii ot 17.01.2023 № 5-KG22-121-K2* [Determination of the Judicial Collegium for Civil Cases of the Supreme Court of the Russian Federation dated January 17, 2023, No. 5-KG22-121-K2]. [Online] Available from: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=748987#RtlCM9UCQ70lvG071> (Accessed: 8th May 2024).

24. Russian Federation. (2023) *Opredelenie Sudebnoy kollegii po grazhdanskim delam Verkhovnogo Suda Rossiyskoy Federatsii ot 14.11.2023 № 16-KG23-57-K4* [Determination of the Judicial Collegium for Civil Cases of the Supreme Court of the Russian Federation dated

November 14, 2023, No. 16-KG23-57-K4]. [Online] Available from: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=792615#TEME M9UyGcoFrZPF1> (Accessed: 8th May 2024).

Информация об авторе:

Щенникова Л.В. – доктор юридических наук, профессор, заведующая кафедрой гражданского права Кубанского государственного университета (Краснодар, Россия). E-mail: shchennikova_larisa@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

L.V. Shchennikova, Kuban State University (Krasnodar, Russian Federation). E-mail: shchennikova_larisa@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 10.05.2024;
одобрена после рецензирования 12.10.2024; принята к публикации 19.03.2025.*

*The article was submitted 10.05.2024;
approved after reviewing 12.10.2024; accepted for publication 19.03.2025.*

ОТ РЕДАКЦИИ

Научный журнал «Вестник Томского государственного университета. Право» был выделен в самостоятельное периодическое издание из общенаучного журнала «Вестник Томского государственного университета» в 2011 г.

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзором) (свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-45814 от 08.07.2011 г.), ему присвоен международный стандартный номер сериального издания (ISSN 2225–3513).

Журнал включен в «Перечень российских рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени доктора наук, на соискание ученой степени кандидата наук» Высшей аттестационной комиссии. «Вестник ТГУ. Право» выходит ежеквартально и распространяется по подписке, его подписной индекс – 46014 в объединенном каталоге «Пресса России». Полнотекстовые версии вышедших номеров публикуются на сайте журнала: <http://vestnik.tsu.ru/law>

Все статьи, поступающие в редакцию журнала, подлежат обязательному рецензированию; рукописи не возвращаются. Публикации в журнале осуществляются на некоммерческой основе. С требованиями по оформлению материалов можно ознакомиться на сайте журнала: <http://vestnik.tsu.ru/law>

Адрес редакции: 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36, Томский государственный университет (ТГУ), Юридический институт.

Телефоны: 8 (382-2) 52-98-68, 8 (382-2) 78-35-81.

Факс: 8 (382-2) 52-98-68.

Ответственный секретарь редакции журнала – Н.Г. Геймбух.

Научный журнал

**ВЕСТНИК
ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА.
ПРАВО**

Tomsk State University Journal of Law

2025. № 55

Редактор Ю.П. Готфрид
Редактор-переводчик В.Н. Горенинцева
Оригинал-макет А.И. Лелююр
Дизайн обложки Л.Д. Кривцова

Подписано в печать 19.03.2025 г. Формат 70×100 ¹/₁₆.
Печ. л. 10,6. Усл. печ. л. 13,8. Цена свободная.
Тираж 500 экз. Заказ № 6264.

Дата выхода в свет 28.04.2025 г.

Адрес издателя и редакции: 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36
Томский государственный университет

Журнал отпечатан на оборудовании
Издательства Томского государственного университета,
634050, г. Томск, пр. Ленина, 36, тел. 8(382-2) 52-98-49
<http://publish.tsu.ru>; e-mail; rio.tsu@mail.ru